

Белорусская экономика: вызовы застопорившихся реформ

Румен Добрински (редактор), Аман Адаров, Катерина Борнукова,
Питер Хавлик (Peter Havlik), Габор Хуня (Gábor Hunya),
Дмитрий Крук, Ольга Пиндюк

R

Белорусская экономика: вызовы застопорившихся реформ

РУМЕН ДОБРИНСКИ (редактор)
АМАТ АДАРОВ
КАТЕРИНА БОРНУКОВА
ПИТЕР ХАВЛИК (PETER HAVLIK)
ГАБОР ХУНЯ (GÁBOR HUNYA)
ДМИТРИЙ КРУК
ОЛЬГА ПИНДЮК

Румен Добрински является научным сотрудником Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ). Агат Адаров, Габор Хуня и Ольга Пиндюк являются экономистами-исследователями ВИМЭИ. Питер Хавлик является экономистом-исследователем ВИМЭИ и приглашенным научным сотрудником Международного института прикладного системного анализа (МИПСА). Катерина Борнукова является академическим директором Белорусского экономического исследовательско-образовательного центра (BEROC). Дмитрий Крук является научным сотрудником BEROC.

Краткое содержание

Спустя двадцать пять лет после распада Советского Союза Беларусь представляет собой особый пример переходного процесса, который сочетает в себе, с одной стороны, относительно высокий уровень благосостояния, социально ориентированную политику и зачатки предпринимательства, а с другой стороны - пережитки коммунистического прошлого. Основой белорусской экономической модели в течение большей части этого периода было сочетание внешней ренты и мягких бюджетных ограничений в отношении принадлежащей государству части экономики, подкрепленное мощной системой административного контроля. В периоды благоприятных внешних условий такое сочетание обеспечивало сравнительно высокие темпы экономического роста и позволяло властям выполнять свою часть "общественного договора" с населением, целью которого было обеспечение почти полной занятости. Но данная модель также неизбежно вела к постоянному накоплению квазифискального дефицита, который снова и снова давал о себе знать, а его последующая монетизация вызвала макроэкономические и валютные потрясения. В настоящий момент белорусская экономическая модель близка к тому, чтобы исчерпать себя, и изменения в экономической политике видятся неизбежными.

Выпала ли Беларусь из переходного процесса?

Уникальный опыт Беларуси опровергает многие представления о характере и особенностях процесса посткоммунистического переходного периода. Беларусь встала на свой собственный путь перехода к рыночной экономике, отличный от того, что происходило в других странах, но который, тем не менее, все равно вел к экономическим преобразованиям.

По общепринятым меркам "продвижения по пути рыночных реформ" Беларусь, по сути, "застыла" в состоянии застопорившихся, незавершенных рыночных реформ в той точке, которую большинство других посткоммунистических стран прошло еще в середине 1990-х годов. По этому признаку Беларусь отстает не только от наиболее экономически развитых стран Центральной и Восточной Европы, но также и от стран Содружества Независимых Государств и Украины.

В то же время, в течение двух последних десятилетий темпы роста ВВП в Беларуси были выше не только среднего значения в соседних с ней странах, но также и среднего значения в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а также средних темпов роста ВВП в Юго-Восточной Европе. В результате Беларусь добилась значительного прогресса: к 2015 году ВВП на душу населения в Беларуси составлял порядка 70% от среднего уровня ВВП в группе стран ЦВЕ-11, увеличившись с 48% в 1995 году. Благодаря политике социальной защиты и внутренней консолидации, Беларусь также достигла сравнительно справедливого распределения "дивидендов" такого роста.

В то же время Беларусь была страной с самыми высокими средними темпами инфляции среди всех стран с переходной экономикой; она не смогла добиться устойчивой макроэкономической стабильности и пережила несколько последовавших друг за другом финансовых кризисов. Таким образом, во многом Беларусь опровергает некоторые общепринятые представления о

переходном процессе: страна заметно отличалась от других стран с переходной экономикой своим собственным сценарием перехода к рынку, своими целями в политической и экономической сферах, а также достигнутыми конечными результатами.

Чем Беларусь отличалась от других?

Основная интерпретация непрозрачного пути перехода Беларуси к рыночной экономике (ее также придерживается большинство международных финансовых институтов) состоит в том, что Беларусь затягивает проведение неизбежных реформ благодаря ренте, экспортируемой из России в обмен на политические уступки. Белорусские власти сделали это путем достижения договоренностей с Россией о получении от нее энергетических субсидий в обмен на политическую лояльность и союзничество со своим большим соседом. Беларусь получила доступ к российскому газу и нефти по ценам значительно ниже мировых, в результате чего белорусские предприятия и потребители получили прямые субсидии. Плюс к этому страна получила возможность осуществлять экспорт переработанного топлива и других химических веществ на основе нефти и газа по мировым ценам. Для Беларуси это было равносильно скрытому денежному переводу.

Согласно другим интерпретациям, основанным на политической экономии переходного периода, задержка реформ - это рациональный выбор местных политиков и директивных органов. Во многих странах с переходной экономикой выбор курса реформ был не преднамеренным, а добровольным политическим выбором, сделанным под давлением ограниченности имеющихся вариантов. Только страны, имеющие в достаточном объеме доступные ресурсы для смягчения потрясений переходного периода, могли сделать обдуманный выбор в отношении своего политического курса. Благодаря "плате за лояльность", длительное время получаемой от России, Беларусь была в числе весьма немногих стран с посткоммунистической экономикой, которые могли сделать такой выбор на более долгосрочную перспективу.

Одна оригинальная интерпретация уникального опыта Беларуси основывается на понятии организационного потенциала и связывает приличные показатели экономического роста страны с сохранившимся в ней организационным потенциалом. Благодаря сильному централизованному управлению Беларусь предотвратила разбазаривание активов государственных предприятий, уменьшила рентоориентированное поведение, предотвратила дезорганизацию и сохранила свой технический и производственный потенциал.

Еще одной особенностью переходного периода Беларуси был "общественный договор" с населением, в рамках которого власти обеспечивают стабильность, порядок и низкий уровень неравенства доходов. Было отмечено, что преобладающие в Беларуси социальные ценности и этот "общественный договор" сыграли особую роль том, как в стране развивался процесс перехода к рынку.

Уникальная экономическая модель Беларуси

Белорусскими экономистами предложено классифицировать политическую и экономическую систему, которая развивалась в Беларуси, как "государственный капитализм". Такая классификация указывает на отличия от советской плановой системы, но также указывает и на значительную роль, которую государство играет в экономике.

Центральным элементом политической системы является пирамида принятия решений, характеризующаяся чрезмерным сосредоточением полномочий на ее вершине. Беларусь придерживается односторонней президентской системы, в которой президент де-факто обладает большей властью, чем законодательная власть (так называемая "супер-президентская" политическая система), в то время как Национальное собрание имеет ограниченную автономию даже в рамках своих законодательных полномочий. Члены Совета Министров назначаются непосредственно президентом; Совет Министров служит главным образом в качестве исполнителя решений, принимаемых администрацией президента.

Долгосрочные и среднесрочные цели экономической политики в Беларуси формулируются через "государственные программы", которые обычно рассчитаны на пятилетний цикл. Существует сложная иерархия таких программ, которую возглавляют так называемые "программы социально-экономического развития". Что касается повседневного процесса разработки и осуществления политики, существует сложная система законодательных и нормативных актов, которые устанавливают конкретные вертикальные механизмы административного контроля над экономикой.

Однако более глубокий и более критический взгляд на белорусскую модель "государственного капитализма" позволяет выявить одну ключевую особенность, которая делает сомнительным данное самоутверждение, а именно: отсутствие жестких бюджетных ограничений на функционирование государственных компаний. Поэтому в белорусской экономике сегодня все еще гораздо больше "государственного", чем "капиталистического".

В принципе, государство имеет все рычаги для введения жестких бюджетных ограничений для компаний, которые находятся в его собственности. Тем не менее, белорусские государственные компании и банки по-прежнему в значительной степени функционируют в условиях мягких бюджетных ограничений. Государственные банки активно участвуют в финансовой поддержке государственных компаний, в частности, связанных с реализацией различных государственных программ через так называемый механизм "целевого кредитования". Такие займы выдаются на льготных для бенефициаров условиях (по процентным ставкам ниже рыночных), при этом банки субсидировались правительством в счет этой разницы в процентных ставках. Целевое кредитование приводило к нарушению рыночного равновесия и имело серьезные отрицательные микро- и макроэкономические последствия – такие как эрозия стимулов государственных компаний к реструктуризации, ухудшение качества банковских портфелей и нерациональное распределение ресурсов в масштабах всей экономики, – и, в конечном счете, привело к макроэкономической нестабильности.

Нет приватизации, зато есть рост нового частного сектора

Одним из ключевых отличий постсоветской Беларуси от других стран с переходной экономикой стало ограничение на приватизацию крупных государственных предприятий, доставшихся в наследство от советской эпохи. Приватизация стала одним из чувствительных и спорных вопросов экономической политики и власти не спешили проводить массовую приватизацию; было запущено лишь небольшое количество экспериментальных сделок. При этом, некоторые институциональные изменения в управлении государственных предприятий действительно имели место, в основном в плане коммерциализации - трансформирование советских государственных предприятий в корпоративные хозяйствующие субъекты.

Причины повторяющихся неудач в проведении приватизации сложны. Помимо отсутствия политической воли, существовали систематические конфликты между ценой продавца и ценой покупателя, поскольку власти обычно основывали цену продавца на балансовой стоимости, в то время как потенциальные инвесторы оценивают стоимость предприятия как функционирующей хозяйственной единицы, которая обычно значительно ниже. Правительство также создавало дополнительные постприватизационные требования и условия, в основном касающиеся сохранения уровня занятости и производства, что снижало привлекательность предложений для инвесторов. Кроме того, потенциальные инвесторы считают, что в Беларуси высоки политические риски, поскольку было несколько случаев повторной национализации. В результате этого, несколько приватизационных возможностей в Беларуси вызвало интерес в основном со стороны российских государственных корпораций. Последние сумели договориться о цене в ходе переговоров "за закрытыми дверями", непрозрачных и зачастую политически мотивированных. Такие российские инвесторы также де-факто обладают достаточной политической властью, чтобы самостоятельно обеспечить свои имущественные права после приватизации.

Как следствие этого, государственный сектор по-прежнему доминирует в экономике Беларуси как с точки зрения собственности, так и занятости. Государственная собственность более всего преобладает в секторе производства и менее всего в секторах розничной торговли и коммерческих услуг. Хотя приватизация в данных секторах тоже практически не проводилась, частный сектор уже давно доминирует в большинстве коммерческих услуг, как за счет органического роста новых частных фирм, так и за счет выхода на белорусский рынок иностранных фирм.

Экономическое управление, подчиненное государственным целям

Управление государственными предприятиями интегрировано в административную систему Республики Беларусь, в министерства с функциональными обязанностями по реализации экономической политики. Наиболее важным инструментом управления является система "государственных целей", которые спускаются сверху отдельным государственным предприятиям и, в некоторых случаях, всем экономическим субъектам. Цели организованы по иерархической структуре, начиная с ключевых макроэкономических целей в программах социально-экономического развития. Они затем переводятся в годовые цели, которые в свою очередь переводятся в ориентировочные цели по отраслям и регионам, нижестоящие ориентировочные цели экономической деятельности, а также основные цели для государственных компаний.

Такая система превалировала в 1990-х и 2000-х годах, но в последние годы она постепенно утрачивает силу в связи с сокращением прямого вмешательства в деятельность государственных предприятий. Тем не менее, она продолжает оказывать влияние на работу фирм и банков, которые по-прежнему находятся в государственной собственности.

Наблюдается устойчивый разрыв в уровне производительности между государственным и частным секторами, что негативно отражается на общем экономическом росте в стране. Придерживание рабочей силы является ключевым доказательством неэффективности и низкой производительности госпредприятий. Сохранение или повышение уровня занятости, как правило, является одним из целевых показателей эффективности предприятий, и это само по себе является препятствием для их реструктуризации. Целевое кредитование также способствовало неэффективной корпоративной деятельности, поскольку доступ госпредприятий к льготным

кредитам привел к перенакоплению ими своего физического капитала. Кроме того, в неэффективных компаниях это создает неправильные стимулы, поскольку мягкие бюджетные ограничения служат в качестве дестимулятора реструктуризации.

Энергетика и сельское хозяйство являются двумя секторами, олицетворяющими собой непрозрачную систему явных и неявных субсидий, которые порождают мягкие бюджетные ограничения и способствуют образованию квазифискального дефицита.

Искаженное финансовое посредничество, ведущее к нерациональному распределению ресурсов

Согласно своему официальному юридическому статусу, Национальный банк Республики Беларусь (НБРБ) является "независимым в принятии решений", однако он находится под неформальным давлением сверху, которое влияет на принимаемые центральным банком решения. Это имеет последствия не только для его взаимоотношений с коммерческими банками, но также и для его более широких решений в области монетарной и валютной политики.

Банковский сектор играет доминирующую роль в финансовой системе Беларуси, поскольку рынков капитала практически не существует. Государство по-прежнему сохраняет доминирующее положение в коммерческой банковской системе Беларуси: на государственные банки приходится около 66% от общего объема активов банковской системы.

Бизнес-модель государственных банков предполагает использование собственных средств в качестве дополнительного источника финансирования активных операций ввиду их относительно высокой капитализации. Это приводит к большему (по сравнению с частными банками) кредитному риску, в том числе в целевом кредитовании со стороны некоторых государственных банков. Что касается пассивов, то на государственные банки приходится относительно высокая доля депозитов в основном благодаря неофициальным указаниям государственным предприятиям держать свои счета в государственных банках. Успех же государственных банков в привлечении депозитов населения обусловлен главным образом наличием у них крупной региональной сети.

В последние несколько лет рентабельность, достаточность капитала и ключевые показатели банковского сектора ухудшились главным образом за счет увеличения доли проблемных кредитов в балансовых счетах банков.

Гибкие трудовые договоры и низкий уровень защиты от безработицы

Рынок труда в Беларуси имеет некоторые специфические особенности: с одной стороны, он характеризуется гибкостью с точки зрения продолжительности и условий трудовых договоров, а с другой стороны - чрезмерной зарегулированностью, порождающей неподатливость.

Наличие возможностей в области занятости является важной частью общественного договора в Беларуси. Основной провозглашенной целью государственных стратегий в области рынка труда было обеспечение всеобщего доступа к занятости, а также повышение уровня личных доходов, в первую очередь за счет увеличения уровня заработной платы при отсутствии значительных различий в ставках заработной платы. Основным инструментом политики для достижения

желаемого уровня заработной платы являлась шкала заработной платы, регулирующая уровень оплаты труда для каждой профессии.

В Беларуси существует два вида трудовых договоров: постоянные и срочные. Большинство работодателей предпочитают срочный трудовой договор, который обычно заключается сроком на один год. Такой договор не содержит обязательств по возобновлению трудовой занятости после истечения срока его действия. Он также позволяет увольнять работника в случае упразднения занимаемой должности с выплатой ему выходного пособия только за три месяца. Благодаря гибкости рынка труда с точки зрения договоров, занятость постепенно сместилась от менее производительных и низкооплачиваемых специальностей в сельском хозяйстве и промышленности в сектор развивающихся и быстро растущих услуг.

Экономический рост в Беларуси за последние два десятилетия пошел на пользу бедным слоям населения, обеспечивая некоторые возможности роста для всех, сокращая уровень бедности и предотвращая повышение неравенства в обществе. В период с 2000 до 2015 года произошло 4-кратное увеличение среднего реального располагаемого дохода. Что же касается "общественного договора", то правительство не полагалось на целевые выплаты уязвимым категориям населения. Вместо этого оно стремилось обеспечить всем возможность найти работу, предлагало широкий спектр дополнительных услуг, а также субсидировало некоторые цены и тарифы.

В то же время Беларусь является социально-ориентированным государством без страхования безработицы и пособий по безработице. Технически, пособия по безработице для зарегистрированных безработных действительно существуют, но они весьма низки и не зависят от уровня заработной платы на предыдущем месте работы. Более того, для того, чтобы получить пособие, зарегистрированным безработным зачастую приходится бесплатно участвовать в выполнении социальных или общественных работ.

На Восток по-прежнему ориентированы торговля ...

Исторически сложилось так, что Россия была самым важным торговым партнером Беларуси как с точки зрения экспорта (более половины от общего объема), так и импорта (более трети от общего объема). На долю 28 стран-членов Европейского союза (ЕС-28) тоже приходится значительная доля в объеме экспорта и импорта страны. Экспорт в Россию относительно разнообразен и помимо товаров и сельскохозяйственных/пищевых продуктов включает также транспортное оборудование и технику. В импорте преобладают нефтепродукты. В отличие от этого, экспорт из Беларуси в страны ЕС в основном состоит из минерального топлива, а импорт формируют более продвинутые товары, в том числе химические продукты, техника и транспортное оборудование.

Минеральное топливо традиционно доминировало в качестве ключевой товарной группы как в экспорте, так и в импорте, составляя более трети от общего объема торговли страны с большим отрывом от других продуктов. Беларусь унаследовала от СССР большие нефтеперерабатывающие заводы, на которых поступающая из России сырая нефть перерабатывается в очищенное топливо, бензин и т. д. для дальнейшего экспорта в ЕС. С течением времени доля сырьевых товаров в белорусском экспорте постепенно возрастает и "сжимает" доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, которые могли найти свою рыночную нишу только преимущественно в странах СНГ. Конкурентоспособность

белорусской промышленности на мировом рынке в основном обеспечивается сельскохозяйственными и пищевыми продуктами, а также химическими веществами.

Экспорт и импорт услуг за последние 15 лет неуклонно растут. Положительное сальдо в торговле услугами частично компенсирует хронический дефицит в торговле товарами. С точки зрения своего состава, экспорт услуг доминирует в секторе транспорта, где ключевыми видами транспорта являются транзитные грузовые перевозки по железной дороге, автомобильный транспорт и трубопроводы. Кроме того, в общем объеме экспорта услуг увеличились доли секторов ИКТ и туризма. В импорте преобладают строительные услуги, транспорт и туризм.

... потоки ПИИ...

Приток ПИИ в Беларусь до 2007 года был незначительным, но с 2008 года ежегодный приток был довольно стабильным, в объеме порядка 1,5 млрд евро в год. С учетом размеров страны, Беларусь получила больше ПИИ, чем некоторые страны-соседи, но меньше, чем новые страны-члены ЕС.

ПИИ в Беларуси в основном российского происхождения, составляя почти 60% от совокупного объема. Некоторые западные компании находят свой путь в Белоруссию также и через Россию. Кроме того, ПИИ из Кипра, по всей вероятности, также являются русского происхождения, таким образом зависимость от прямых и косвенных ПИИ из России, вероятно, больше. Вторым важнейшим инвестором на большом расстоянии от России является Австрия, на которую приходится лишь 3,5% от совокупного объема ПИИ.

Значительная часть ПИИ осуществлялась в рамках крупных приватизационных сделок; на совместные предприятия с государственными предприятиями и инвестиции с нулевого цикла приходится меньшая доля в совокупном объеме. Низкое число инвестиционных проектов с нуля – которые являются подлинными предприятиями с ПИИ – свидетельствует о сложных условиях ведения бизнеса в стране. Создание совместных предприятий с участием местных государственных компаний и иностранных инвесторов является практикой ПИИ, предпочитаемой властями Беларуси. Хотя количество таких сделок является значительным, они не способствуют увеличению притока.

Большинство проектов ПИИ с нуля в Беларуси реализуются в особых экономических зонах. В Беларуси существуют три такие формы: шесть свободных экономических зон, Китайско-белорусский индустриальный парк и Белорусский парк высоких технологий. Особые зоны могут быть полезным инструментом политики в области ПИИ, особенно в странах с рискованными условиями ведения бизнеса и неопределенными имущественными правами.

... и интеграционные связи

Внешнеэкономические отношения Беларуси традиционно были во многом обусловлены ее тесными экономическими связями с Россией, а с недавнего времени - и с проектом евразийской интеграции, возглавляемым Россией. Евразийская экономическая интеграция формально развивается очень быстро, начиная с образования в 2010 году Евразийского таможенного союза Беларуси, России и Казахстана. Два года спустя этот блок был заменен Евразийским таможенным союзом – Единым экономическим пространством, а в 2015 году – Евразийским

экономическим союзом (ЕАЭС). Последний также географически расширился и теперь включает, кроме трех членом-учредителей, Армению и Кыргызстан.

В то время как Таможенный союз был направлен только на либерализацию взаимной торговли товарами за счет ликвидации тарифов и введения единого внешнего тарифа, ЕАЭС будет стремиться довести интеграцию до качественно нового состояния, выходящего за рамки вопросов, связанных с торговлей, а также содействующего реализации так называемых "четырёх свобод" – общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также координации экономической политики и энергетических рынков, что планируется достичь к 2025 году.

Одновременное членство членом ЕАЭС в ВТО представляет собой сложную задачу. Беларусь остается единственной страной в составе блока, которая не является членом ВТО и, в целом, относится к тем немногим странам мира, что до сих пор не вступили в ВТО. В то же время она косвенно соблюдает правила ВТО через обязательства своих партнеров по ЕАЭС. Беларусь, кажется, по-прежнему довольно далека от удовлетворения первоначальных требований, озвученных ВТО в отношении сельскохозяйственных субсидий и высокого уровня государственного участия в экономике.

Модель роста, ведущая к макроэкономической нестабильности ...

Период с 1996 по 2008 годы стал для Беларуси периодом высоких темпов роста благодаря, с одной стороны, благоприятным внешним условиям (реинтеграция с российской экономикой, которая открыла дорогу белорусскому экспорту и внешней ренте) и, с другой стороны, экспансионистской политике, способствовавшей инвестициям в основной капитал и росту доходов.

Ситуация начала меняться примерно в 2007 году, когда Россия начала требовать возврата части белорусских экспортных пошлин на нефть и увеличила вдвое цены на поставляемый в Беларусь газ. Белорусские власти столкнулись с дилеммой: изменить политический курс более радикально (что способствовало бы ликвидации избытка спроса, поддерживаемого рентой) или сохранить его и искать возможности для привлечения дополнительных внешних ресурсов, компенсирующих сокращение ренты. Первый вариант политики ассоциировался бы с непопулярными мерами жесткой экономии, поэтому власти выбрали второй вариант.

Политика, ориентированная на экономический рост на основе спроса, и уменьшение внешней ренты в совокупности привели к постоянному расширению внешних дисбалансов и быстрому росту внешней задолженности: во второй половине 2000-х годов дефицит текущего счета Беларуси продолжал расти, достигнув в 2010 году более 15% от ВВП, в то время как валовой внешний долг с 2005 по 2010 годы вырос в четыре раза.

Одним из основных источников макроэкономических дисбалансов был квазифискальный дефицит, являвшийся результатом неэффективного целевого кредитования и мягких бюджетных ограничений. Целевое кредитование, тем или иным способом, повлекло за собой условные фискальные обязательства, поскольку это было де-факто гарантировано белорусским государством. Безнадежные кредиты, появившиеся в результате неэффективного целевого кредитования, в конечном счете накапливались в качестве квазифискального дефицита.

Другим основным источником макроэкономических дисбалансов была популистская политика доходов, которая преобладала на протяжении почти всего периода высоких темпов экономического роста. Предписанные повышения заработной платы приводили к значительному увеличению удельных затрат на рабочую силу и потере конкурентоспособности, поскольку рост реальной заработной платы опережал рост производительности труда. Это было также источником инфляционного давления, поскольку не проводилось никаких проверок про-инфляционного эффекта роста заработной платы. По сути, денежно-кредитная политика полностью отражает собой результаты политики увеличения доходов; кроме того, квазифискальный дефицит, образовавшийся в результате целевого кредитования, постепенно был преобразован в открытый дефицит, и был также монетизирован.

Таким образом, мягкие бюджетные ограничения и непоследовательная политика в области доходов в конечном итоге создали инфляционное давление и макроэкономическую нестабильность.

... которая достигла своего предела

Комплекс политических мер, преобладающих в 2003-2007 годах, был в широком смысле совокупностью следующего: (i) фиксированный валютный курс; (ii) монетарное стимулирование; (iii) прямое стимулирование заработной платы; и (iv) фискальные стимулы (направленные на стимулирование потребительского и инвестиционного спроса). Пытаясь смягчить хроническое давление на валютном рынке, власти прибегли к активным внешним заимствованиям и это произошло на фоне значительного разрыва между равновесным и фактическим валютным курсом. В результате этого, после 2008 года произошел резкий рост внешнего долга.

На фоне врожденных несоответствий основной политики, между 2009 и 2015 годами в Республике Беларусь произошло три валютных кризиса (в 2009, в 2011 и 2014-2015 годах), которые олицетворяли собой противоречивость комплекса макроэкономической политики. Все три кризиса выразились в массовой вынужденной девальвации белорусского рубля, что стало отражением необходимости регулирования реального валютного курса.

Установки экономической политики оставались почти неизменными до конца 2014 года, укореняя макроэкономические диспропорции. Большой упор на стимулирование спроса теперь привел не только к ценовому навету и запоздалому воздействию на реальный валютный курс, но также и к прямому давлению на цены и валютный курс за счет уменьшения спроса на национальную валюту и увеличения спроса на твердую валюту. Эти несоответствия способствовали дальнейшему снижению эффективности усилий в области экономической политики, направленных на стимулирование роста производства и доходов.

Двигается ли Беларусь к новой модели экономической политики?

В конце 2014 года стало очевидно, что далее удерживать фиксированный обменный курс невозможно. С помощью нескольких шагов власти полностью изменили макроэкономическую политику. В первую очередь, была отменена валютная привязка и введен режим плавающего валютного курса. Наравне с изменением режима валютного курса, было объявлено о денежном таргетировании в качестве рамок политики НБРБ с довольно жесткими целевыми показателями

на 2015 год. В свою очередь, правительство заявило о своем намерении упразднить некоторые инструменты стимуляции спроса или ограничить их использование.

Установки экономической политики в настоящее время можно кратко сформулировать следующим образом: (i) механизм плавающего валютного курса; (ii) денежное таргетирование с жесткой промежуточной целью; (iii) ужесточение фискальной политики; и (iv) меньшее использование нетрадиционных инструментов стимулирования спроса (целевое кредитование, стимулирование заработной платы и др.).

Введение режима плавающего валютного курса привело к положительным результатам, помогая восстановить равновесие и служа в качестве более эффективного амортизатора. Относительное ужесточение фискальной политики также сопровождало драматические изменения в монетарной сфере. В частности, произошли значительные сокращения государственных капиталовложений, а также сокращение государственных закупок товаров и услуг и бюджетных трансфертов.

Макроэкономическая среда в Беларуси изменилась. До 2015 года стилизованная макроэкономическая картина представляла собой сочетание, с одной стороны, роста ВВП (хотя и замедляющегося в последние годы) и низкого уровня безработицы, и, с другой стороны, значительного дефицита текущего счета, навеса валютного курса и высокой инфляции. После 2015 года картина изменилась до наоборот: реальный валютный курс примерно соответствует равновесному курсу, дефицит текущего счета близок к своей расчетной точке среднесрочного равновесия и есть признаки дезинфляции; но это сопровождалось сокращением производства и ростом безработицы. В плане роста ВВП, 2015 год был наихудшим годом за последние два десятилетия.

Сейчас Беларусь сталкивается с новыми вызовами и рисками для финансовой стабильности ...

В нынешней макроэкономической ситуации Беларуси необходимо найти новые стимулы для активизации роста. Вопрос заключается в том, сможет ли экономическая политика способствовать такому стимулированию и каким образом, учитывая те вызовы, с которыми директивные органы сталкиваются в настоящее время.

Высокие инфляционные ожидания стали вызовом для органов денежно-кредитного регулирования во многих отношениях, эффективно уменьшая возможности для маневра. Они подстегивают рост реальных процентных ставок и сдерживают инвестиции в основной капитал. Поэтому фирмы могут не проявлять особого желания инвестировать, принимая во внимание невысокий потенциал роста и низкую ожидаемую доходность от инвестиций даже в случае улучшения внешней среды.

Подавление инфляционных ожиданий можно рассматривать как одну из приоритетных целей денежно-кредитной политики и макроэкономической политики в целом. Хотя режим денежного таргетирования снижает риски валютных кризисов, он не может помочь в решении проблемы высоких и стойких инфляционных ожиданий (белорусский рубль был в очередной раз деноминирован в середине 2016 года).

Разрушение существующей совокупности "сдержанных инвестиций в основной капитал" требует многочисленных изменений, касающихся как структурных, так и краткосрочных аспектов, а также обеспечения стабильной монетарной среды. Нестабильность в ожиданиях вызывает явный конфликт между целями НБРБ по обеспечению ценовой стабильности и сглаживанию производства. С этой точки зрения, приоритезация цены и финансовой стабильности приводит к ужесточению денежно-кредитной политики в отношении производства, что сдерживает рост деловой активности.

Эти вызовы в сфере экономической политики усиливаются новыми рисками для финансовой стабильности. В частности, растущие долги создают риски для будущей макроэкономической стабильности. На микроуровне наиболее пострадавшими в плане приемлемости уровня долга были две группы фирм: государственные компании (особенно бенефициары целевых кредитов) и заемщики валютных средств. Экономический спад 2015 года и значительное обесценивание национальной валюты усилили проблемы с обслуживанием долгов.

Что касается банковского сектора, то здесь наблюдается увеличение проблемных кредитов. Официально озвученная доля проблемных кредитов, которая уже достигла тревожного уровня, все еще не отражает реальную ситуацию ввиду несовершенства практики ведения учета и подготовки отчетности.

Растущее бремя корпоративной задолженности может быть разрушительным во многих отношениях. Компании, сталкивающиеся с проблемами задолженности, опускают руки или сокращают свои инвестиционные планы. Банки, которые обременены проблемными кредитами, вынуждены создавать резервы на покрытие потерь, что негативно влияет на их кредитоспособность и уменьшает возможности получения кредита, что в свою очередь отрицательно сказывается на экономической активности. Некачественные портфели негативно влияют на деятельность банков; дальнейшее ухудшение может представлять угрозу для их платежеспособности, потенциально создавая риски для банковской системы в целом.

Власти осознают эти риски. Банкам, сталкивающимся с ухудшением качества активов, было рекомендовано добиваться рекапитализации. Однако, это может оказаться сложной задачей, особенно для государственных банков. Их рекапитализация будет способствовать появлению значительных новых потребностей в государственных ресурсах, что может стать угрозой для устойчивости государственного долга. Правительство рассматривает возможность создания специального агентства по управлению проблемными кредитами.

На макроуровне основные риски для устойчивости государственного долга связаны с его валютной структурой, в которой преобладают обязательства в иностранной валюте. В то время как затраты на обслуживание будущего долга в иностранной валюте будут возрастать, нет определенности в отношении объемов будущих доходов правительства в иностранной валюте; международные резервы также находятся на низком уровне. Правительству потребуется пойти на новые заимствования в иностранной валюте с тем, чтобы иметь возможность обслуживать свои обязательства в иностранной валюте или пролонгировать старые долги. Устойчивость государственного долга может оказаться под вопросом, если станут невозможными новые заимствования, либо если долговое бремя продолжит расти.

... и должна переосмыслить свои отношения с МФО

В течение 1990-х годов Беларусь заключила с МВФ два соглашения о резервных средствах (в 1993 и 1995 годах), но затем они были сокращены по инициативе белорусской стороны по причине наличия противоречий между условиями получения кредитов от МВФ и приоритетами страны в области политики. Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов и срочная потребность Беларуси во внешнем финансировании для обеспечения валютной привязки заставили Беларусь в 2008 году обратиться за финансовой помощью к МВФ в рамках соглашения о резервных средствах.

В такой ситуации белорусские власти были более гибкими в переговорах и приняли на себя ряд обязательств, относящихся не только к краткосрочным макроэкономическим показателям, но также и к ряду проблем структурного характера, которые ранее считались запретной зоной. В свою очередь, МВФ занял более гибкую позицию в переговорах в отношении проблем структурного характера, которые в прошлом рассматривались в качестве отправной точки для переговоров с Беларусью.

На протяжении 2009 года Беларусь неукоснительно выполняла условия МВФ и было реализовано большинство стабилизационных мер. Однако в 2010 году ситуация изменилась. Белорусские власти были заинтересованы в достижении быстрого восстановления экономики и возврата к привычным темпам роста производства и доходов до президентских выборов.

Неприятие программы действий МВФ и доступность других источников внешнего финансирования (в первую очередь, Евразийского фонда стабилизации и развития, ЕФСР) снизили предрасположенность белорусской стороны к соисканию новой программы при поддержке МВФ в 2011-2015 годах. Вместо этого, в 2011 году Беларусь подала заявку на получение стабилизационного займа ЕФСР с явной надеждой на то, что условия такого займа будут меньше противоречить их целям в области политики и что мониторинг со стороны ЕФСР может подвергаться политическому давлению, как и оказалось на самом деле.

В настоящее время Беларусь, как представляется, ведет стратегическую игру между двумя возможными источниками внешней финансовой поддержки, стремясь добиться для себя наиболее выгодных условий кредитования.

Что будет дальше?

Наиболее интригующим вопросом остается вопрос, продолжит ли Республика Беларусь экспериментировать с экономической стратегией и политической программой действий, которые так отличаются от того, что посткоммунистические страны реализовывали в прошлом, или придется ли ей последовать общепринятым реформам преобразования и свернуть на общий путь, наблюдаемый в других странах.

Важно проводить различие между устойчивостью политического курса страны и устойчивостью белорусской экономической модели как таковой. Что касается первого аспекта, то ответ кажется очевидным: проводимый в прошлом политический курс исчерпал себя и должен измениться. На самом деле, изменения уже происходят, поскольку в настоящее время происходит формирование новой модели политики.

Что же касается устойчивости экономической модели страны, которая проистекает из белорусской системы государственного капитализма, то нет каких-либо очевидных аргументов, позволяющих утверждать, что этот тип модели не является устойчивым. Однако для обеспечения ее долговечности властям также потребуются провести некоторые реформы в направлении "больше капиталистического – меньше государственного".

Ключевым тестом жизнеспособности белорусской модели "государственного капитализма" станет готовность властей ввести жесткие бюджетные ограничения в отношении государственных компаний и банков. Капитализм, который частично основан на государственной собственности, принципиально возможен. Однако, он не согласуется с политикой мягких бюджетных ограничений. Для того, чтобы белорусские власти могли оправдать свои заявления о "государственном капитализме", им потребуются предпринять действия в направлении установления жестких бюджетных ограничений в отношении государственных компаний и банков.

Однако, такие изменения в политике приведут к серьезным социальным последствиям, так как они повлекут за собой реструктуризацию государственного сектора экономики, направленную на то, чтобы сделать его более эффективным, в том числе избавление от излишней рабочей силы. Еще одним компонентом текущей экономической модели, которая нуждается в реформе для повышения своей эффективности, является исключительно иерархический процесс принятия решений в области политики. Все еще остается неясным, будут ли готовы белорусские власти предпринять радикальные шаги в этих направлениях.

Ключевые слова: Беларусь, экономические преобразования, макроэкономическая политика, мягкие бюджетные ограничения, валютный кризис

Классификация JEL: E65, O52, P30, P52

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	1
1. Неортодоксальные политические и экономические преобразования в Беларуси.....	3
Выпала ли Беларусь из переходного процесса? Краткие доказательства.....	3
Что отличало Беларусь от других? Обзор интерпретаций.....	10
Уникальная экономическая модель Беларуси	17
Экономические показатели в рамках стратегии постепенного перехода к рынку.....	29
Так насколько успешной оказалась Беларусь? Уроки, полученные на основе уникального опыта.....	43
2. Структурные проблемы	51
Структура экономики и институциональная среда	51
Энергетический сектор	62
Банковский сектор	67
3. Торговля и международные экономические отношения.....	89
Торговля товарами	89
Торговля услугами.....	93
Прямые иностранные инвестиции.....	95
Международное экономическое сотрудничество и интеграция.....	102
4. Текущая макроэкономическая ситуация: дилеммы политики	110
Мягкие бюджетные ограничения и квазифискальные операции в белорусской экономике.....	110
Изменение целей и инструментов макроэкономической политики	117
2015 год: Поворотный момент?	123
Беларусь и международные финансовые институты	144
Приложение	156

ТАБЛИЦЫ И ДИАГРАММЫ

Таблица 1.1 / Сравнение экономических показателей отдельных стран с переходной экономикой, 1996-2015 годы	5
Таблица 1.2 / Беларусь и некоторые другие страны в рейтинге Всемирного банка "Легкость ведения бизнеса", 2005-2016 годы	9
Таблица 2.1 / Структура валовой добавленной стоимости в Беларуси по видам экономической деятельности, 2000-2014 годы, % от общего	51
Таблица 2.2 / Объем производства обрабатывающей промышленности Беларуси по отраслям, 2010-2015 годы, %	52
Таблица 2.3 / Зависимость Беларуси от импорта ископаемого топлива из России, 2005-2014 годы	63
Таблица 2.4 / Разбивка активов коммерческих банков в Беларуси по формам собственности банков, %	67
Таблица 2.5 / Основные финансовые показатели белорусских коммерческих банков, %	72
Таблица 2.6 / Характеристики качества активов белорусских коммерческих банков, 2012-2016 годы	73
Таблица 2.7 / Валютные позиции по группам банков	73
Таблица 2.8 / Уровень занятости и безработицы в Беларуси, тыс. чел, 2005-2015 годы	78
Таблица 2.9 / Реальные доходы населения и бедность в Беларуси, 2000-2015 годы	81
Таблица 3.1 / Приток ПИИ и совокупный объем входящих ПИИ в Беларуси, 2008-2015 годы	96
Таблица 3.2 / Совокупный объем входящих ПИИ по странам происхождения, 2009 и 2014 годы	97
Таблица 3.3 / Проекты ПИИ с нуля в Беларуси	98
Таблица 4.1 / Особые субсидии и связанные с ними квазифискальные операции в Беларуси: сводная информация	116
Диаграмма 1.1 / Ход продвижения по пути рыночных реформ в Беларуси в сравнении с другими посткоммунистическими странами	4
Диаграмма 1.2 / ВВП на душу населения по ППС в отдельных странах с переходной экономикой, не являющихся членами ЕС, по отношению к среднему значению в группе стран ЦВЕ-11 ^{*)} , %, 1995-2014 годы	6
Диаграмма 1.3 / Коэффициенты неравенства доходов Джини в посткоммунистических странах, средние значения за 2005-2013 годы	7
Диаграмма 1.4 / Доля сельского хозяйства и промышленности в валовой добавленной стоимости в отдельных странах, 2005 и 2014 годы, %	8
Диаграмма 1.5 / Темпы роста ВВП Беларуси и России, %, 1995-2015 годы	11
Диаграмма 1.6 / Вклад конечного спроса в рост ВВП Беларуси, %, 1996-2014 годы	29
Диаграмма 1.7 / Целевое кредитование и валовое накопление основного капитала в Беларуси, % от ВВП, 2001-2015 годы	31
Диаграмма 1.8 / Баланс "сбережения – инвестиции" в Беларуси: 1995-2015 годы, % от ВВП	34
Диаграмма 1.9 / Сальдо платежного баланса по текущим операциям Беларуси по секторам, 1995-2015 годы, % от ВВП	35
Диаграмма 1.10 / Производительность труда, реальная заработная плата и внешний долг в Беларуси, 1995-2015 годы, доллары США и индексы	37

Диаграмма 1.11 / Реальный эффективный валютный курс в Беларуси, 1995-2015 годы, индекс (2005 год = 100)	39
Диаграмма 1.12 / Реальный эффективный валютный курс и показатели экспорта, 1995-2015 годы	40
Диаграмма 1.13 / Реальный эффективный валютный курс и сальдо платежного баланса по текущим операциям, 1995-2015 годы	40
Диаграмма 2.1 / Производство валовой добавленной стоимости в Беларуси по формам собственности, 2009-2014 годы, %	55
Диаграмма 2.2 / Развитие кредитования населения в Беларуси в 2000-2016 годах, %, на начало года	70
Диаграмма 2.3 / Общая сумма непогашенных кредитов и общая сумма вкладов в Беларуси, 2000-2015 годы, % ВВП	72
Диаграмма 2.4 / Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Беларуси	74
Диаграмма 2.5 / Демографическая пирамида Беларуси, 2013 год	76
Диаграмма 2.6 / Коэффициент иждивенчества*) и старение населения в Беларуси, 2014-2036 годы	83
Диаграмма 3.1 / 20 ведущих торговых партнеров Беларуси, в среднем в 2005-2014 годы	89
Диаграмма 3.2 / Доля РФ и ЕС-28 в общем объеме торговли Беларуси, 2005-2015 годы, %	90
Диаграмма 3.3 / Объем внешней торговли Беларуси, 2005-2015 годы, млрд долл. США	90
Диаграмма 3.4 / Объем внешней торговли Беларуси с ЕС, 2005-2015 годы, млн евро	90
Диаграмма 3.5 / Конкурентоспособность белорусской промышленности на международном рынке: индекс выявленных сравнительных преимуществ	92
Диаграмма 3.6 / Динамика общего объема торговли услугами в Беларуси в 2005-2015 годах, индекс номинального изменения, %, 2005 год = 100	93
Диаграмма 3.7 / Отраслевая структура торговли услугами в Беларуси в 2008 и 2014 годах	94
Диаграмма 3.8 / Доля России и Украины в секторе торговли услугами Беларуси, %, 2005-2015 годы	95
Диаграмма 3.9 / Количество проектов ПИИ с нуля по основным странам-инвесторам	99
Диаграмма 3.10 / Заявленные капиталовложения в ПИИ с нуля по основным странам-инвесторам, млн евро	99
Диаграмма 3.11 / Количество проектов ПИИ с нуля по видам хозяйственной деятельности	100
Диаграмма 3.12 / Заявленные капиталовложения в ПИИ с нуля по видам хозяйственной деятельности, млн евро	100
Диаграмма 3.13 / Состав рынка ЕАЭС, доля ВВП по ППС 2014 года	104
Диаграмма 3.14 / Структура импортных тарифов Республики Беларусь, 2014 год, %	105
Диаграмма 3.15 / Изменение средней ставки импортного тарифа после внедрения ЕВТ, %	105
Диаграмма 4.1 / Кредитные гарантии центральных органов государственного управления, 2007-2016 годы	111
Диаграмма 4.2 / "Энергетический грант" от России, % от ВВП	113
Диаграмма 4.3 / Трендовые темпы роста ВВП, % в год	118
Диаграмма 4.4 / Базовая тарифная ставка и реальная заработная плата в белорусской экономике, % изменения и индекс, 2006-2015 годы	119
Диаграмма 4.5 / Динамика денежных агрегатов в реальном выражении (дефлирование по индексу потребительских цен), процентное изменение за год (на конец года), %, 2001-2015 годы	119

Диаграмма 4.6 / Реальная заработная плата и реальные удельные затраты на рабочую силу, индекс и % от ВВП, 2006-2015 годы	120
Диаграмма 4.7 / Разрыв между фактическим и равновесным реальным эффективным валютным курсом, % от фактического уровня, 2010-2015 годы.....	120
Диаграмма 4.8 / Валовой внешний и государственный долг Беларуси, 2001-2016 годы (по состоянию на 1 января), % от ВВП.....	121
Диаграмма 4.9 / Эволюция международных резервов, 2008-2016 годы (на начало года)	127
Диаграмма 4.10 / Динамика реального эффективного валютного курса и реальной заработной платы, % изменения за год, 2006-2016 годы.....	128
Диаграмма 4.11 / Валютная структура кредитов и депозитов, % от ВВП, 2000-2016 годы	129
Диаграмма 4.12 / Исполнение бюджета (доходы "+", расходы "-") и погашение внешнего долга, 2010-2015 годы, % от ВВП	132
Диаграмма 4.13 / Разбивка номинальной межбанковской процентной ставки, 2005-2015 годы, %	136
Диаграмма 4.14 / Фактическая инфляция (ИПЦ) и инфляционные ожидания, квартальная динамика (в годовом исчислении), %, 2005-2015 годы.....	136
Диаграмма 4.15 / Динамика валового накопления основного капитала, 2000-2015 годы.....	138
Диаграмма 4.16 / Динамика просроченных платежей и проблемных кредитов, % от ВВП, 2007-2016 годы.....	141
Блок 3.1 / Краткая справка о Евразийской экономической интеграции	103
Блок 4.1 / Субсидии и квазифискальные операции в секторах энергетики и сельского хозяйства	113
Блок 4.2 / Режим плавающего валютного курса: каковы риски для Беларуси?.....	128
Блок 4.3 / Предостережения, связанные с денежным таргетированием в Беларуси	130
Блок 4.4 / Вызовы в сфере монетарной политики в условиях высоких инфляционных ожиданий.....	137
Блок 4.5 / Меры по структурному преобразованию, оговоренные в Меморандуме к соглашению о резервных средствах от 2008 года между Беларусью и МВФ, и их реализация	146
Таблица 1 Приложения / Беларусь: Отдельные экономические показатели, 2000 - 2015 годы ...	156
Таблица 2 Приложения / Крупнейшие компании в Беларуси, 2014 год.....	157
Таблица 3 Приложения / Структура экспорта и импорта Беларуси: 20 главных экспортируемых и импортируемых групп товаров (двухзначный код HS (товарная номенклатура), 2014 год.....	158
Таблица 4 Приложения / Показатели входящих и исходящих ПИИ для Беларуси, 2005-2015 годы	159
Таблица 5 Приложения / Последние крупные проекты ПИИ с нуля в Беларуси.....	160

Диаграмма 1 Приложения / Реальный ВВП в отдельных странах, индекс 2010 года = 100	161
Диаграмма 2 Приложения / Трудоустройство в отдельных странах, определение LFS (исследования в области трудовых ресурсов), индекс 2010 года = 100, с поправкой на разрывы.....	161
Диаграмма 3 Приложения / Доля сельского хозяйства ¹⁾ в валовой добавленной стоимости, %, в отдельных странах, 2005 и 2014 годы	162
Диаграмма 4 Приложения / Доля промышленности ¹⁾ в валовой добавленной стоимости, %, в отдельных странах, 2005 и 2014 годы	163
Диаграмма 5 Приложения / Экономическое управление в Беларуси	164
Диаграмма 6 Приложения / Динамика экспорта в отдельных странах, номинальный индекс 2010 года = 100	165
Диаграмма 7 Приложения / Динамика импорта в отдельных странах, номинальный индекс 2010 года = 100	165
Диаграмма 8 Приложения / Доля экспорта в ЕС в общем объеме экспорта, %, с 1995 по 2015 годы.....	166
Диаграмма 9 Приложения / Доля импорта в ЕС в общем объеме импорта, %, с 1995 по 2015 годы.....	166
Диаграмма 10 Приложения / Доля производства (МСТК 5,6,7) в общем объеме экспорта в отдельных странах, %, с 1995 по 2015 годы	167
Диаграмма 11 Приложения / Основные 10 товаров, импортируемых ЕС из Беларуси, 2015 год (млн. евро, в окружностях), темп изменений в 2013-2015 годах, % (ось Y) и доля в общем объеме, % (ось X).....	167

Введение

После более чем 25-летнего периода посткоммунистических экономических и политических преобразований и тонн написанной на эту тему литературы может показаться, что все, что можно было сказать об этом, уже сказано, а потом повторено и по-новому истолковано множество раз. Тем не менее, уникальный опыт Беларуси в осуществлении перехода к рынку в определенной степени отвергает такое предложение. Кроме того, по той или иной причине, страна редко была объектом исследований ученых мужей ради исследования как такового. Причины этого могут быть разные: отсутствие драматических событий в этот период, отсутствие радикальных экономических и политических реформ в стране, отсутствие лоббирования со стороны зарубежной диаспоры. Плюс ко всему, непрозрачная авторитарная модель управления страной, которая на протяжении более 20 лет вызывала на Западе предубеждения и критику в отношении всего, что происходило в Беларуси. Западные санкции привели к остракизму со стороны окружающего мира, и это служило дальнейшим препятствием для более глубокого экономического анализа. Все это вызывает сожаление, поскольку такие страны-исключения как Беларусь могут тоже дать пищу для размышлений и полезные уроки, извлеченные из опыта перехода к рынку, как с точки зрения их особого пути преобразований, так и в сравнительной перспективе. Картина, которую мы наблюдаем сегодня в этой стране, является результатом уникального политического курса, который бросил вызов Вашингтонскому консенсусу во многих отношениях.

Одним спорным вопросом, связанным с Беларусью, является: Что на самом деле происходило в этой стране в течение последних двух десятилетий? Была ли Беларусь обречена на провал при переходе от плановой к рыночной экономике? Является ли Беларусь случаем застопорившегося перехода к рынку или же случаем применения "постепенного" подхода к проведению реформ переходного периода? Литература по Беларуси богата эпитетами и метафорами в описании характера посткоммунистического развития этой страны.

Опираясь на признаки касательно типа и характера изменений, наблюдаемых в других посткоммунистических странах, Беларусь можно рассматривать как случай "застывшего" перехода к рыночной экономике, поскольку постепенность все-таки предполагает непрерывный процесс реформ, но более медленными темпами. Однако, начиная с середины 1990-х годов, в стране было проведено очень мало таких реформ. В то же время, как отмечается в настоящем докладе, экономическая система Беларуси ни в коем случае не оставались в застывшем состоянии в течение последних 20 лет. Беларусь фактически встала на путь перехода к рыночной экономике как таковой, но она двигалась в другом направлении и создала свою собственную экономическую модель. Эти изменения проводились тоже постепенно, в установленном белорусскими директивными органами темпе. Тем не менее, эти изменения все-таки представляют собой определенный тип системных преобразований экономики, хотя и отличающихся от тех, что происходили в других странах. Кроме того, как отмечается в настоящем докладе, белорусская экономическая система в настоящее время достаточно разнородна и раздроблена, характеризуется сосуществованием рынков, регулируемых рынков и нерыночных

элементов. С этой точки зрения, вероятно, имеются определенные аргументы в поддержку всех различных классификаций, изложенных выше.

Несмотря на различную степень продвижения рыночных реформ как таковых, все посткоммунистические страны, включая Беларусь, в настоящее время полностью отличаются от того, что они представляли собой около 25-30 лет назад. Для тех, кто помнит старые времена, изменения и достижения во всех этих странах были колоссальными, хотя и разными по размаху и масштабу. Их можно наблюдать везде, во всех сферах социально-экономической и политической жизни, но прогресс каждой страны необходимо оценивать с учетом ее специфических особенностей. Было бы неуместно, ошибочно и непродуктивно применять аналитические модели и критерии оценки аналогичные тем, которые применялись в отношении этих стран в 1990-е годы. Соответственно, заглядывая в будущее, можно утверждать, что повестка дня для следующего этапа политики реформ должна должным образом учитывать как текущее состояние экономики, так и специфику текущего контекста – вытекающие из него возможности и ограничения.

Аналитическое исследование, представленное в настоящем докладе, представляет собой попытку заполнить некоторые пробелы в понимании процесса экономических и политических преобразований в Беларуси после распада бывшего Советского Союза. Оставляя в стороне выкладки и интерпретации более теоретического характера, один из ключевых аргументов в данной работе заключается в том, что, в отличие от картины, описываемой посредством общепринятых показателей прогресса в переходе к рыночной экономике – которые, похоже, изобразят страну, застывшую в том состоянии, в котором она находилась около 20 лет назад – Беларусь за этот период прошла долгий путь, но в своем собственном направлении, подойдя к точке, несколько отличающейся от большинства посткоммунистических стран.

Глава 1 настоящего исследования посвящена опыту и результатам развития Беларуси в постсоветский период с рассмотрением ситуации в долгосрочной перспективе. Предпринята попытка сравнить этот опыт с опытом других стран, которые совершили переход от плановой к рыночной экономике. В Главе 2 представлен обзор структуры экономики и институциональной среды Беларуси, а также анализируются некоторые вызовы, с которыми сталкивается страна. В Главе 3 рассмотрены вопросы торговли и международных экономических отношений Беларуси, а также анализируется их влияние на экономическую ситуацию в стране. И, наконец, в Главе 4 мы возвращаемся к текущей макроэкономической ситуации в стране и исследуем некоторые вызовы и дилеммы, с которыми в настоящее время сталкиваются директивные органы Беларуси.

Опыт Беларуси имеет свои достоинства и слабые места, свои взлеты и падения. Можно соглашаться или не соглашаться с доводами в поддержку политического курса страны. Но, в любом случае, этот опыт обогащает наше понимание процесса экономических преобразований некоторыми уникальными особенностями и предоставляет несколько интересных новых уроков как для экономистов, так и для директивных органов.

1. Неортодоксальные политические и экономические преобразования в Беларуси

АВТОР: РУМЕН ДОБРИНСКИ

ВЫПАЛА ЛИ БЕЛАРУСЬ ИЗ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА? КРАТКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Среди стран, начавших экономические и политические преобразования после падения коммунизма, Беларусь, пожалуй, единственная страна, которая реализовала стратегию по-настоящему постепенных изменений за последние 25 лет. Это особенно заметно по общепринятым меркам "продвижения по пути рыночных реформ", например, по тем, что применяет ЕБРР. Согласно этим меркам Беларусь, по сути, "застыла" в состоянии застопорившихся, незавершенных рыночных реформ в той точке, которую большинство других посткоммунистических стран прошло еще в середине 1990-х годов (Диаграмма 1.1).

Кроме того, по этому признаку Беларусь отстает не только от наиболее экономически развитых стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), но также и от стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Украины.

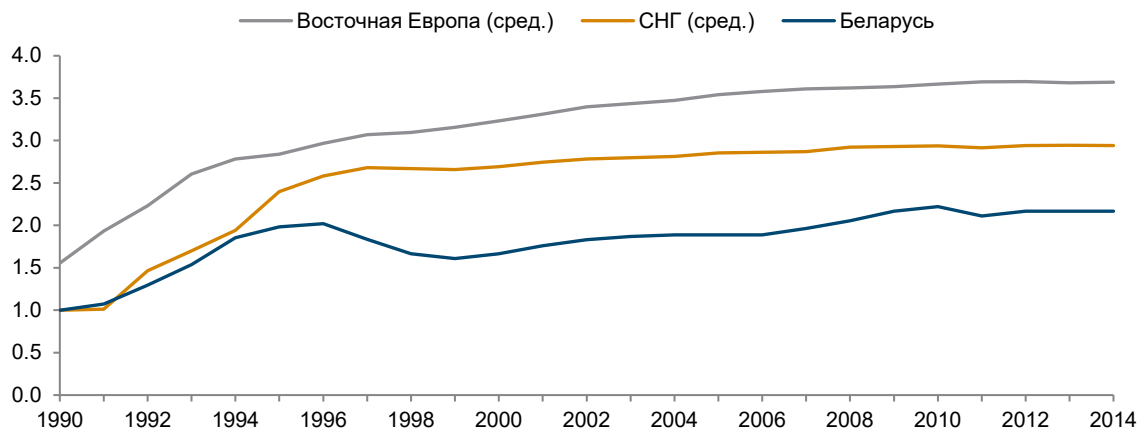
Отставание особенно заметно в двух из реформ, которые занимают центральное место в экономических преобразованиях в целом: реформы в области приватизации и финансов. Таким образом, на государственный сектор по-прежнему приходится львиная доля ВВП Беларуси, что не характерно для любой другой посткоммунистической экономики. Коммерческие банки в Беларуси также до сих пор находятся преимущественно в руках государства; частная и иностранная собственность в банковском секторе ограничена и существенно ниже уровня, сложившегося в других странах (Диаграмма 1.1).

Таким образом, в отношении некоторых из ключевых компонентов процесса системных преобразований – которые, в свою очередь, также рассматриваются в качестве основополагающих характеристик перехода от плановой к рыночной экономике – Беларусь является подлинным исключением среди стран, которые начали этот процесс около 25-30 лет назад.

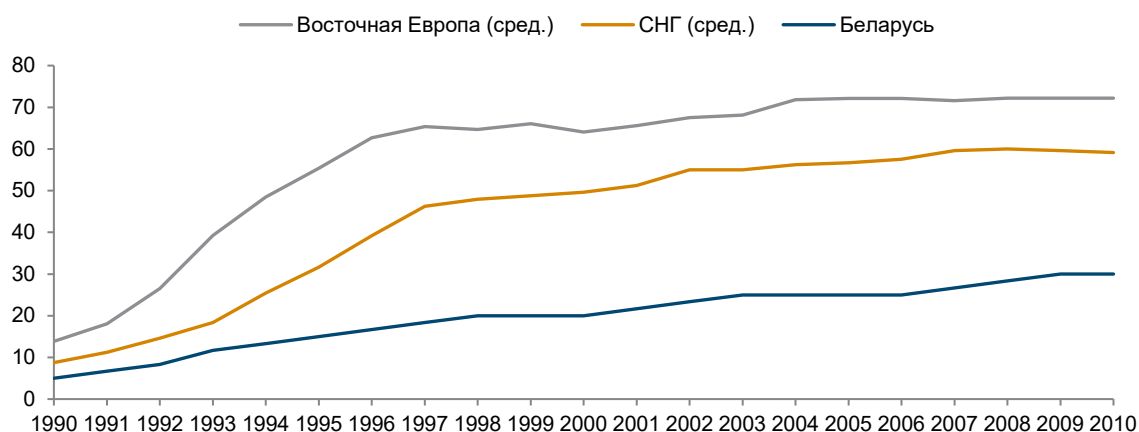
В то же время, если посмотреть на показатели экономического роста этих стран в среднесрочной перспективе, Беларусь является одной из стран, которые добились довольно неплохих результатов (Таблица 1.1).

Диаграмма 1.1 / Ход продвижения по пути рыночных реформ в Беларуси в сравнении с другими посткоммунистическими странами

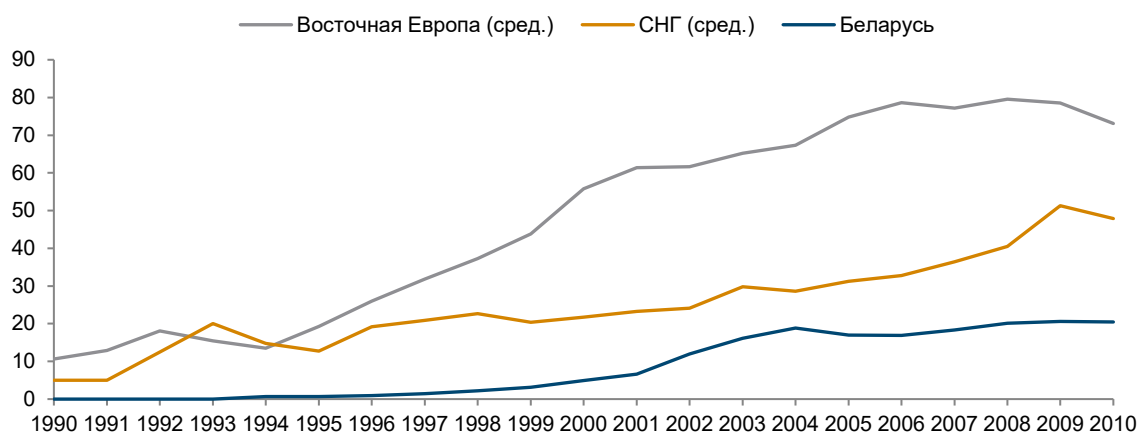
А. Средние значения показателей переходного процесса ЕБРР, 1990-2014 годы

В. Доля частного сектора в ВВП, %, 1990-2010 годы

С. Доля иностранных коммерческих банков, % от общего объема активов, 1990-2010 годы

Источник: ЕБРР.

В течение прошедших двух десятилетий (1996-2005 и 2006-2015 годы) темпы роста ВВП в Беларуси были выше среднего значения в соседних с ней странах (СНГ и Украина), в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а также средних темпов роста ВВП в Юго-Восточной Европе (ЮВЕ).

Таблица 1.1/ Сравнение экономических показателей отдельных стран с переходной экономикой, 1996-2015 годы

	ВВП, среднегодовой темп изменений, %		ИПЦ, среднегодовой темп изменений, %	
	1996-2005	2006-2015	1996-2005	2006-2015
СНГ и Украина				
Армения	8,8	4,0	5,6	5,2
Беларусь	6,9	4,2	66,8	20,9
Грузия	6,6	5,0	10,2	5,1
Казахстан	6,4	5,4	11,7	8,5
Кыргызстан	4,7	4,5	13,6	9,7
Молдова	2,2	3,4	16,0	7,4
Российская Федерация	3,8	2,4	25,5	8,8
Таджикистан	4,0	6,5	47,9	9,5
Украина	1,0	-0,7	18,3	10,1
ЮВЕ				
Албания	5,5	3,5	7,8	2,6
Босния и Герцеговина	13,4	2,0	..	2,8
Македония	1,9	3,0	1,9	2,7
Черногория	..	3,1	..	2,8
Сербия	3,7	1,5	38,0	8,1
Внебалансовые счета:				
СНГ и Украина (сред.)	4,9	3,9	23,9	9,5
ЮВЕ-5 (сред.)	6,1	2,6	15,9	3,8
ЦВЕ-11 (сред.) ^{*)}	4,2	2,0	12,9	3,5

*) Входят следующие страны: Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения.

Источник: база данных ВИМЭИ; статистическая база данных ЕЭК ООН.

Довольно интересную информацию можно получить, если сравнить относительные экономические показатели Беларуси по темпам роста ВВП на душу населения по ППС в отношении той же группы стран (Диаграмма 1.2).¹ Среди ее ближайших соседей (Панель А) только богатые ресурсами страны, такие как Россия и Казахстан, демонстрировали по этому показателю аналогичные или более высокие по сравнению с Беларусью результаты, главным образом благодаря благоприятной конъюнктуре мирового рынка углеводородов в последнем десятилетии. Важно отметить, что, как видно на Панели А Диаграммы 1.2, по тому же показателю Беларусь в среднесрочной перспективе опережает группу стран ЦВЕ-11 (новые государства-

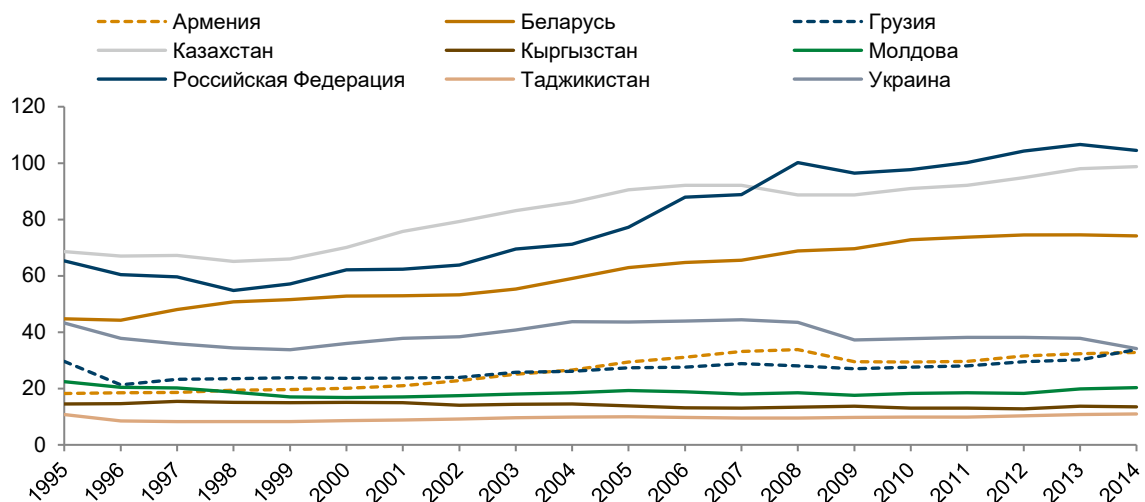
¹ При измерении роста ВВП на душу населения и прогресса в достижении какого-либо уровня, страны с переходной экономикой обычно сравниваются со странами с более развитой экономикой. В противоположность этому, Диаграмма 1.2 показывает относительный рост показатель ВВП на душу населения среди бывших стран с централизованной плановой экономикой в сравнении с группой ЦВЕ-11, взятой в качестве точки отсчета, что простым способом иллюстрирует относительный прогресс отдельных стран в достижении уровня своих соперников.

члены ЕС), рассматриваемую в целом, – группу, в которую, как считается, входят также лидеры в реализации процесса системных преобразований.²

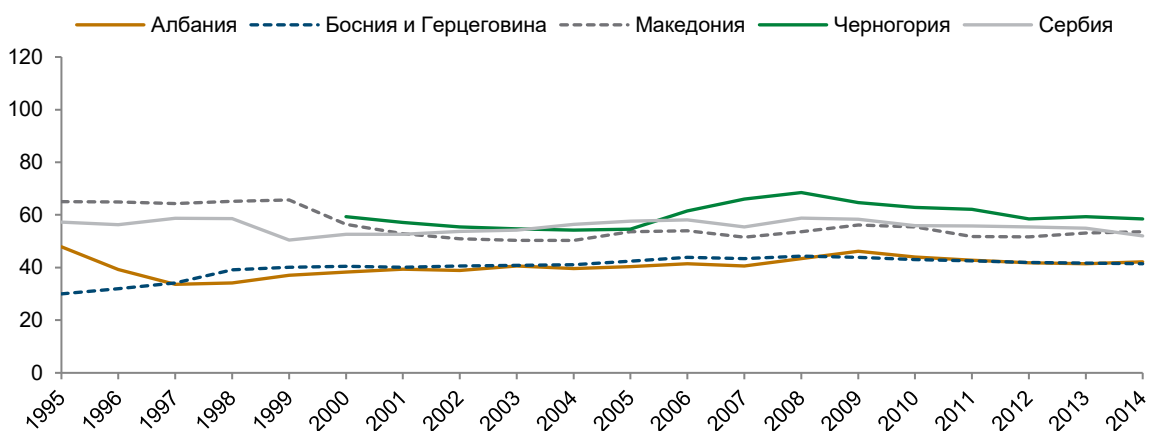
В результате Беларусь добилась значительного прогресса в гонке за странами ЦВЕ, рассматриваемых в целом: к 2014 году ВВП на душу населения в Беларуси составил порядка 70% от среднего уровня ВВП в группе стран ЦВЕ-11, увеличившись с 48% в 1995 году. При сравнении Беларуси со странами Юго-Восточной Европы, не являющимися членами ЕС (Панель В на Диаграмме 1.2), ни одна из них не может похвастаться подобным результатом в этой гонке.

Диаграмма 1.2 / ВВП на душу населения по ППС в отдельных странах с переходной экономикой, не являющихся членами ЕС, по отношению к среднему значению в группе стран ЦВЕ-11^{*)}, %, 1995-2014 годы

А. СНГ и Украина

В. ЮВЕ

*) Входят следующие страны: Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения.

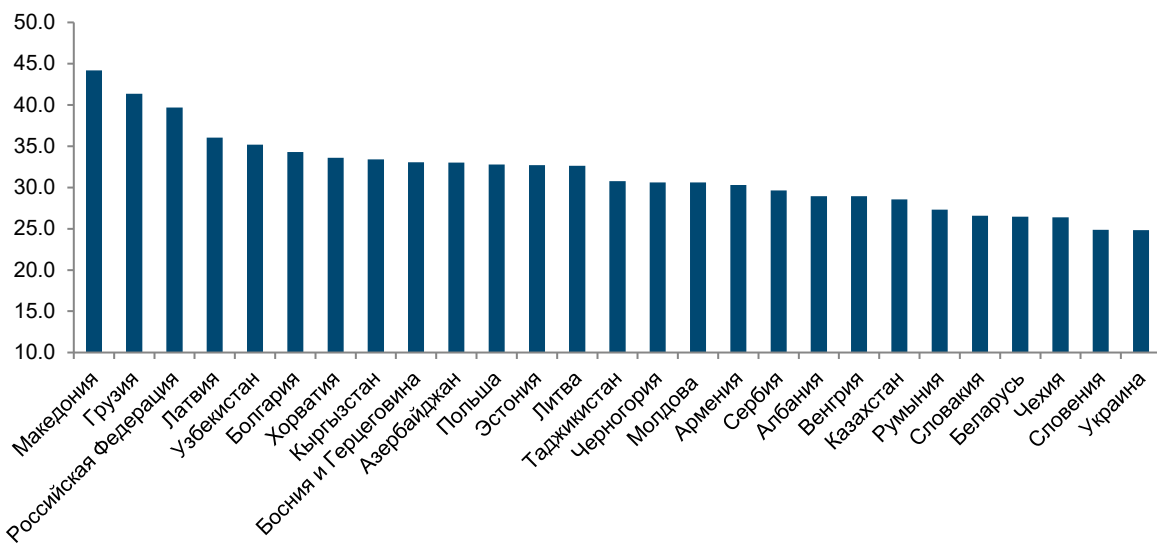
Источники: база данных ВИМЭИ; статистическая база данных ЕЭК ООН.

² Хотя на уровне отдельных стран были страны ЦВЕ, у которых показатели были лучше, чем у Беларуси.

Было проведено обширное исследование о взаимосвязи между рыночными реформами/системными преобразованиями, с одной стороны, и показателями роста при переходе от плановой к рыночной экономике, с другой стороны,³ и целью данной работы не является возобновление спора, связанного с таким исследованием. Тем не менее, в качестве упрощенного стилизованного заключения, данное исследование показывает, что между ними существует положительная корреляция при правильном учете некоторых факторов, в частности, учреждений и начальных условий.⁴ Таким образом, среднесрочные показатели роста Беларуси бросают явный вызов такому заключению, вытекающему из тщательного исследования.

Кроме того, Беларусь в этот период достигла относительно успешных показателей экономического роста, проводя при этом политику, направленную на обеспечение социальной защиты населения и внутренней консолидации. В целом, прирост совокупного благосостояния, по-видимому, пошел на пользу широким слоям населения, о чем свидетельствует коэффициент неравенства доходов Джини: Беларусь является одной из посткоммунистических стран с самыми низкими уровнями неравенства доходов (Диаграмма 1.3).

Диаграмма 1.3 / Коэффициенты неравенства доходов Джини в посткоммунистических странах, средние значения за 2005-2013 годы

Источники: ПРООН (Доклад о развитии человеческого потенциала за 2015 год).

В этой связи, отсутствие приватизации крупных предприятий, как это было сделано в России и других постсоветских странах, возможно, было преимуществом в обеспечении социальной справедливости и еще большей внутренней консолидации. Это также в какой-то степени сдержало процесс появления мощной местной олигархии (которая сегодня существует в Беларуси, но степень и сферы ее влияния на внутреннюю экономическую и политическую жизнь заметно скромнее, чем, скажем, в Украине или в России 1990-х годов).

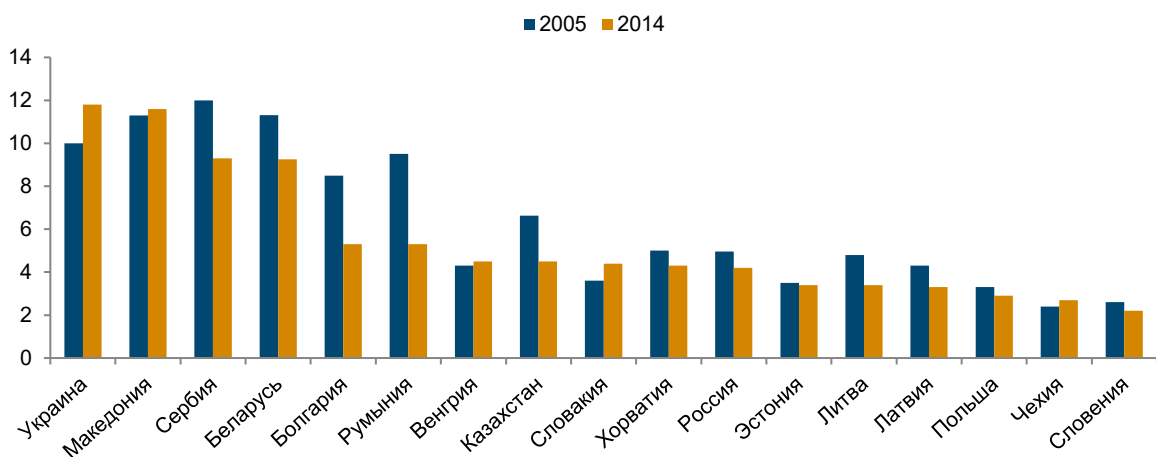
³ См. Хэар (Hare) и Терли (Turley) (2013a); Бабетски (Babetskii) и Кампос (Campos) (2007); Фалчетти (Falcetti), Лысенко и Сенфи (Sanfey) (2006); Гринберг (Grinberg), Хавлик (Havlik) и Хаврилишин (2008), среди других.

⁴ Кампос (Campos) и Коричелли (Coricelli) (2013).

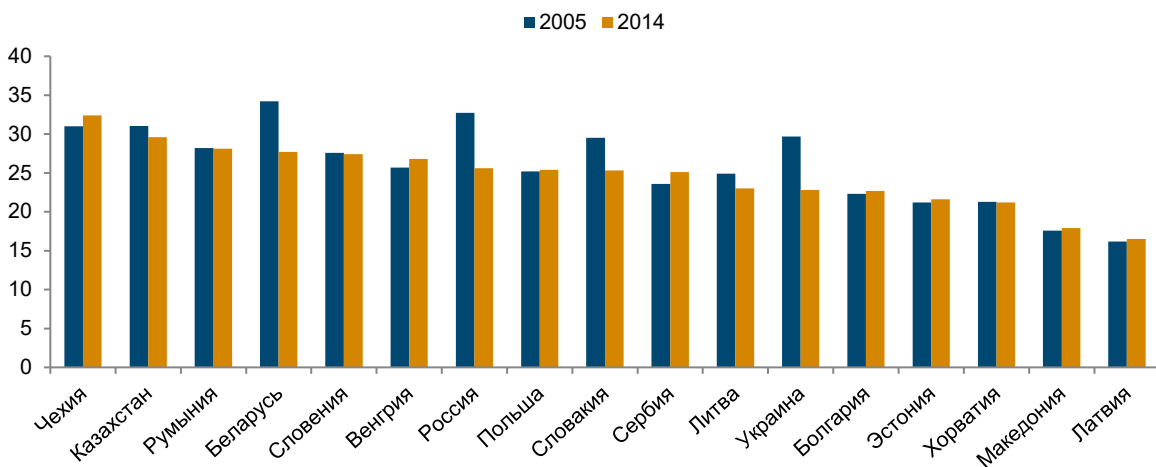
В советские времена Беларусь была одним из "производственных цехов" Советского Союза, который специализировался в ряде отраслей в сегменте рынка с более высокой добавочной стоимостью и рассчитывал на большой советский рынок. Также было относительно хорошо развито и сельское хозяйство, в частности промышленное производство животноводческой продукции. Еще одним краеугольным камнем традиционной экономики была пищевая промышленность, особенно производство молочных и мясных продуктов. В основном, такая структурная ориентация белорусской экономики сохранялась на протяжении последних 25-30 лет, во многом благодаря поэтапному подходу к осуществлению экономических преобразований, а также взвешенной государственной политике (для получения более подробной информации см. Главу 3).

Диаграмма 1.4 / Доля сельского хозяйства и промышленности в валовой добавленной стоимости в отдельных странах, 2005 и 2014 годы, %

А. Сельское хозяйство¹⁾

В. Промышленность²⁾

1) Включая лесное и рыбное хозяйство.

2) Горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность и коммунальный комплекс

Источник: ЕЭК ООН; Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Межстрановое сопоставление (Диаграмма 1.6) показывает, что Беларусь до сих пор является одной из посткоммунистических стран с самой высокой долей промышленности⁵ в общем объеме произведенной добавленной стоимости, хотя эта доля на протяжении многих лет снижается. В то же время Беларусь также является одной из стран с самой высокой долей сельского хозяйства (хотя она также существенно снизилась по сравнению с прошлыми годами). Как видно на Диаграмме 1.6, именно такая специализация как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, выделяет структуру белорусской экономики от той, что существует в других посткоммунистических странах.

Согласно рейтингу Всемирного банка "Легкость ведения бизнеса", в последние годы Беларусь добилась значительного прогресса в улучшении делового климата в стране: она поднялась в общем рейтинге со 106-й позиции в 2005 году до 44-й позиции в 2016 году (см. Таблицу 1.2). В 2010 году Беларусь заняла 4-е место в мире по измеряемым улучшениям делового климата.

Таблица 1.2 / Беларусь и некоторые другие страны в рейтинге Всемирного банка "Легкость ведения бизнеса", 2005-2016 годы

Страна	2005	2008	2012	2016*
Литва	15	28	27	20
Латвия	26	29	25	22
Польша	54	76	55	25
Армения	46	44	32	35
Казахстан	86	70	49	41
Беларусь	106	85	58	44
Россия	79	120	112	51
Азербайджан	98	96	66	63
Украина	124	145	137	83

* В связи с изменениями в методологии, рейтинг за 2016 год напрямую не сопоставим с другими годами.
Источник: Всемирный банк (2016).

В то же время Беларусь также была страной с самыми высокими средними темпами инфляции среди всех стран с переходной экономикой (СНГ, ЦВЕ и ЮВЕ) (Таблица 1.1). Как будет обсуждаться более детально ниже, за эти годы она так и не смогла добиться устойчивой макроэкономической стабильности и пережила несколько последовавших друг за другом макроэкономических кризисов. Сочетание относительно высоких темпов экономического роста и высокой инфляции, кажется, также идет вразрез с устоявшимся мнением о том, что макроэкономическая стабилизация в переходный период является необходимым условием для достижения устойчивого экономического роста.

Таким образом, во многих отношениях Беларусь бросает вызов общепринятым представлениям о целях и характере процесса экономических и политических преобразований в посткоммунистических странах. Беларусь заметно отличалась от других стран с переходной экономикой своим собственным сценарием перехода к рынку, своими целями в политической и экономической сферах, а также достигнутыми конечными результатами.

⁵ В этой работе под промышленностью понимается горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность и коммунальный комплекс.

При этом о Беларуси сравнительно мало известно на Западе и она во многом остается загадкой не только для широкой общественности, но и для значительной части основного экономического сообщества. Многие вопросы, связанные с рыночными реформами в этой стране, остаются без четких ответов. Почему и в чем Беларусь отличалась от других стран с переходной экономикой? Что было факторами и движущими силами этого своеобразного перехода к рынку? Что является успехом и неудачей перехода к рынку, исходя из опыта Беларуси в сравнении с опытом других стран?

Можно пойти еще дальше и задать еще более фундаментальные вопросы, основанные на этом опыте. Являются ли экономические показатели Беларуси доказательством того, что переход к рыночной экономике в других странах мог быть осуществлен другими путями, отличными от тех, что мы видели в действительности? Могли ли такие альтернативные пути облегчить решение некоторых болезненных вопросов переходного процесса и могли ли они способствовать достижению лучших результатов?

В следующих частях этой работы, а также в последующих главах данного исследования будут рассмотрены эти вопросы и предпринята попытка получить на них ответы.

ЧТО ОТЛИЧАЛО БЕЛАРУСЬ ОТ ДРУГИХ? ОБЗОР ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Было бы несправедливо утверждать, что экономисты не обратили внимания на необычную модель преобразований в Беларуси в период перехода к рынку. Действительно, она была темой целого ряда исследований, научных и аналитических, и в них был выдвинут ряд предположений в отношении этого опыта и его детерминантов. В этом разделе мы представляем краткий обзор литературы, посвященной опыту Беларуси в переходе к рынку и его интерпретации, а также другой литературы, которая может оказать помощь в данном вопросе.

Основная интерпретация: Беларусь затягивает проведение неизбежных реформ

Это наиболее широко распространенное мнение, которого также придерживаются все международные финансовые институты, поэтому данную интерпретацию феномена Беларуси можно считать интерпретацией "Вашингтонского консенсуса". Она сводится к пониманию того, что экономические реформы в Беларуси были приостановлены в середине 1990-х годов (см. Диаграмму 1.1) в результате негативной политической реакции консервативных сил, которые установили авторитарный политический режим, противодействующий рыночным реформам (политическая система Беларуси рассматривается ниже). Ввиду отсутствия политической воли для проведения экономических и политических преобразований, власти ищут – и находят – способы затягивания неизбежных реформ, проводимых большинством других стран с переходной экономикой, благодаря своему статусу "государства-рантье".

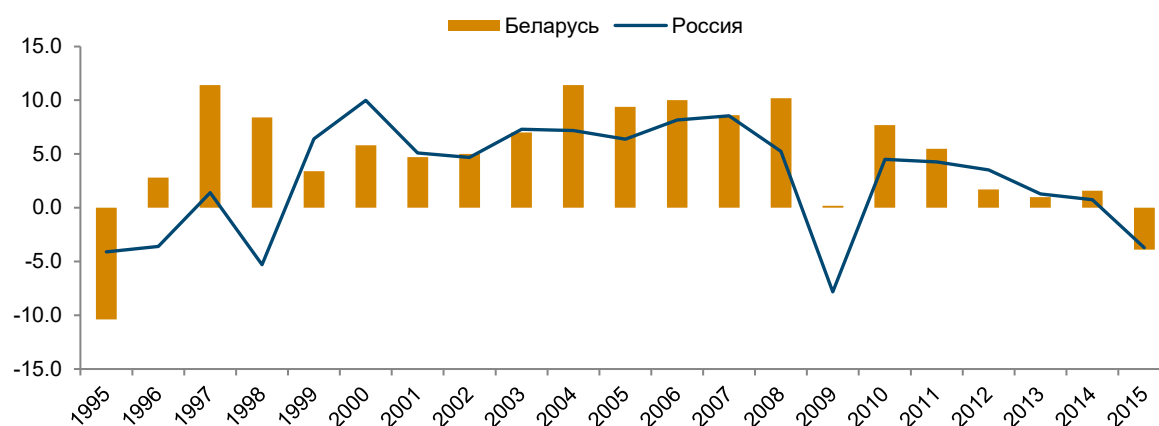
Беларусь, как и все страны с переходной экономикой, испытала на себе серьезные внешние потрясения, когда ее неэффективная структура экономики советского типа подверглась мощному конкурентному давлению со стороны международного рынка. Она также пережила период глубокого трансформационного спада в первой половине 1990-х годов и сталкивалась с такими

же политическими дилеммами относительно скорости структурной перестройки экономики и последовательности реформ переходного периода, с какими сталкивались и другие посткоммунистические страны. Однако вместо выбора того или иного пути перестройки экономики, Беларусь выбрала другой путь – отложить рыночные реформы посредством обеспечения доступа к колоссальным внешним ресурсам, позволяющим ей сглаживать, хотя бы частично, воздействие внешних потрясений. Власти Беларуси сделали это путем достижения договоренностей с Россией о получении от нее энергетических субсидий в обмен на политическую лояльность и союзничество с ней. Беларусь получила доступ к российскому газу и нефти по ценам значительно ниже мировых, в результате чего белорусские предприятия и потребители получили прямые субсидии плюс, кроме того, страна получила возможность осуществлять экспорт переработанного топлива и других химических веществ на основе нефти и газа по мировым ценам. Для Беларуси это было все равно что получить дополнительный денежный перевод.

Условия этих двусторонних договоренностей менялись на протяжении многих лет и общий объем субсидий систематически снижается (более подробную информацию об этом см. в Главе 3), но, так или иначе, они по-прежнему существуют. Доступ властей к этим значительным ресурсам ("плата за лояльность") позволил им продолжить субсидирование неэффективных местных экономических структур и тем самым отложить проведение рыночных реформ, которые должны привести к их болезненной перестройке, как это произошло в других странах.

Плату за лояльность можно считать частью исторически сложившихся тесных экономических, политических и культурных связей между Россией и Беларусью, сохранившихся после распада Советского Союза. Россия остается основным торговым партнером и рынком Беларуси благодаря как традиционным связям в рамках долгосрочного сотрудничества, так и политической поддержке с обеих сторон (см. Главу 4). Вследствие тесных экономических связей, экономический рост Беларуси во многом зависит от состояния российской экономики и подвержен потрясениям, происходящим в России (Диаграмма 1.5).

Диаграмма 1.5 / Темпы роста ВВП Беларуси и России, %, 1995-2015 годы

Источник: база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ).

На протяжении многих лет и вплоть до сегодняшнего дня аналитические публикации МВФ, Всемирного банка и ЕБРР систематически следовали вышеизложенной интерпретации опыта перехода Беларуси к рынку.⁶ Как следствие этого, данная интерпретация задала тон для большинства аналитических трудов по Беларуси. МФУ систематически уделяют особое внимание их выводам о том, что экономический курс и показатели роста Беларуси не являются устойчивыми и что отсрочка рыночных реформ не устранил необходимость их проведения рано или поздно, а только сделает процесс перехода к этим реформам, когда они станут неизбежными, более болезненным.

Такое толкование, однако, оставляет открытым один важный вопрос. Он не дает ключ к пониманию того, почему Беларусь оказалась единственной посткоммунистической страной, пытающейся смягчить потрясения переходного периода и поэтому задерживающей проведение реформ благодаря доступу к ренте. Богатые природными ресурсами страны, в том числе и Россия, очевидно, имели доступ к ренте, которая могла бы быть перенаправлена на такую политику. Но дело в том, что ни одна другая страна с переходной экономикой, включая богатые ресурсами страны, не выбрала такой путь перехода к рынку, как в Беларуси.

В своем чистом виде, основанная на ренте интерпретация экономического роста в Беларуси после 1995 года также не учитывает еще один фактор, который, вероятно, дал аналогичный толчок белорусской экономике. В 1995 году Беларусь и Россия вступили в Таможенный союз, что способствовало устранению большинства тарифных барьеров во взаимной торговле и стало одним из ключевых факторов наращивания экспорта Беларуси в Россию. В некотором смысле Таможенный союз стал мощным фактором восстановления белорусской экономики и усилил эффект энергетических субсидий.

Политическая экономия переходного периода: задержка реформ как рациональный выбор?

Политическая экономия переходного периода предполагает политические решения, касающиеся политики реформ: Как эти решения обретают форму? Что мотивирует принятие таких решений? Кто эти движущие силы (и действующие лица), стоящие за решениями о проведении (или не проведении) реформ? Каким образом реализуются реформы? Насколько успешна политика в достижении целей реализуемых реформ? Почему некоторые предпринятые реформы успешны, а другие нет?

Опыт других стран с переходной экономикой (Болгария является наглядным тому примером) свидетельствует о том, что задержка реформ может быть рациональным выбором, по крайней мере до определенного момента.⁷ Аргументы основываются на специфической политической экономии переходного периода, в частности, на понимании эндогенности политического процесса в условиях динамичного политического равновесия. В такой ситуации реакция рынка на экономическую политику оказывает влияние на политическое равновесие и может вызвать изменения в политике; с другой стороны, экономические интересы очень часто являются

⁶ См., например, МВФ (2009, 2012, 2015).

⁷ Добрински (2013).

функцией прежней политики.⁸ В литературе, посвященной вопросам политической экономии переходного периода, также подчеркивается роль политических ограничений, которые в целом определяют пространство возможных реформ, а также степень свободы директивных органов. Поэтому следует отличать ожидаемые политические ограничения (политические факторы, которые могут заблокировать принятие решений о проведении реформ) от фактических (возможные развороты назад после того, как реформы будут реализованы, а их результаты будут известны).⁹ Другой важной особенностью этих моделей является ориентация на перераспределительный характер (касающийся затрат и выгод) большинства экономических реформ, который порождает "победителей" и "проигравших" в результате этих реформ.¹⁰

Однако следует отметить, что большинство теоретических политэкономических моделей политической реформы предполагают, что общество является полностью демократическим и способным вносить изменения в политику и даже круто ее менять в рамках избирательных циклов. Как будет обсуждаться позже, политическая система Беларуси имеет ряд особенностей, которые идут вразрез с этими предположениями. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что политэкономические аргументы сыграли важную роль в формировании курса перехода Беларуси к рынку.

Степень свободы директивных органов в странах с переходной экономикой относительно самостоятельного и независимого выбора курса реформ, особенно на начальном этапе, была значительно ограничена возможностью экономики смягчить потрясения переходного периода посредством имеющихся резервов или доступных ресурсов, таких как валютные и финансовые резервы, возможностью заимствовать на внешних валютных рынках (а значит и устойчивостью внешней долга), а также способностью правительства заимствовать (а значит и устойчивостью государственного долга). Во многих случаях выбор курса реформ (например, между постепенными и радикальными реформами) был не преднамеренным, а добровольным политическим выбором, сделанным под давлением ограниченности имеющихся вариантов, или же возможность выбора была просто отменена в связи с такими обстоятельствами, как макроэкономические кризисы, когда принятие неотложных мер или корректировка реформ были навязаны политикам и обществу. В одном из крайних вариантов стратегий перехода к рынку, фундаментальный кризис и полное истощение резервов и ресурсов могли бы дать толчок проведению быстрых фундаментальных реформ, которые иначе не были бы возможны из-за политических ограничений. Так было в случае тройного макроэкономического кризиса в Болгарии в 1996-1997 годах, который вызвал необходимость создания валютного совета и скорейшего проведения структурных реформ.

Только страны, имеющие в достаточном объеме доступные ресурсы для смягчения потрясений переходного периода, могли позволить себе сделать обдуманный выбор в отношении своего политического курса. Благодаря длительной "плате за лояльность", получаемой от России в виде поставок нефти и газа по ценам ниже рыночных, а также сохранившемуся доступу на российский рынок, Беларусь была, пожалуй, в числе немногих стран с посткоммунистической экономикой, которые могли бы сделать такой выбор на более долгосрочную перспективу, в том числе

⁸ Крюгер (1993).

⁹ Роланд (1994, 2000).

¹⁰ Фернандес и Родрик (1991).

позволить себе возможность рассмотрения вариантов постепенного изменения, а также изменения в направлении, отличном от большинства других посткоммунистических стран. Таким образом, это другой крайний вариант из всего спектра стратегий перехода к рынку. Кроме того, директивные органы страны, в принципе, могли себе позволить рассмотреть ожидаемые плюсы и минусы постепенных и медленных реформ, с одной стороны, и болезненных реформ по структурной перестройке экономики, с другой стороны. Вышеизложенное предоставляет некоторые аргументы в пользу понимания того, что задержка реформ в Беларуси также несет в себе элементы "рационального выбора".

В то же время, возможность выбора само по себе не объясняет фактический выбор политического курса, поскольку директивные органы Беларуси предположительно имели в своем распоряжении различные варианты. Если бы они выбрали другой курс, скажем, лет 20 назад, сегодня Беларусь могла бы быть совершенно другой. Ниже будут приведены доводы в пользу того, что выбор, сделанный страной в тот момент времени, был определен конкретными условиями и соотношением сил в обществе.

Сохранившийся организационный потенциал

Одна оригинальная интерпретация уникального опыта Беларуси основывается на понятии организационного потенциала и связывает приличные показатели экономического роста страны с сохранившимся в ней организационным потенциалом.¹¹ В этой интерпретации понятие организационного потенциала понимается как организованные способности человека, такие как знания, навыки, опыт и умение работать в команде, необходимые для использования потенциала технологических процессов, которые приводят к экономии в результате диверсификации производства или роста его масштабов.

Более широкий аргумент в рамках этой интерпретации заключается в том, что типичные страны с переходной экономикой, поскольку одно из направлений в экономической литературе придерживалось теории рынков и игнорировало организационную сторону экономики. Кроме того, утверждается, что это обеспечивает недостаточную перспективу, что может дать искаженную картину процесса преобразований и его результатов, если применять их в качестве единой структуры. Затем делается предположение, что уникальность Беларуси на фоне стран с переходной экономикой связана с тем, что она в значительной степени сохранила унаследованный организационный потенциал экономики. Этот аргумент основан на понимании того, что организационный потенциал может стать важным фактором экономического роста стран, которые работают за границами технологий и чей рост основан на имитации, как это было главным образом в постсоциалистических странах.

Точка зрения, основанная на организационном потенциале, подчеркивает некоторые отличительные выгоды и издержки белорусской экономической модели. К положительным моментам относится то, что сильное централизованное управление предотвратило разбазаривание активов государственных предприятий, уменьшило рентоориентированное поведение и предотвратило дезорганизацию; страна сохранила свой технический и развила производственный потенциал. К отрицательным моментам относится недостаточная

¹¹ Радошевич (2011).

реструктуризация старых компаний, поскольку предприятия были защищены от конкурентного давления. Однако, все еще вызывают удивление масштабы мероприятий по реструктуризации предприятий, которые можно объяснить не "внешним" давлением, а в основном внутренними моделями поведения крупных предприятий. Прямые иностранные инвестиции и ввод новых предприятий по-прежнему в значительной степени контролируются государством, что лишает экономику потенциального импорта новых технологий, а также ряда предприятий малого и среднего бизнеса как потенциальных специализированных поставщиков. Беларусь также показывает слабый уровень "экспериментальных мероприятий" и динамического распределения в экономике, что ограничивает ее потенциал для эффективного участия в международном разделении труда.

В рамках этой концепции утверждается, что пример Беларуси свидетельствует о силе организационной экономики, поскольку унаследованный организационный потенциал позволяет компаниям быть эффективными с точки зрения "статического распределения" и сохранить некоторый производственный и технический потенциал в новом контексте внешнего рынка. Но ключевая проблема белорусской экономики будет заключаться в том, сможет ли она пройти процесс либерализации и демократизации, и при этом сохранить свой организационный потенциал.

Роль социальных ценностей, ожиданий и внешних якорей

Социальные ценности, ожидания экономических агентов и внешние якоря были важной частью среды, в которой политики делали свой политический выбор – и, следовательно, политической экономии переходного периода. Беларусь действительно предоставляет достаточно доказательств их важности в формировании курса перехода к рынку.

Таким образом, анализируя пример Беларуси, ЕБРР отметил роль определенных социальных ценностей, сложившихся в Беларуси, а также "общественного договора", который белорусские власти заключили с населением. В рамках этого договора "власти обеспечивают стабильность, порядок, современность и низкий уровень неравенства по доходам. В свою очередь, электорат остается политически латентным ... Контроль над СМИ подкрепляет этот договор и формирует предпочтения населения ... Независимые обследования показывают, что значительная часть населения – хотя и не большинство – предпочитает не свободу, а порядок."¹²

Однако, как обсуждалось в этой главе, белорусский "общественный договор" – который подразумевает рост заработной платы и почти полную занятость, – был в значительной степени профинансирован за счет внешней ренты и сохранения мягких бюджетных ограничений в отношении государственных компаний и банков. Основные параметры данного договора (в том виде, в каком он функционирует до сих пор) могут быть несовместимы с отсутствием внешней ренты.

Что касается роли ожиданий в отношении формирования повестки дня реформ, ее нужно рассматривать в динамике. В 1990-х годах и даже в начале 2000-х, ожидания экономических агентов в странах с переходной экономикой были во многом обусловлены успехами или

¹² ЕБРР (2013), стр. 31.

неудачами своих реформ преобразования, особенно в сравнительной межстрановой перспективе. С вхождением в ЕС большой группы стран Центральной и Восточной Европы, постепенно уменьшилось влияние повестки дня реформ этих стран на ожидания, сначала в отношении новых членов ЕС, а позже и в отношении посткоммунистических стран, не входящих в ЕС. Ввиду того, чтобы ожидания действительно влияют на экономические показатели ввиду их потенциала стать неизбежно сбывающимся предсказанием, косвенный эффект реформ, как фактор формирования некоторых аспектов экономической эффективности (передаваемых через ожидания), тоже уменьшился. Теперь стимул "идти в ногу с Джонсами", похоже, не играет заметной роли в формировании национальной повестки дня экономических реформ в бывших коммунистических странах, включая Беларусь.

Внешние якоря играли чрезвычайно важную роль в институциональных изменениях в странах с переходной экономикой и, в конечном счете, в успехе (или неудаче) процесса политических, экономических и социальных преобразований, отчасти благодаря их влиянию на ожидания экономических агентов.¹³ Так, реальная перспектива членства в ЕС была одним из важнейших факторов и катализаторов процесса реформ в странах Центральной и Восточной Европы, которые вступили или находятся в процессе вступления в ЕС, и дала мощный импульс ускорению рыночных реформ в этих странах.¹⁴

На этом фоне, Беларусь в плане внешних якорей была в зоне "невесомости" на протяжении всего переходного периода. Членство Беларуси в ЕС никогда не рассматривалось обеими сторонами в качестве реальной перспективы. С другой стороны, несмотря на тесные экономические и политические связи с Россией, после обретения своей независимости Беларусь была чрезвычайно заинтересована в сохранении дистанции со своим большим соседом, особенно с учетом восприятия коррумпированного перехода к рынку в России. В связи с этим Россия не служила в качестве привлекательного внешнего якоря и для Беларуси. В подобной ситуации стратегически мыслящие политики могут с еще большей легкостью формировать местные ожидания (и даже манипулировать ими), предлагая модели развития, которые не привязаны к внешним якорям.

Краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные аспекты дихотомии "реформы – рост"

Как уже отмечалось, было проведено обширное исследование о взаимосвязи между рыночными реформами и показателями роста в период перехода от плановой к рыночной экономике. Положительная связь между ними, как показывают выводы многих из этих исследований, служила для директивных органов в странах с переходной экономикой в качестве аргумента и стимула для ускорения рыночных реформ.

Следует отметить, однако, что со временем данная связь стала более невразумительной. В первые годы переходного периода общие факторы, связанные с экономикой, а также изменения в данных факторах, доминировали в показателях стран с переходной экономикой в целом. За прошедшие годы различия в показателях, а также прогресс в преобразованиях привели к

¹³ Ди Томмазо, Рейзер и Уикс (2007).

¹⁴ ЕБРР (2013); Роланд (2000); Добрински (2013).

существенному снижению влияния факторов переходного периода и повышению влияния факторов, специфичных для конкретных стран и определяющих их показатели. В настоящее время было бы бессмысленно оценивать политику и реформы, проводимые в бывших коммунистических странах, даже в тех, что значительно отстают в осуществлении экономических и политических преобразований, используя меры и критерии, которые использовались 20 лет назад.

Большинство исследований, посвященных вопросам экономического роста в странах с переходной экономикой, до сих пор было сосредоточено на общих факторах, которые привели к росту экономических показателей этих стран в переходный период, собственно, когда их показатели в основном определялись факторами переходного периода, и с точки зрения временных рамок касались в лучшем случае среднесрочной перспективы. Если бы пришлось повторить подобные исследования сейчас, они должны были бы, с одной стороны, охватить более долгосрочную перспективу и, с другой стороны, сосредоточить внимание на специфических факторах.

Как уже отмечалось, несмотря на серьезное аналитическое исследование дихотомии "прогресс в реформах преобразования" – "экономический рост", было бы преувеличением утверждать, что данное исследование дало четкие ответы на этот счет. Несомненно, данное исследование позволило существенно углубить знания о причинно-следственной связи между повесткой дня реформ и их результатами, но оно не раскрыло магического рецепта успеха какой-либо конкретной страны, достигнутого своими собственными силами.

Как было показано в предыдущем разделе, опыт Беларуси в течение последних 20 лет во многом противоречит доводам о том, что рыночные реформы – в рамках повестки дня, принятой в других странах с переходной экономикой, – были незаменимым фактором достижения высоких темпов экономического роста. На этом фоне, белорусские директивные органы используют доводы, основанные на собственном опыте, о том, что белорусская модель постепенного перехода к рынку может способствовать достижению более высоких экономических показателей и обеспечению более высокого уровня благосостояния населения. Конечно, устойчивость этой модели в долгосрочной перспективе еще должна будет пройти проверку на практике.

Таким образом, в каждой из перечисленных выше интерпретаций приводятся некоторые аргументы, основанные на фактических данных, и различные точки зрения на уникальный опыт Беларуси в переходе к рыночной экономике. Эти интерпретации не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга, подчеркивая различные аспекты этого опыта. В следующих разделах мы постараемся обеспечить более глубокое понимание эмпирики опыта Беларуси, что должно пролить еще больше света на возможное эмпирическое обоснование этих концептуальных предположений.

УНИКАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БЕЛАРУСИ

Анализ движущих сил и ограничений, стоящих за экономическими показателями Беларуси, вряд ли возможен без более углубленного понимания ее институциональной структуры и процесса принятия решений, т.е. того, что упоминается в настоящем документе как "белорусская

экономическая модель". За последние 25-30 лет произошли значительные – хотя и постепенные – институциональные изменения, которые сделали эту структуру и ее работу полностью отличной от той, что была в советские времена. В то же время, белорусская экономическая модель уникальна и отличается от той модели, что в настоящее время функционирует в странах Центральной и Восточной Европы.

Белорусский бренд государственного капитализма

Недавно некоторыми ведущими белорусскими экономистами было предложено классифицировать политическую и экономическую систему, которая постепенно сложилась в Беларуси, как "государственный капитализм".¹⁵ Такая классификация отражает по крайней мере две основные особенности белорусской экономической системы и модели:

- › с одной стороны, она подчеркивает важную роль, которую государство играет в экономике, что касается права собственности на производственные и бизнес активы и прямого вмешательства в экономический процесс;
- › с другой стороны, она отличает себя от прежней системы централизованного планирования, о чем свидетельствует, в первую очередь, уход государства от прямого распределения ресурсов, характерного для централизованного планирования.

Предположение относительно государственного капитализма в принципе предполагает, что рынки играют ведущую роль в качестве механизмов и драйверов распределения ресурсов. Однако в Беларуси эта роль часто ограничена прямым вмешательством государства в функционирование рынков; как будет показано ниже, государство по-прежнему играет значительную роль (прямо или косвенно) в распределении некоторых ресурсов. Поэтому если придерживаться такого определения, нужно иметь в виду, что в белорусской экономике сегодня существует, пожалуй, больше "государства", чем "капитализма".

Такая самоуверенная классификация Беларуси как страны с экономикой "государственного капитализма" также говорит о значительных системных преобразованиях, благодаря которым страна сегодня перешла от экономической и политической модели советского типа к другой общественно-экономической и политической системе. В то же время, она также говорит о том, что эти преобразования отличаются от тех, что произошли за эти годы в большинстве стран ЦВЕ, каждая из которых ставила своей целью проведение фундаментальных рыночных реформ во взаимосвязи с созданием плюралистической политической системы.

С учетом такого понимания и самовосприятия, контрольными точками для сравнительного анализа Беларуси (в том числе и в отношении практики в области политики) часто являются такие страны, как Китай, Чили, Южная Корея и другие азиатские "тигры" (все из которых достигли экономического успеха при сохранении авторитарных политических режимов), а не ведущие страны ЕС.

¹⁵ См. Рудый (2016).

Однако, более глубокий и более критический взгляд на белорусскую модель "государственного капитализма" позволил бы выявить одну ключевую особенность, которая делает сомнительным данное самоуверенное утверждение, а именно: отсутствие жестких бюджетных ограничений на функционирование государственных компаний. Как будет обсуждаться ниже в этой главе и на протяжении всего документа, государственные компании и банки в Беларуси по-прежнему в значительной степени функционируют в условиях мягких бюджетных ограничений, причем государство всегда рядом и готово протянуть финансовую руку помощи компаниям и банкам, оказавшимся в критическом финансовом положении.

Важность мягких бюджетных ограничений (понятие, впервые введенное Яношом Корнаи) как наследия централизованного планирования и фактора, с которым придется иметь дело в процессе перехода от плановой к рыночной экономике, широко обсуждалась в литературе, посвященной рыночным реформам в странах Центральной и Восточной Европы.¹⁶ Поиск радикального способа отделить компании и банки от государства как кредитора последней инстанции был в числе ключевых политических обоснований скорейшей реализации процесса приватизации во многих странах ЦВЕ.

В принципе, государство имеет все рычаги для введения жестких бюджетных ограничений для компаний, которые находятся в его собственности. Однако тот факт, что белорусские государственные компании и банки по-прежнему в значительной степени функционируют в условиях мягких бюджетных ограничений, свидетельствует о том, что до тех пор, пока будут существовать отношения симбиотической собственности, сделать это будет практически невозможно. Политэкономические аспекты мягких бюджетных ограничений в Беларуси обсуждаются ниже; здесь же необходимо подчеркнуть тот факт, что распространенность мягких бюджетных ограничений противоречит заявленной классификацией Беларуси как страны с экономикой "государственного капитализма".

Политическая система

Экономическая модель, основанная на "государственном капитализме", требует соответствующей политической системы, которая регулирует и поддерживает такую модель, и об этом также свидетельствует опыт других стран, придерживающихся схожих экономических систем. Основой и ключевым строительным блоком политической системы Беларуси является высоко централизованная пирамида принятия решений, закреплённая в Конституции страны. Главной особенностью этой пирамиды является чрезмерное сосредоточение полномочий на ее вершине.

Беларусь придерживается односторонней президентской системы, в которой президент де-факто обладает большей властью, чем законодательная власть (так называемая "супер-президентская" политическая система). Фундамент нынешней политической системы был заложен в ходе конституционной реформы, начатой в 1996 году исполняющим обязанности президента Александром Лукашенко во время его первого мандата, и закреплён референдумом, проведенным в том же году. Новая конституция наделила президента широкими полномочиями, такими как право распускать парламент, назначать референдум, издавать декреты, имеющие

¹⁶ См., например, Шаффер (1998), среди других.

силу закона, назначать премьер-министра, назначать половину членов Конституционного Суда и Верховного Суда, а также определенную часть членов верхней палаты парламента.¹⁷ Была учреждена верхняя палата Национального собрания, состоящая из членов, назначаемых президентом и органами местного самоуправления, и "разбавляющая" силу избираемой нижней палаты Национального собрания. Кроме того, не существует никаких ограничений сроков президентства.

В соответствии с этими установками, на вершине пирамиды принятия решений находится президент и его аппарат, обладающие необходимыми административными возможностями для обеспечения комплексного процесса принятия решений. Национальное собрание де-факто имеет ограниченную автономию даже в рамках своих законодательных полномочий. Так, проект каждого нормативного правового акта перед вынесением на утверждение парламента должен сначала пройти процедуру согласования с администрацией президента; многие законопроекты фактически готовятся администрацией президента. Плюс, многие сферы законодательного регулирования, которые в странах парламентской демократии обычно относятся к парламентскому статутному праву, в Беларуси регулируются президентскими указами. Президент де-факто имеет право вето на все важные решения в государственном секторе, доминируя над всеми другими уровнями государственной власти.

Члены Совета Министров, исполнительной ветви власти, назначаются непосредственно президентом (не нужно даже формального утверждения парламентом) и выполняют в основном функции, связанные с практической реализацией решений, поступающих от Президента. Нижние уровни государственной власти функционируют по аналогичной схеме, в основном выполняя роль проводников решений, принимаемых на уровне Совета Министров, вдоль соответствующей вертикали власти (см. Диаграмму 5 "Совокупная организационная структура экономического управления в Беларуси" в Приложении).

В Беларуси 24 министерства, каждое из которых отвечает за реализацию политики в соответствующем секторе. Среди них есть несколько министерств, занимающихся вопросами экономической политики: Министерство экономики, Министерство финансов (отвечает за бюджет, но не за сбор налогов), Министерство по налогам и сборам, Министерство торговли, Министерство промышленности, Министерство труда и социальной защиты, Министерство сельского хозяйства и продовольствия, Министерство архитектуры и строительства. Министерство иностранных дел имеет экономическую функцию стимулирования экспорта. Функциональные обязанности министерств иногда пересекаются, что приводит к соперничеству между ними, неэффективности их работы, а иногда и параличу.

Политические партии играют ограниченную роль в политической жизни Беларуси. Наряду с политическим подавлением критики в адрес правящей элиты, сдерживающим фактором в формировании надлежущей партийной системы являются слабые конституционные полномочия Национального собрания, поскольку они не обеспечивают достаточных стимулов для борьбы партий за места в парламенте. В отсутствие ограничений количества сроков президентства и альтернативной системы власти на основе партийности, президент стал центром тяжести для политической элиты страны.

¹⁷ Ронтоянни и Коростелева (2005).

С учетом этой структуры власти, президентские выборы также являются наиболее важными политическими событиями, которые определяют политический цикл в Беларуси. В свою очередь, в отсутствие чрезмерных экономических потрясений, итоги политических циклов в значительной степени предсказуемы. Таким образом политическая цель предотвращения экономических потрясений являлась и является ключевой мотивацией правящей элиты для реализации стратегии поэтапного перехода Беларуси к рынку. Еще одним ключевым фактором, определяющим содержание политической повестки дня, было намерение создать спокойную обстановку для всего населения (т.е. электората), включая его менее состоятельные слои. Стойкий уклон верхнего уровня принятия решений в сторону более социально-ориентированной политики часто приводит к принятию откровенно популистских политических решений.

Хотя по западным меркам политическая система Беларуси является далеко не плюралистической и демократической, она все же не лишена прагматичности. Например, поскольку политический цикл де-факто играет относительно ограниченную роль, правящая элита в принципе имеет привилегию большего горизонта планирования при разработке и реализации политики, чем это обычно бывает в странах с плюралистической демократией. Такая система также обеспечивает достаточно высокую степень предсказуемости базовых условий для ведения бизнеса.

Ключевые политические инструменты и механизмы

Практика централизованной политики в области государственного управления Беларуси преследует долгосрочные и среднесрочные политические цели через так называемые "государственные программы", которые обычно охватывают пятилетний цикл. Существует сложная иерархия таких программ, которую возглавляют так называемые "программы социально-экономического развития". Поддержка программных задач за счет финансовых ресурсов, которые непосредственно включены в качестве неотъемлемой части принимаемой государственной программы, является своего рода гарантией того, что эти финансовые ресурсы будут затем включены в бюджет на соответствующий отчетный период. В свою очередь, среднесрочные бюджетные рамки составляются на основе социально-экономического прогноза с указанием целевых показателей для экономики в целом и для ее ключевых секторов. Однако, нет четких процедур для обоснования эффективности государственных расходов, нет сложившейся практики открытого обсуждения целей и бюджетного процесса, и нет основанной на фактах оценки воздействия политики.

Что касается повседневного процесса разработки и осуществления политики, существует сложная система законодательных и нормативных актов, которые устанавливают конкретные вертикальные механизмы административного контроля над экономикой. Они приводятся в исполнение подчиненной иерархической системой решений, принимаемых соответствующими административными органами. Примечательно, что Беларусь поддерживает класс хорошо образованных и способных государственных служащих и администраторов на всех уровнях системы государственного управления, которые обеспечивают ее бесперебойное функционирование.

Что характерно для существующей системы – и существенно отличает ее от централизованной системы планирования при коммунизме – это относительно высокая степень прозрачности процесса разработки политики в Беларуси. В сочетании с в целом хорошим уровнем культуры в области ИКТ в Беларуси, в стране постепенно была разработана эффективная система общедоступных директивных документов различного рода. Процесс разработки и реализации политики происходит в рамках системы государственного управления и нет параллельных (и превосходящих по юридической силе) процессов принятия решений, проходящих по партийной линии; также в стране нет доминирующей политической партии.

Однако – и это еще одна особенность белорусской модели – в Беларуси слово "прозрачный" отнюдь не является синонимом слова "демократический". Фактический процесс принятия решений явно работает по принципу "сверху вниз", вдоль четко определенной вертикали власти. Кроме того, автократический характер этого процесса также появляется в разрыве между верхним уровнем управления и ответственностью.

В действительности, высшие полномочия по принятию решений (которые в основном сконцентрированы на верхнем уровне административной пирамиды) практически не связаны с номинальной ответственностью за результаты решений в области экономической политики (которая в принципе делегирована в иерархическом порядке различным уровням пирамиды). Это не обязательно принимает форму прямого вмешательства в процессы принятия решений на более низком уровне. Например, некоторые желаемые макроэкономические цели (которые не могут быть внутренне согласованными) обычно устанавливаются сверху вниз как обязательные целевые показатели в программах социально экономического развития верхнего уровня. Затем макроэкономические целевые показатели разлагаются на составные части и направляются на нижний уровень управления, неся с собой несоответствия, которые они в себе воплощают. Однако такая система дает возможность верхнему уровню, в случае неблагоприятных результатов некоторых решений в области экономической политики, переложить политическую ответственность за эти результаты на уровни, которым соответствующая номинальная ответственность была делегирована. Таким образом, изменения на различных уровнях государственного управления зачастую используются для поглощения социального давления, являющегося следствием экономической бесхозяйственности.

Кроме того, гораздо меньше прозрачности в отношении последствий и результатов принятия экономических решений и их конечных последствий для государственных финансов. В первую очередь, нет установившейся практики оценки результатов принятых ранее политических решений, которая бы способствовала принятию более осознанных политических решений в будущем. Проблема усугубляется нерегулярной – но широко распространенной – практикой непрозрачных забалансовых финансовых операций и отсутствием надлежащей системы финансовой отчетности. Так, очень часто экономический результат некоторых экономических решений не отображается в общем финансовом балансе, но результаты в различных условных фискальных обязательствах, которые могут появиться только через некоторое время, запаздывают. Поэтому цифры общего финансового баланса (и дефицита) не являются действительно значимыми в отношении фискального положения правительства, так как истинное положение должно учитывать (зачастую очень большой) квазифискальный дефицит.

И, в-третьих, что характерно для Беларуси - это сосуществование двух вариантов разработки и реализации политики: основанного на правилах и дискреционного. Часто применяются дискреционные интервенции, исходящие из верхней части пирамиды, особенно в качестве механизмов антикризисного управления, которые вмешиваются в функционирование процессов, основанных на правилах, и отменяют собой решения, принятые на основе правил. Хотя дискреционные решения могут приниматься в благих целях и быть явно направленными на достижение положительных экономических результатов, нет никакой гарантии, что они согласуются с общими целями политики, политическим климатом и другими компонентами комплекса политических мер. Поэтому такие решения несут риск возникновения рыночных перекосов и квазифискальных обязательств.

Одним из широко используемых дискреционных механизмов в белорусской системе государственного капитализма являются различные ценовые ограничения, среди которых: фиксированные цены, ценовые потолки, потолки наценки, потолки нормы прибыли, а также правительственные индикативные цены. Степень ценовых ограничений менялась с течением времени, и периоды либерализации цен сменялись периодами повторного введения ценовых ограничений, особенно во времена макроэкономической нестабильности.

Учитывая значительную роль государства в экономике, отраслевые министерства в Беларуси также имеют функциональные обязанности, которые являются не очень типичными для подобных органов государственного управления в условиях рыночной экономики. В частности, различным отраслевым министерствам делегированы полномочия представлять государство как собственника государственных компаний, которые попадают в сферу их функциональных обязанностей. Хотя эти полномочия отличаются и меньше по масштабу, чем они были в рамках системы централизованного планирования, по-прежнему сохраняется значительная степень государственного управления и контроля за поведением и деятельностью государственных компаний, которая осуществляется через такую систему функционального подчинения.

Государственная собственность представлена по всей системе государственного управления, включая отраслевые министерства и региональные органы власти, и практически все такие органы выполняют эти функции. Помимо этого, несколько государственных компаний находятся под непосредственным контролем администрации президента, которая выполняет аналогичные функции в отношении этих отдельных компаний, относящихся к числу "дойных коров" белорусской экономики.

Экономическое управление

Одним из ключевых отличий Беларуси в постсоветский период от других стран с переходной экономикой стало ограничение крупномасштабной приватизации государственных предприятий, доставшихся в наследство от советской эпохи. Приватизация была одним из наиболее чувствительных и спорных вопросов экономической политики на протяжении последних 25 лет. Поэтому, органы власти были явно не расположены проводить массовую приватизацию. В Беларуси не было принято ни одного должного нормативно-правового акта в области приватизации, хотя было подготовлено к запуску лишь малое количество экспериментальных сделок, однако без особого успеха.

При этом, некоторые институциональные изменения в управлении государственных предприятий на самом деле имели место, в основном в плане коммерциализации - трансформирование советских государственных предприятий в корпоративные хозяйствующие субъекты. Как упоминалось выше, это сопоставимо с признанием ухода государства от прямого распределения ресурсов в целях обеспечения выполнения обязательных плановых показателей производства и передачи компаниям обязанностей по управлению своей деятельностью. Соответствующие отраслевые министерства были наделены полномочиями по реализации имущественных прав государства как акционера. Данную реорганизацию можно рассматривать как первоначальный этап реструктуризации предприятий и подготовки к приватизации. Однако в Беларуси не последовало следующего основного шага - передачи прав собственности.

Управление государственными предприятиями интегрировано в административную систему Беларуси, в частности, в министерства, с функциональными обязанностями по реализации экономической политики. Дополнительно, под управлением Совета Министров находится несколько государственных комитетов и учреждений.¹⁸ В учреждения входят четыре отраслевых "концернов" (по сути - холдинговые компании): концерн "Белгоспищепром", объединяющий 57 компаний-производителей пищевой продукции; концерн "Беллегпром" (110 компаний легкой промышленности); концерн "Белнефтехим" (более 60 нефтеперерабатывающих и химических компаний); а также концерн "Беллесбумпром" (46 компаний в лесоперерабатывающей промышленности). Концерны наделены управленческими обязанностями в отношении государственных предприятий, являющихся частью концернов; что удивительно, некоторые частные компании также являются членами этих концернов.

Экономическое управление со стороны государства в рамках системы государственного капитализма в Беларуси осуществляется посредством различных инструментов. Наиболее важной из них является система "государственных целей", которые спускаются с верхнего уровня отдельным государственным предприятиям¹⁹ и, в некоторых случаях, всем экономическим субъектам.²⁰ Цели организованы по иерархической структуре, начиная с ключевых макроэкономических целей, содержащихся в среднесрочных программах социально-экономического развития. Затем они переводятся в годовые цели, предусмотренные в ежегодных президентских указах по основным макроэкономическим целям на соответствующий календарный год. В качестве следующего шага, Совет Министров принимает постановления, переводя годовые цели социально-экономического развития в ориентировочные цели по отраслям и регионам, нижестоящие ориентировочные цели экономической деятельности, а также основные цели для государственных компаний. Последние из упомянутых целей по сути являются основными инструментами прямого управления государственными компаниями.

Несмотря на то, что цели, поставленные перед государственными компаниями, в принципе также называются ориентировочными, по сути, они являются обязательными, так как менеджеры компаний несут персональную ответственность за их достижение. Механизм таких целей компаний является близким аналогом старой системы центрального планирования, хотя также

¹⁸ Комитет государственного контроля является единственным экономическим комитетом, находящимся в прямом подчинении у президента. Его функции включают исполнение законодательства в области контроля и аудита, а также предотвращение отмывания денег и прочих экономических преступлений.

¹⁹ Как будет указано далее, система целей на уровне фирм заметно потеряла свою значимость в последние годы.

²⁰ Более детально см. Рудый (2016).

имеются и значительные различия в том, как функционируют эти два механизма. В рамках системы центрального планирования, по крайней мере теоретически, плановых показатели производства обеспечивались основными ресурсами (также поставляются государством в лице органа по центральному планированию), которые считались необходимыми для достижения указанных показателей. Иначе говоря, у государства была как минимум провозглашенная обязанность по предоставлению предприятиям требуемых ресурсов; в действительности же, эта обязанность зачастую не выполнялась.

В рамках системы государственных целей в Беларуси государство не утверждает о существовании открыто провозглашенной обязанности по поставке ресурсов, несмотря на то, что ориентировочные показатели производства по сути рассматриваются как обязательные. Однако, с другой стороны, посредством прямого вмешательства в экономику, Белорусское государство на самом деле предоставляет косвенную поддержку некоторым государственным компаниям для достижения целей, которые считаются жизненно важными для экономики, а также для достижения общих макроэкономических целей. На деле, реализация практики "мягких" ограничений бюджета выступает в роли механизма финансового согласования системы государственных целей.

Фактическая установка отдельных целей компании является одной из ключевых задач управления для государственных органов (отраслевых министерств и региональных органов власти), в рамки функциональных обязанностей которых попадают соответствующие компании. Помимо установки отдельных целей, существуют также иные элементы прямого государственного управления государственными компаниями, такие как переговоры и координация бизнес планов компаний, мониторинг деловой активности и производительности, поддержка продаж и доступ к финансированию выбранной деятельности.

Примечательно, что масштаб такого прямого экономического управления со стороны государства в экономике и деятельности государственных компаний уменьшился за последние годы. В первую очередь, имел место постепенный уход государства от прямого контроля отдельных компаний и снижение объема такого контроля. Так, в течение 1990-х годов практически все государственные компании попадали под прямое определение целей, тогда как в 2010 году под него попали лишь 140 компаний, а в 2013 году - 77 компаний.²¹ В ежегодном цикле планирования на 2015-2016 годы количество компаний, попадающих под прямой государственный контроль, было снижено до 29.^{22 23}

Параллельно, список целей компаний также сократился, а их влияние на распределение ресурсов в целевых фирмах заметно ослабло. Так, в последнем цикле планирования (2015-2016 годы), список таких целей сократился до пяти: 1) продажа на экспорт (для экспортеров); 2) норма прибыли; 3) уровень прибыли; 4) снижение чрезмерных запасов готовой продукции; и 5)

²¹ Там же.

²² Постановление Правительства (2015 год).

²³ Фирмы, находящиеся под прямым государственным контролем, представляют собой в основном крупные компании. Существует намного больше фирм, которые контролируются отраслевыми министерствами, концернами, районными органами власти и иными государственными органами. Однако, этим государственным предприятиям не устанавливаются централизованные цели на уровне фирмы.

сокращение производственных затрат.²⁴ В предыдущие годы список таких целей был намного шире, включая некоторые весьма фундаментальные показатели производительности, такие как уровень производства, производительность и уровень заработных плат, что более, чем существенно искажает поведение и результаты деятельности фирм.²⁵ Более того, имел место общий сдвиг от "количественных" целей к "качественным", что было весьма заметно в последние годы. Таким образом, в целом, создается впечатление, что описанная выше система целей на уровне компаний находится на пути к постепенной ликвидации.

Исходя из вышесказанного, тенденция последних лет указывает на возможное намерение постепенно упразднить отдельные цели компаний в качестве инструментов политики прямого вмешательства государства в деятельность государственных предприятий. Более того, доля государственного сектора в экономике сама по себе также уменьшается.

В настоящее время ситуация со структурой собственности в экономике Беларуси смешанная и неоднородная по различным направлениям экономической деятельности (Глава 3). Различия между отраслями представляют результат смещения различных факторов и, в значительной степени, последствия дифференциальной государственной политики в различных отраслях. Ряд предприятий, в особенности те, которые рассматриваются на высшем уровне принятия решений как выполняющие "социальные функции" (например, крупные работодатели, градообразующие предприятия, крупные коллективные хозяйства и т.д.), а также предприятия с сомнительными перспективами структурной перестройки становились объектами льготной политики и получали открытую политическую поддержку, что позволило большинству из них выжить в последние лет 25. В других отраслях, таких как коммерческие услуги, во входе в которые новые частные предприятия были заинтересованы и в которых они видели хорошие перспективы роста, что позволило осуществить быстрое перемещение труда, политика была менее интервенционистской и в Беларуси быстро появился новый частный сектор, который в настоящее время доминирует в таких отраслях.

В качестве наглядного примера некоторых из результатов различных принципов экономической динамики на уровне фирм, в Приложении в Таблице 2 приводится краткий рейтинг крупнейших компаний в Республике Беларусь за 2014 год по четырем критериям: стоимость произведенной продукции; величина налоговых отчислений; стоимость экспортированной продукции; а также количество работников. В группе компаний-"национальных чемпионов", приведенной в таблице, до сих пор доминируют традиционные крупные государственные предприятия, присутствующие в различных секторах экономической деятельности, но в ней есть также и новые частные фирмы, а также компании с иностранным капиталом и совместные предприятия.

²⁴ Там же.

²⁵ В качестве упрощенного примера, сравните производственные решения фирмы, нацеленной на максимизацию производства в условиях извне заданных трудовых затрат, с решениями фирмы, нацеленной на максимизацию прибыли, у которой нет таких ограничений по трудовым затратам.

Архитектура финансовой системы

Государственные банки, особенно два самых крупных (ОАО "АСБ БЕЛАРУСБАНК" и ОАО "Белагропромбанк"), активно участвовали в финансовой поддержке реализации различных государственных программ посредством интервенции государства в процесс размещения кредитов банками - так называемый механизм "целевого кредитования". Такие интервенции осуществляется через правления банков, членами которых являются государственные чиновники высшего уровня. Указанные правления выступают в роли посреднических органов, которые направляют политики и планы правительства в банки и переводят планы высшего уровня в кредитную политику и оперативные кредитные решения банков. Второй важной характеристикой целевого кредитования в Беларуси является то, что, как правило, такие займы выдаются на льготных для бенефициаров условиях (по процентным ставкам ниже рыночных), при этом банки субсидируются правительством в счет этой разницы в процентных ставках.

Механизм целевого кредитования является наиболее близким по духу, хотя и не эквивалентным, механизму центрального распределения финансовых ресурсов в рамках центрального планирования. Примечательно, что этот механизм далек от механизма рыночного размещения кредитов, согласующего спрос на кредитование со стороны независимых коммерческих экономических субъектов и предложение в области кредитования со стороны работающих на максимизацию прибыли банков, которые осуществляют строжайший отбор такого спроса. В результате, целевое кредитование приводит к искажениям рыночного равновесия и имеет серьезные отрицательные микро- и макроэкономические последствия, такие как ухудшение качества банковских портфелей (по причине большой доли кредитов с повышенным риском и проблемных кредитов), в общем низкая прибыльность кредитной деятельности банков и, в конечном счете, нерациональное распределение ресурсов в масштабах всей экономики.²⁶

В свою очередь, как видно из опыта последних лет 20, аккумуляция финансовых проблем в государственных банках и эскалация рисков возможного банкротства банков в нескольких случаях подсказал иную форму государственных интервенций: изменение структуры капитала оказавшихся в тяжелом финансовом положении банков с привлечением государственных средств (либо напрямую из бюджета, либо посредством несистематических решений о рефинансировании со стороны центрального банка). Так, государственные банки в целом также осуществляли свою деятельность в рамках мягких бюджетных ограничений, по крайней мере до текущего момента. Регулярный характер таких интервенция приводит к появлению риска недобросовестности среди экономических субъектов-получателей средств (как государственных банков, так и государственных компаний), а также ослабляет внешнее давление структурной перестройки рынка на этих субъектов.

Нисходящая модель административных интервенций по принципу "сверху-вниз" в Республике Беларусь также влияет на деятельность центрального банка страны - Национального банка Республики Беларусь (НБРБ). Несмотря на то, что согласно своему официальному юридическому статусу НБРБ является "независимым в принятии решений", аналогично прочим механизмам в области политики в Беларуси, он может попасть под неформальное давление, идущее с высшего уровня, которое может повлиять и фактически влияет на решения центрального банка. Это имеет последствия не только для его политики рефинансирования и взаимоотношениям с

²⁶ Крук и Гайдук (2013).

коммерческими банками (как обсуждалось ранее), но также и для его более широких решений в области монетарной и валютной политики (как будет обсуждаться далее).

Описанная выше модель банковского сектора была типичной для конца 1990-х и 2000-х годов, когда значительные средства в рамках целевого кредитования направлялись для содействия государственным программам, в первую очередь, в сфере сельского хозяйства и жилищного строительства. В последние годы, аналогично корпоративному сектору, ситуация в банковской сфере также постепенно менялась, а уровень государственных интервенций в финансовую сферу заметно снизился.

Наиболее важным институциональным изменением было учреждение в 2011 году ОАО "Банк развития Республики Беларусь" (БРРБ). БРРБ является специализированным банковским учреждением, которое было создано с основной целью по финансированию государственных программ развития и, таким образом, поглотил соответствующие части портфелей двух основных коммерческих банков (ОАО "АСБ БЕЛАРУСБАНК" и ОАО "Белагропромбанк"), которые занимались указанной деятельностью до учреждения нового банка. Соответственно, БРРБ должен был стать единственным поставщиком целевого кредитования в Беларуси, тогда как НБРБ должен был прекратить оказание нестандартной поддержки ликвидности коммерческим банкам.

Однако, фактическая передача указанных функций в БРРБ в полном объеме заняла несколько лет, а в течение этого периода старая и новая системы финансирования сосуществовали параллельно друг другу. На момент написания данного документа, БРРБ перенял лишь малую часть целевых кредитов от ОАО "АСБ БЕЛАРУСБАНК" и ОАО "Белагропромбанк". В реальности, БРРБ стремился позиционировать себя более как институт развития, управляющий новым целевым кредитованием, а не как "санитарный" банк и сопротивлялся передаче "старых" (и безнадежных) целевых кредитов. Таким образом, в настоящее время все еще неясно, какой будет фактическая роль БРРБ в будущем.

Еще одним относительно недавним новшеством стало учреждение в 2005 году бюджетного фонда национального развития. Доход фонда формируется из целевых санкционированных взносов со стороны наиболее прибыльных белорусских государственных предприятий. В начале каждого года Совет Министров издает постановление, определяющее такие государственные предприятия (97 в 2008 году, 60 в 2011 году, 36 в 2014 году и 30 в 2016 году), для которых санкционирован перевод доли их прибыли в упомянутый национальный фонд.

Предполагалось, что фонд национального развития будет функционировать в роли суверенного фонда развития. В принципе, он должен аккумулировать соответствующие финансовые ресурсы, необходимые для целей участия в крупномасштабных социально-экономических проектах. Решения о финансировании должны утверждаться на уровне Президента Республики Беларусь. Однако, в случае Беларуси, на данный момент фонд играет незначительную роль, с точки зрения его обеспечения средствами и, таким образом, имеет ограниченную способность выполнять указанные функции.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Драйверы роста в Беларуси

Между 1995 и 2011 годами Беларусь переживала период беспрецедентно высокого и непрерывного экономического роста, который дал впечатляющие результаты: реальный ВВП вырос в три раза (Таблица 1.1, Диаграмма 1.4 и Таблица 1 Приложения) и, с точки зрения намеренности отставания, Беларусь была в числе лидеров среди стран с переходной экономикой.

С точки зрения хронологической последовательности, рассматриваемый в этой статье период (1996-2016 годы), вероятно, может быть разбит на две части:

- › Десятилетие роста (1996-2008 годы)
- › Период турбулентности (2009-2015 годы)

Начавшемуся в 1996 году подъему экономики предшествовало несколько лет трансформационного спада в первой половине 1990-х годов. За ним последовал этап прочного и надежного подъема с двузначным ростом ВВП в отдельные годы. Экономический рост в Беларуси в этот период был главным образом обусловлен внутренним спросом (Диаграмма 1.6). С точки зрения статистики, частное потребление в значительной степени способствовало росту ВВП на протяжении всего периода быстрого оживления экономики; в первой половине 2000-х годов и вплоть до 2008 года это было также подкреплено важным вкладом вложений в основной капитал.

Диаграмма 1.6 / Вклад конечного спроса в рост ВВП Беларуси, %, 1996-2014 годы

Источник: Статистическая база данных ЕЭК ООН.

Начало экономического подъема в Беларуси совпало с созданием в стране новой политической системы и постепенным формированием ее составных элементов и экономической модели, и было бы заманчиво искать какие-либо причинно-следственные связи между ними. Наблюдаемый тип экономических показателей согласуется с гипотезой, что Беларуси удалось не только в значительной степени сохранить организационный и производственный потенциал, унаследованный от прошлого, но и ввести целенаправленную политику для его поддержки, которая была подкреплена "дивидендами с ренты". Эта политика также была направлена на социальное обеспечение населения и способствовала восстановлению уровня доходов и потребления, так что значительная часть ренты была ориентирована на создание и обеспечение выполнения "общественного договора" с населением.

Кроме того, белорусская экономика с выгодой для себя использовала тесные экономические связи с Россией, которая тоже переживала период бурного экономического роста с 1999 по 2008 годы (Диаграмма 1.4). Укрепление экономических связей с Россией после создания Таможенного союза в 1995 году было, вероятно, наиболее важным фактором роста в этот период. Сильный спрос на импорт в России поддержал рост экспорта продукции машиностроения и капитальных товаров из Беларуси (частично благодаря цепочкам поставок, сохранившимся с прошлых времен), что способствовало возрождению этих секторов белорусской экономики. В свою очередь, продукция машиностроения и капитальные товары способствовали импорту посреднических услуг и внутреннему спросу в целом, в том числе частному потреблению, а также импорту потребительских товаров.

Одним из недостатков этой политики было развитие синдрома "рентной зависимости", поскольку то, что может снаружи выглядеть как экономическое чудо, было отчасти достигнуто за счет "скрытых денежных переводов" из России, выражающихся в поставках нефти и газа по ценам ниже рыночных (что по некоторым оценкам, сделанным в предыдущие годы, составляло несколько миллиардов евро в год). Часть этих скрытых субсидий направлялась непосредственно компаниям-получателям и домашним хозяйствам в виде дешевой энергии, а другая часть генерировала доходы бюджета за счет экспортных пошлин, собираемых с экспортеров топлива и химических веществ на нефтяной основе и поступавших в государственную казну. Существовали различные дополнительные механизмы (обсуждаются ниже), которые выполняли функции дальнейшего перераспределения и направления ресурсов предприятия и домашним хозяйствам. По большому счету, эта модель роста была частично основана на искусственно стимулированном внутреннем спросе, поскольку рента была направлена на поддержку вложений в основной капитал и частного потребления.

Поддерживаемые государством инвестиции являлись ключевым компонентом многих государственных программ, реализованных в этот период. Эти программы были ориентированы на ускоренное накопление основного капитала в широком диапазоне областей, включая чисто государственные инвестиции в развитие инфраструктуры, но в основном вложения в основной капитал предприятий и домашних хозяйств, поддерживаемые целевым кредитованием (например, модернизация промышленности, строительство новых производственных мощностей, строительство объектов бытового назначения, поддержка сельскохозяйственных инвестиций). Поэтому экономика Беларуси демонстрировала необычно высокую долю капиталовложений в течение большей части прошлых двух десятилетий: валовое накопление основного капитала было выше 30% от ВВП в период с 2006 по 2014 годы (Диаграмма 1.7).

Потенциальные получатели целевого кредитования (эти категории были указаны в соответствующих государственных программах) пользовались двумя видами льгот: упрощенный доступ к кредитам и субсидированные (ниже рыночных) процентные ставки. Соответственно, банкам-кредиторам возмещалась разница в процентных ставках за счет бюджетных средств, а рекомендованные правительством кредиты могли иметь государственные гарантии.²⁷ Кроме того, государственным предприятиям было поручено размещать свои вклады в банках, участвующих в целевом кредитовании.

Нет всеобъемлющей официальной статистики о масштабах целевого кредитования, однако оценки МВФ показывают, что они были весьма значительными (Диаграмма 1.7). В некоторые годы уровень целевого кредитования достигал от 5% до 10% от ВВП, и в рамках него финансировалось около 20-25% валового накопления основного капитала.

В то время как активная промышленная политика, поддерживаемая внешними стимулами, привела к ускорению экономического роста, она также привела к значительным перекосам в белорусской экономике. В отсутствие надлежащего использования рыночного посредничества посредством хорошо функционирующей финансовой системы, многие инвестиционные решения в экономике едва ли соответствовали требованиям эффективного распределения ресурсов. Эмпирические исследования показывают, что вложения в основной капитал, поддерживаемые целевым кредитованием, в этот период были довольно неэффективными: хотя полученный в результате инвестиционный бум действительно способствовал быстрому росту ВВП за счет затрат производственных факторов, это было связано со значительным негативным влиянием на совокупную производительность факторов производства.²⁸

Диаграмма 1.7 / Целевое кредитование и валовое накопление основного капитала в Беларуси, % от ВВП, 2001-2015 годы

Источники: МВФ; статистическая база данных ЕЭК ООН.

Помимо инвестиций, политика правительства была направлена также на восстановление уровня доходов и частного потребления. Основные инструменты экономической политики белорусских

²⁷ МВФ (2009).

²⁸ Крук и Гайдук (2013).

властей (особенно в период высоких темпов роста²⁹) были представлены целевыми показателями по заработной плате, обычно являвшимися частью государственных программ социально-экономического развития. Через иерархию государственных программ и других механизмов государственного регулирования, рассмотренных выше, целевые показатели по заработной плате были направлены практически во все уровни экономического управления. Это также, прямо или косвенно, затрагивало и частный сектор, поскольку частным предприятиям необходимо было предлагать конкурентоспособные зарплаты для нанимаемых ими квалифицированных работников.

Аналогично целевому кредитованию, целевые показатели по заработной плате оказывали значительный деформирующий макроэкономический эффект, поскольку они препятствовали формированию рыночной заработной платы. По сути, затраты обоих производственных факторов – капитала и рабочей силы – были подвержены такому деформирующему давлению, способствуя еще большему снижению эффективности распределения ресурсов. Еще одна особенность политики в области заработной платы заключалась в том, что хотя целевые показатели по заработной плате заявлялись в местной валюте, в них косвенно содержалась идея долларовой целевой заработной платы. Эти аспекты формирования заработной платы в Беларуси имели ряд негативных последствий, которые будут обсуждаться позже.

Подводя итог всему вышесказанному, сектор предприятий и банковский сектор де-факто служили "вытянутыми руками" правительства в реализации задач политики, так как они выполняли важные функции перераспределения, которые, в принципе, должны выполняться бюджетом.

Несмотря на эти перекосы, данная модель роста показала себя довольно успешно в тот период, когда рост вложений в основной капитал обеспечивал достойную прибыль и поток энергетической ренты был достаточным для поддержания растущего внутреннего спроса, и так было в течение десяти лет, с 1996 по 2005 годы. Ситуация начала меняться примерно в 2007 году, когда Россия стала требовать возврата части белорусских экспортных пошлин на нефть и удвоила экспортные цены на газ для Беларуси. В то время как цены на энергоносители по-прежнему остаются значительно ниже мировых, объем энергетической ренты для Беларуси значительно снизился.

Таким образом, белорусские власти столкнулись с дилеммой: изменить политический курс более радикально (что было бы равнозначно ликвидации избытка спроса, поддерживаемого рентой) или сохранить его и искать возможности для привлечения дополнительных внешних ресурсов, компенсирующих сокращение ренты. Первый вариант политики, очевидно, был связан с непопулярными мерами жесткой экономии, и власти выбрали второй вариант.

Белорусские власти, по всей видимости, надеялись, что условия торговли энергоресурсами с Россией могли быть пересмотрены в более благоприятную для Беларуси сторону. Однако в реальности этого не случилось; напротив, с того времени Россия продвинулась еще ближе к мировым ценам в экспорте энергоресурсов в Беларусь. С российской стороны аргументами в пользу этого было ее присоединение к ВТО в 2012 году, а также создание Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, который начал действовать в 2010 году. С официальным началом работы Евразийского экономического союза (вступившего в силу 1 января

²⁹ Как уже отмечалось, в настоящее время механизм целевых показателей по заработной плате практически не используется.

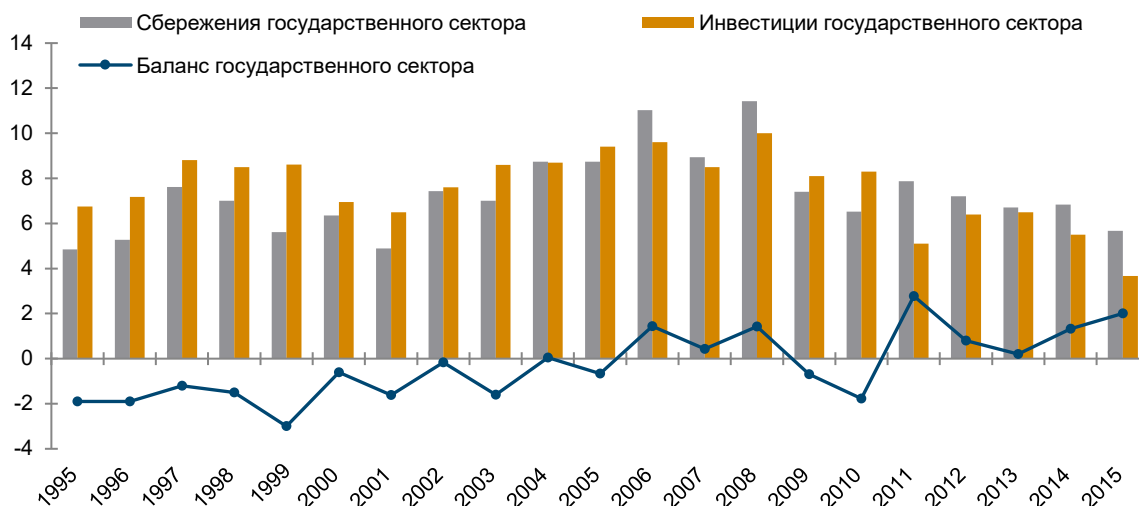
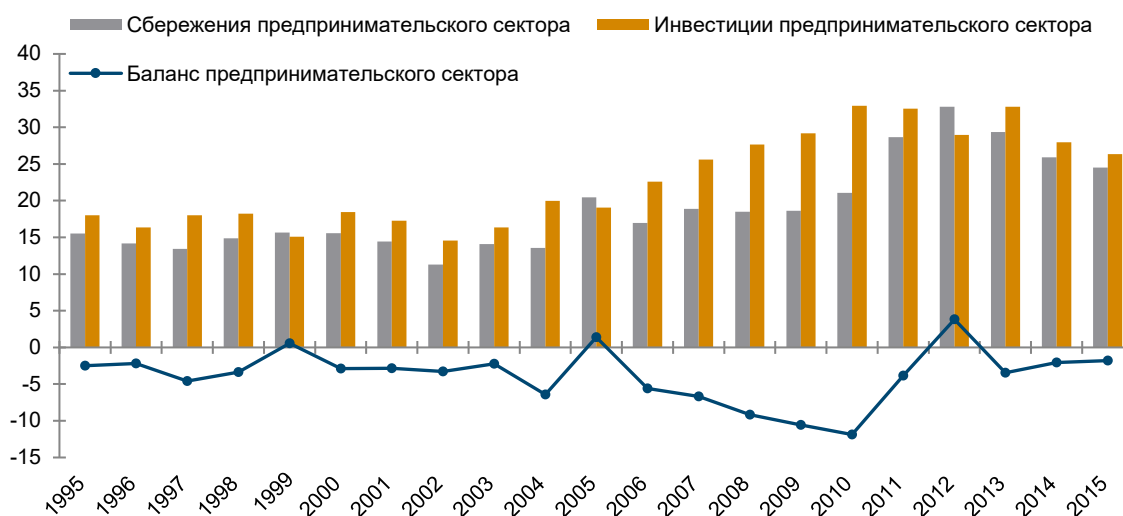
2015 года), условия торговли энергоресурсами между Россией и Беларусью, как членами этой организации, стали, в целом, более жесткими, а энергетическая рента, соответственно, еще меньше.³⁰

Политика, ориентированная на экономический рост на основе спроса, и уменьшение внешней ренты в совокупности привели к постоянному расширению внешнего дисбаланса и быстрому росту внешней задолженности: во второй половине 2000-х годов дефицит текущего счета Беларуси продолжал расти, составив более 15% от ВВП в 2010 году, в то время как валовой внешний долг с 2005 по 2010 годы вырос в четыре раза (Таблица 1 Приложения).

Можно было бы ожидать аналогичного ухудшения ситуации и в сфере государственных финансов Беларуси, так как эти изменения были явным результатом выбранной государственной политики. Однако статистика государственных финансов за тот же период не указывает на какие-либо существенные изменения в худшую сторону, ни в плане общего финансового баланса, ни в плане открытого государственного долга (Таблица 1 Приложения). Причиной этого является тот факт, что власть, как правило, направляла реализацию данной политики государственным предприятиям и банкам, де-факто делегируя им нетипичные для них функции перераспределения доходов, как уже отмечалось выше. Это отчетливо прослеживается в динамике баланса "сбережения – инвестиции" в Беларуси с разбивкой по секторам (Диаграмма 1.8).

Таким образом, несмотря на отсутствие заметного ухудшения в общем балансе государственного сектора в период 2005-2010 годов (как видно на Панели А, он был даже положительным в некоторые годы), произошел резкий сдвиг в худшую сторону в балансе предпринимательского сектора (Панель В). На самом деле, как будет показано ниже, реальная ситуация в сфере государственных финансов была значительно хуже, поскольку квазифискальные обязательства продолжали накапливаться. На Диаграмме 8 также ясно показано, что "инвестиционный бум" после 2005 года почти полностью финансировался за счет увеличения внешних заимствований и привел к быстрому росту внешней задолженности Беларуси.

³⁰ Тем не менее, что касается газа, то Беларуси удалось несколько раз провести переговоры о заключении двусторонних сделок с Россией на более выгодных ценовых условиях.

Диаграмма 1.8 / Баланс "сбережения – инвестиции" в Беларуси: 1995-2015 годы, % от ВВП**А. Государственный сектор****В. Предпринимательский сектор**

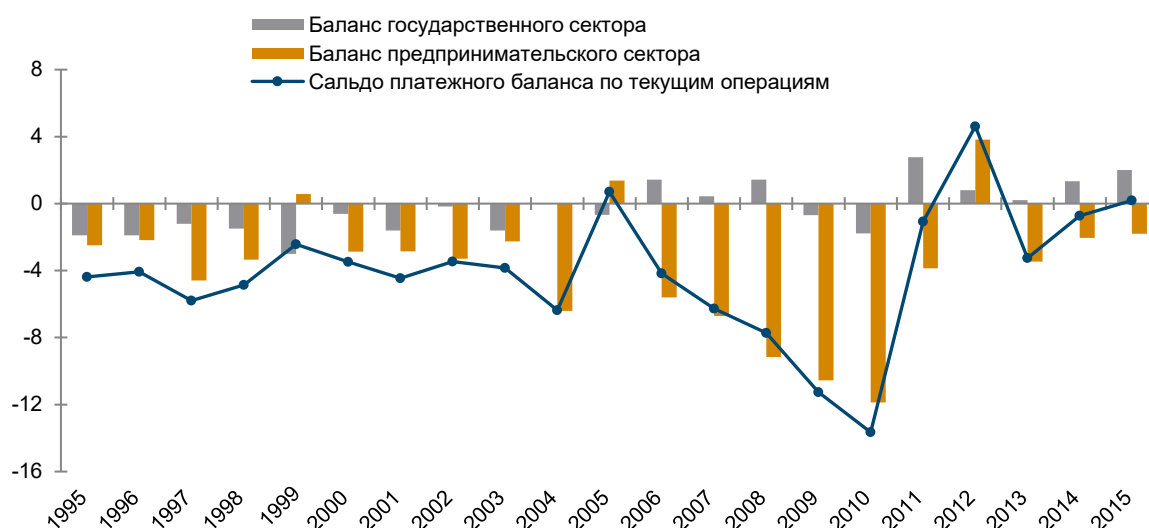
Источник: база данных ВИМЭИ; статистическая база данных ЕЭК ООН; МВФ, расчеты автора.

Соответственно, диаграмма, иллюстрирующая динамику сальдо платежного баланса по текущим операциям Беларуси по секторам (Диаграмма 1.9), также может вводить в заблуждение. Видя на данной диаграмме, что именно на предпринимательский сектор приходился значительный рост дефицита текущего счета во второй половине 2000-х годов, можно было бы предположить параллельный значительный рост внешней задолженности предпринимательского сектора, соответствующий этому внешнему дисбалансу между сбережениями и инвестициями.

Опять же, в Беларуси это было не совсем так. Хотя и было несколько случаев прямых иностранных заимствований со стороны белорусских компаний, именно государственный сектор

нес ответственность за подавляющее большинство новых внешних долгов через различные формы государственных заимствований (см. ниже).

Диаграмма 1.9 / Сальдо платежного баланса по текущим операциям Беларуси по секторам, 1995-2015 годы, % от ВВП

Источник: база данных ВИМЭИ; статистическая база данных ЕЭК ООН; МВФ, расчеты автора.

Подводя итог, можно сказать, что белорусская экономическая модель, основанная на спросе и ренте, к 2011 году перестала работать и с тех пор белорусской экономике не удалось вернуться на траекторию устойчивого роста. В целом, эта модель также была связана с устойчиво негативными последствиями для макроэкономической стабильности, как будет рассмотрено в следующем разделе.

Макроэкономическая стабильность: сложное урегулирование

Поверхностный взгляд на два основных направления политики, направленных на обеспечение макроэкономической стабильности – бюджетно-налоговую (фискальную) и денежно-кредитную (монетарную) политики – не позволит выявить основные источники макроэкономической турбулентности в Беларуси. Например, в период 2000-2015 годов не было ни одного года, когда бы общий финансовый баланс опускался до опасной минусовой отметки; наоборот, во многие эти годы в государственном секторе отмечалось положительное сальдо. Что касается денежно-кредитной стороны, как было отмечено выше, центральный банк страны – Национальный банк Республики Беларусь (НБРБ) – "независим в своей деятельности" согласно своему правовому статусу и должен принимать самостоятельные решения по денежно-кредитной политике.

Однако в реальности все по-другому. Что касается фискальной стороны, то общий финансовый баланс отражает только результаты решений в сфере государственной политики, исполненных посредством инструментов формальной бюджетной политики.³¹ В Беларуси, как уже отмечалось,

³¹ Следует также отметить, что статистика государственных финансов Беларуси размыта также ввиду наличия множества внебюджетных фондов, которые также накапливают государственные средства и, в принципе, также реализуют элементы государственной политики.

многие политические решения с бюджетно-налоговыми и денежно-кредитными последствиями реализовывались через государственные компании и банки. Последние де-факто служили в качестве вторичных механизмов перераспределения; однако результаты такого перераспределения государственных средств не подпадали под требования дисциплины бюджетной политики и не фиксировались в официальных бюджетных счетах. За годы, полученные макроэкономические диспропорции продолжали накапливаться и периодически давали о себе знать в форме валютных кризисов.

Что же касается монетарной стороны, то в условиях иерархической системы принятия решений, когда все ключевые решения принимаются на самом вершине пирамиды, НБРБ был не в состоянии принимать полностью самостоятельные решения по ключевым аспектам денежно-кредитной и валютной политики. В конечном итоге, центральный банк был обязан действовать в рамках иерархической системы государственных программ, даже если это противоречило собственным заявленным целям и задачам в области политики.

Одним из основных источников макроэкономических дисбалансов – и нестабильности – был квазифискальный дефицит, являвшийся результатом неэффективного целевого кредитования. Целевое кредитование, как правило, не проходило надлежащей предварительной рыночной проверки и, что не удивительно, привело к ухудшению качества портфелей банков-кредиторов. Кроме того, целевое кредитование привело к несовпадению сроков погашения в портфелях банков, и большинство из этих кредитов имели долгосрочный характер. Все вместе эти факторы начали создавать проблемы с ликвидностью в банках-кредиторах, которые, в свою очередь, снизили свою способность участвовать в новом целевом кредитовании.

С другой стороны, целевое кредитование, тем или иным способом, повлекло за собой условные фискальные обязательства, как это было де-факто гарантировано белорусским государством – формально, в виде кредитных гарантий, или неформально, как неявное обязательство правительства, принявшего соответствующие государственные программы, на которые выделялось такое кредитование. Таким образом безнадежные кредиты, появившиеся в результате неэффективного целевого кредитования, по сути, накапливались как квазифискальный дефицит.³²

Аппетит власти к увеличению объема целевого кредитования, а также проблемы ликвидности банков привели к нескольким интервенциям со стороны государства. Эти интервенции были проведены в двух основных формах: 1) путем прямой рекапитализации неблагополучных банков; и 2) посредством чрезвычайного финансирования со стороны НБРБ. По оценкам МВФ, в период 2007-2010 годов ежегодная рекапитализация государственных банков из средств государственного бюджета составляла в среднем около 1% от ВВП. Одна из крупных разовых операций по рекапитализации банков была проведена в декабре 2010 года, в которой участвовали три крупнейших государственных банка, осуществляющие целевое кредитование.

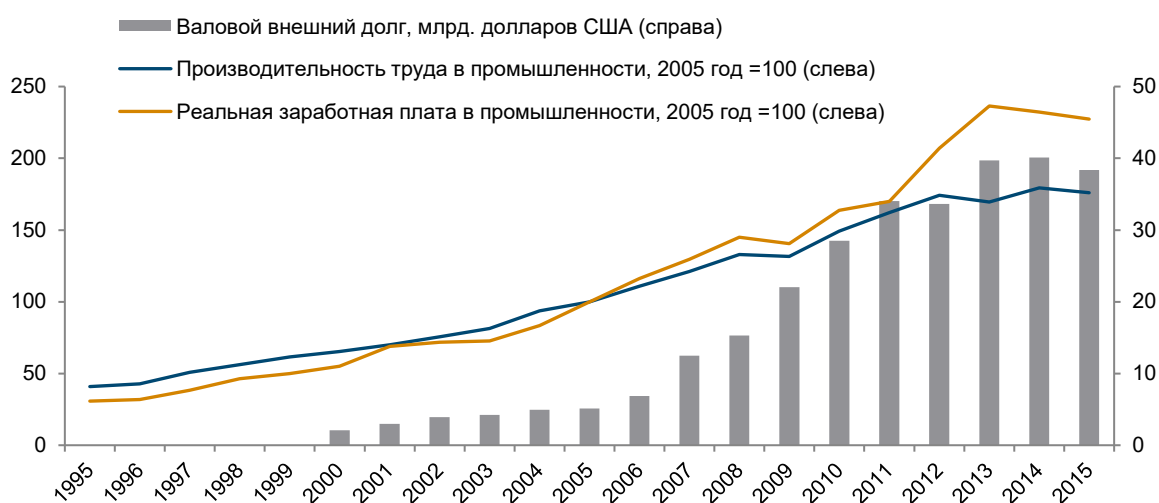
³² Целевое кредитование, вероятно, было главным, но не единственным источником условных фискальных обязательств (и квазифискального дефицита). Другие источники включали в себя операции вышеупомянутых внебюджетных фондов, государственные гарантии на вклады населения, контроль над ценами, результатом которого было предоставление товаров и услуг по ценам ниже рыночных, перекрестное субсидирование через предприятия общественного пользования, специфические операции государственных банков или предприятий в поддержку некоторых секторов, сотрудников или других предприятий и т. д. См. МВФ (2005).

Одна только эта операция по реструктуризации банков оценивалась на уровне примерно 5,3% от ВВП в 2011 году; в результате этого, уставной капитал целевых банков был увеличен на 22%.³³

Кроме того, НБРБ в ряде случаев поддерживал банки, которые испытывали проблемы с ликвидностью, с использованием механизмов, выходящих за рамки своих стандартных инструментов рефинансирования, через принятие специальных решений Правлением центрального банка. Так, в 2009 году центральный банк открыл специальный инструмент рефинансирования, ориентированных на два государственных банка, который составлял порядка 45% от их уставного капитала или 7% от их суммарных активов.³⁴ Этот тип операций центрального банка является примером прямой монетизации квазифискального дефицита, которая усугубляла макроэкономические дисбалансы в экономике Беларуси.

Другим основным источником макроэкономических дисбалансов была популистская политика доходов, которая преобладала на протяжении почти всего периода высоких темпов экономического роста в Беларуси. Целевые показатели по заработной плате имели множественный дестабилизирующий макроэкономический эффект. Предписанные повышения заработной платы приводили к значительному увеличению удельных затрат на рабочую силу (так как темпы роста реальной заработной платы опережали темпы роста производительности труда) и потере конкурентоспособности (Диаграмма 1.10). Чрезмерный рост заработной платы также являлся одним из основных источников инфляционного давления в экономике Беларуси. Несбалансированный рост заработной платы стал проявляться с особой силой в период после 2005 года, когда власти усилили направленность политики на рост благосостояния. Быстрое накопление внешней задолженности в этот период наглядно свидетельствует о непоследовательности такой политики.

Диаграмма 1.10 / Производительность труда, реальная заработная плата и внешний долг в Беларуси, 1995-2015 годы, доллары США и индексы

Источник: база ВИМЭИ; расчеты автора.

³³ МВФ (2012); Крук и Гайдук (2013).

³⁴ Крук и Гайдук (2013).

Сутью этого несоответствия является отсутствие каких-либо проверок на проинфляционный эффект роста заработной платы: де-факто, целевые показатели по заработной плате не соответствовали каким-либо образом (прямо или косвенно) целевым ориентирам по инфляции. Целевой показатель по заработной плате полностью доминировал в комплексе мер макроэкономической политики; другие ее компоненты рассматривались всего лишь по остаточному принципу. Другими словами, социальные цели (воплощенные в целевых показателях по заработной плате) перевесили соображения макроэкономической стабильности; однако, появившиеся в результате макроэкономическая нестабильность и высокий уровень инфляции практически полностью компенсировали прирост реальной заработной платы, таким образом сводя на нет социальные последствия этого курса экономической политики.

На протяжении большей части рассматриваемого периода денежно-кредитная политика Беларуси придерживалась режима регулирования валютного курса; инфляция де-факто рассматривалась по остаточному принципу, в качестве целевого показателя, имеющего второстепенное значение. Изначально белорусский рубль был привязан к доллару США в рамках режима скользящей привязки. При таком режиме центральный банк мог позволить белорусскому рублю обесцениваться по отношению к доллару США на 1-1½% в месяц. В 2009 это этот режим был заменен на скользящую привязку к корзине валют, состоящей из российского рубля, доллара США и евро, с установкой пределов отклонений валютного курса от центрального паритета. Однако в конце 2009 года произошло неофициальное возвращение к привязке к доллару США.

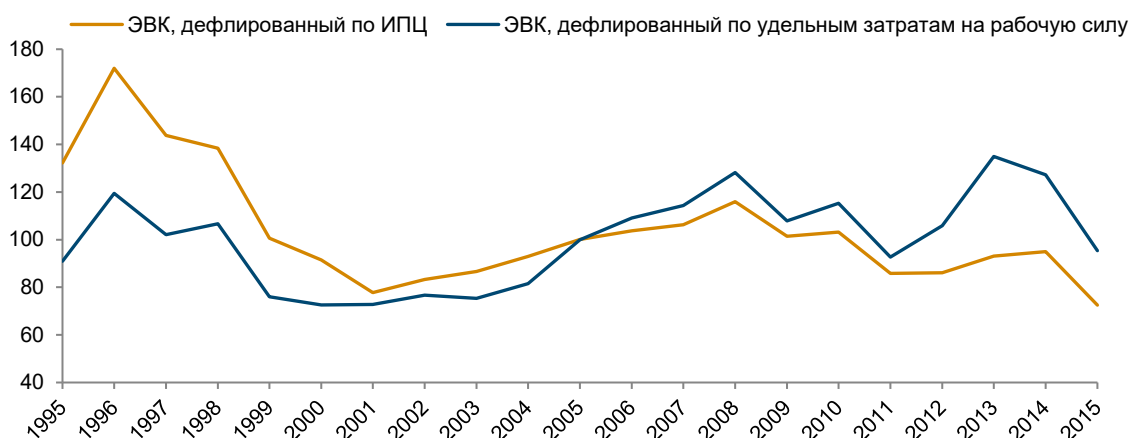
Проведение такой денежно-кредитной политики являлось весьма сложной в экономических условиях Беларуси задачей, поскольку центральный банк находился под различным давлением и часто сталкиваются с противоречивыми целями. Основная проблема для НБРБ заключалась в том, что сохранение стабильности цен – что является основным смыслом существования любого центрального банка – не согласовывалось с вмешательством правительства в процесс принятия решений НБРБ, и цель обеспечения стабильности цен обычно уходила на второй план под прямым или косвенным давлением в результате правительственной политики. Технической проблемой, с которой сталкивался НБРБ, была та самая не согласованность выбранного валютного режима с комплексом мер макроэкономической политики в Беларуси.

Проводимая белорусскими властями политика экономического роста на основе спроса создавала постоянное инфляционное давление через различные каналы, в первую очередь через механизмы целевого кредитования и целевые показатели по заработной плате, а также через монетизацию квазифискального дефицита, связанного с этой политикой. Через свое влияние на ожидания, контроль над ценами также имел довольно спорный эффект в белорусском контексте, порой усиливая инфляционное давление. В свою очередь, это создавало постоянное девальвационное давление на обменный курс белорусского рубля значительно выше ежемесячной девальвации и диапазона колебаний; в этих условиях периодическая девальвация валюты была неизбежна.

В период более высокой энергетической ренты часть доходов от валютных операций была направлена на снижение этого давления, что позволило провести сравнительно плавную девальвацию и избежать валютных обвалов. Однако, с постепенным истощением этой ренты, планомерное проведение денежно-кредитной политики стало более проблематичным.

Одним из казусных результатов такого типа валютной политики и политики доходов является динамика реального валютного курса (Диаграмма 1.11). В 2000-е годы реальный валютный курс, дефлированный по удельным затратам на рабочую силу – который является ключевым показателем международной конкурентоспособности – начал систематически повышаться, причем гораздо выше, чем реальный валютный курс, дефлированный по ценам.

Диаграмма 1.11 / Реальный эффективный валютный курс в Беларуси, 1995-2015 годы, индекс (2005 год = 100)

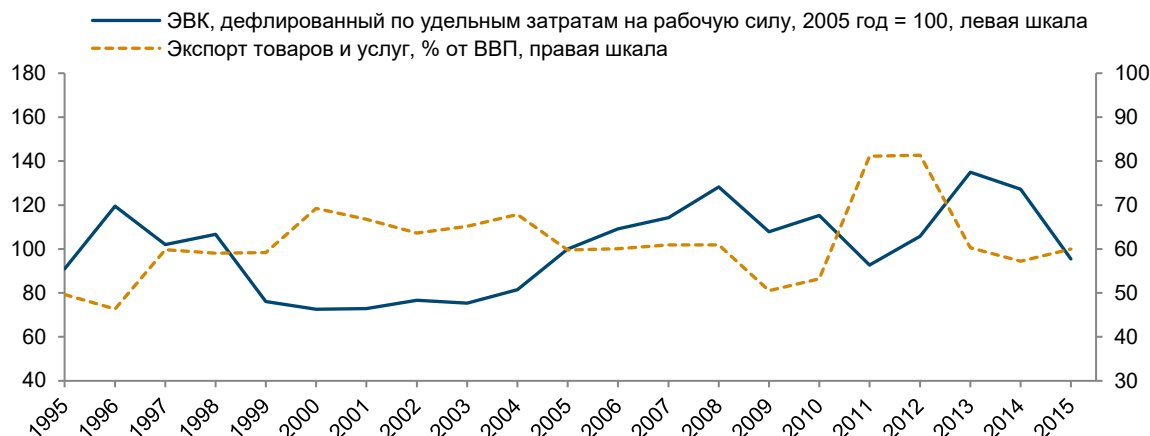

Источник: база ВИМЭИ; расчеты автора.

Данные также свидетельствуют о том, что повышение валютного курса в Беларуси в этот период негативно коррелировало с динамикой показателей экспорта и сальдо платежного баланса по текущим операциям (Диаграммы 1.12 и 1.13). Можно предположить, что белорусские органы денежно-кредитного регулирования уделяли реальному валютному курсу на основе удельных затрат на рабочую силу меньше внимания, чем показателям на основе цен, и не скорректировали свою политику, чтобы предотвратить такое реальное повышение. В любом случае факт остается фактом: нараставшие в 2000-х годах макроэкономические дисбалансы были тесно переплетены с динамикой реального валютного курса.

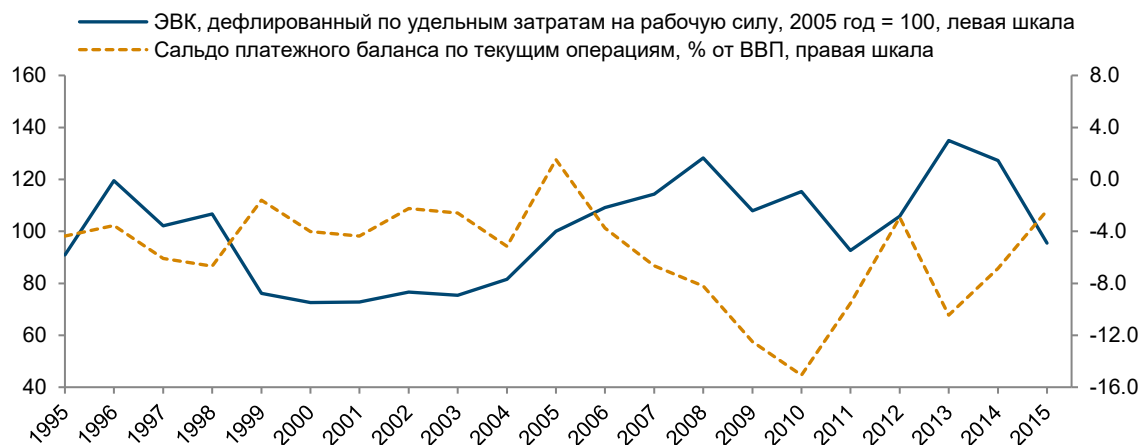
Другая интерпретация динамики реального валютного курса может заключаться в том, что неявные целевые показатели по долларовой заработной плате мешали проведению денежно-кредитной и валютной политики, поскольку было давление на центральный банк с целью предотвращения или замедления снижения валютного курса, что облегчило бы достижение долларовых целевых показателей. Этот тип давления, исходящий из целевых показателей по заработной плате, стал с особой силой проявляться в 2000-е годы, когда власти предпринимали активные усилия для получения быстрого и видимого положительного воздействия своей политики на благосостояние населения. Это также период устойчивой тенденции повышения реального валютного курса, основанного на удельных затратах на рабочую силу.

Диаграмма 1.12 / Реальный эффективный валютный курс и показатели экспорта, 1995-2015 годы

Источник: база ВИМЭИ; расчеты автора.

Диаграмма 1.13 / Реальный эффективный валютный курс и сальдо платежного баланса по текущим операциям, 1995-2015 годы

Источник: база ВИМЭИ; расчеты автора.

Учитывая рост макроэкономических дисбалансов и турбулентности, с одной стороны, и противоречащие друг другу цели центрального банка, с другой стороны, валютный рынок часто ставил под сомнение согласованность режима валютного курса, в частности номинальной стоимости валютной привязки. В таких обстоятельствах, если политика не согласована, рано или поздно будет коррекция, которая может произойти в рамках упорядоченного или принудительного регулирования.

Так как валютный курс был практически основным, если не единственным, механизмом регулирования в комплексе инструментов макроэкономической политики Беларуси, необходимые коррекции действительно произошли посредством регулирования валютного курса. Хотя скользящая привязка считалась инструментом упорядоченного регулирования, она оказалась

недостаточно эффективной в периоды высокой волатильности валютного курса. В свою очередь, высокая волатильность спровоцировала несколько случаев спекулятивных атак на валюту.

Ограничения белорусской экономической модели

Между 2009 и 2016 годами в Беларуси произошли три валютных кризиса (в 2009, в 2011 и 2014-2015 годах), которые воплотили в себя противоречивость комплекса мер макроэкономической политики.³⁵ Все три кризиса выразились в массовой вынужденной девальвации белорусского рубля, что стало отражением необходимой корректировки к реальному обменному курсу. Их можно отследить на соответствующих падениях (в 2009, 2011 и 2014-2015 годах), видимых на графиках реального обменного курса, представленных на Диаграмме 1.12.

Ключевыми составляющими валютного кризиса являются факторы, упомянутые в предыдущем разделе. При этом, они присутствовали во всех трех случаях. Помимо этого, присутствовали также и специфические факторы, которые обострили ситуацию во время каждого из всех трех кризисов. Кризис 2009 года отчасти стал результатом глобального экономического и финансового кризиса, который привел к глубокому экономическому спаду в России (Диаграмма 1.4), сокращению потребностей России в импорте, дальнейшей потере конкурентоспособности по причине резкого обесценения российского рубля, ухудшению сальдо платежного баланса по текущим операциям, а также истощению золотовалютных резервов. В то же время, белорусские власти продолжили активное продвижение амбициозной программы по привлечению инвестиций при поддержке системы целевого кредитования (Диаграмма 1.8). В этой ситуации белорусские власти обратились в МВФ за финансовой помощью и заключили пятнадцатимесячное соглашение о резервных средствах, направленное на адаптацию к внешним потрясениям и подтвержденное соответствующими реформами в области политики.

В ходе реализации соглашения о резервных средствах с МВФ были значительно укреплены политические позиции, что способствовало поддержке макроэкономического равновесия. В частности, было реализовано разовое ограничение роста реальной заработной платы в 2009 году (Таблица 1 Приложения), что привело к обратному ходу повышения реального валютного курса и улучшениям конкурентоспособности. Внутренний спрос снизился, но чистый экспорт оказал положительное влияние на рост ВВП (Диаграмма 1.7). Однако, после получения последнего транша от МВФ, политика строгой экономии была немедленно отменена и власти возобновили проведение инфляционной политики в области заработных плат и кредитования, нацеленной на активизацию экономического роста. Соответственно, повторилась история с потерей конкурентоспособности, увеличением дефицита платежного баланса и истощением резервов. В конце концов, центральный банк отменил попытки поддержать непоследовательные намеченные уровни валютного курса и отпустил серьезную девальвацию номинального обменного курса, которая превысила 200% в 2011 году.

Однако, учитывая нежелание властей менять политический курс, аналогичная ситуация снова возникла в последующие годы. Типичным примером популистской политики, преобладающей в этот период, может служить цель, анонсированная в 2010 году, по увеличению ежемесячной заработной платы в Беларуси до уровня, эквивалентного 1 000 долларов США к 2015 году. Опять

³⁵ Более детальную информацию см. Главу 4, а также Миксюк, Пранович и Улиарис (2015); МВФ (2015).

же, достижение этой цели осуществлялось с применением тех же инструментов: целей по номинальной заработной плате и номинальному обменному курсу. Соответственно, на НБРБ было оказано давление с целью остановки обесценения белорусского рубля и по истечению времени данный политический курс привел к неустойчивому повышению реального обменного курса, а внешний долг при этом быстро вырос (Диаграммы 1.11 и 1.12). Власти продолжали использовать всевозможные источники поддержки в области платежного баланса, но смогли лишь получить такое финансирование от российского правительства и российских банков, а также Антикризисного фонда Евразийского банка развития.

Влияние непоследовательности в политике было усилено негативным влиянием со стороны России, где рубль находился под серьезным давлением вследствие большого падения цен на нефть в конце 2014 года. Резкое падение цен на нефть также привело в значительному сокращению поступлений в бюджет и валютных доходов Беларуси, что уменьшило возможности правительства в проведении интервенций. Все это спровоцировало паническую скупку на белорусском валютном рынке, а также снятие валютных депозитов под конец 2014 года. НБРБ старался предотвратить дальнейшую эскалацию кризиса при помощи ряда административных мер, но в конечном итоге он был вынужден прекратить эти попытки и смириться со значительным обесценением в начале 2015 года. Наиболее важным изменением в монетарной политике стал отказ от системы фиксации валютного курса с регулярным его изменением на определенную величину (а также и от режима таргетирования обменного курса) и переход на режим плавающего обменного курса с установлением ориентиров роста (таргетирование) денежной массы. Предыдущая корзина валют (включающая евро, доллар США и российский рубль) теперь стала служить лишь ориентиром при проведении монетарной политики.

По большому счету, валютные кризисы, их природа и частота за последние годы воплощают ограничения белорусской экономической модели как таковой. Очевидно, основополагающая стратегия в области политики в последние годы была нацелена на поддержание статуса кво и предотвращение непосредственного экономического краха, наряду с падением качества жизни. За последние два десятилетия рост благосостояния был одним из лидирующих декларируемых политических достижений и власти весьма опасливо относились к возможным обратным изменениям. Однако, после 2008 года указанная цель достигалась за счет огромного дефицита платежного баланса (порядка 10% от ВВП или даже выше в течение большей части этого периода) и, соответственно, растущего внешнего долга.

Последний кризис продемонстрировал, что власти достигли границ своих возможностей по разрешению таких кризисов с применением имеющихся у них в наличии инструментов и ресурсов. Помимо закрепления неотъемлемых макроэкономических искажений, данный политический курс привел к быстрому росту значительного внешнего долга. Учитывая текущий потенциал страны по обслуживанию долга и предысторию политики, маловероятно, что любое иностранное предприятие или инвестор выразят желание продолжить кредитование Беларуси, если только со стороны властей не будет продемонстрировано четкое и недвусмысленное обязательство по изменению политического курса, направленного на обеспечение устойчивого экономического функционирования и потенциала по обслуживанию долга.

В последние годы, условия для доступа к новым кредитам из России и Евразийского банка развития были значительно ужесточены и, несмотря на то, что они остаются основными

источниками поддержки платежного баланса в Беларуси, приток таких средств значительно сократился. В 2015 году Беларусь также начала переговоры с МВФ по экономической программе с выделением средств. На момент подготовки данного документа, переговоры все еще велись, но при этом еще не было ясно, насколько они будут успешно завершены. Основным сдерживающим моментом было нежелание властей проводить серьезные радикальные реформы (см. более подробную информацию в Главе 4).

В итоге, текущий политический курс, подразумевающий необходимость в непрерывном привлечении новой и постоянно растущей поддержки платежного баланса, не так просто поддерживать в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Решение корневых причин кризиса платежного баланса потребует восстановления конкурентоспособности посредством комбинирования длительного снижения реального обменного курса и структурных реформ, оказывающих поддержку улучшениям производительности (последний вопрос обсуждается в следующем разделе). Макроэкономическая стабилизация, сопровождающаяся устойчивой дефляцией и способствующая заметному снижению процентных ставок, также является ключевой предпосылкой для создания здоровой экономической среды. Рано или поздно, властям придется столкнуться с болезненными корректирующими мерами; помимо политических соображений, период корректировок будет зависеть от способности продолжать финансирование с привлечением внешнего долга и соответствия ограничениям платежного баланса. Так, в среднесрочной перспективе, экономика Беларуси находится на пересечении между стратегией поддержания статуса кво и новым политическим курсом, ведущим к более стабильному росту.

ТАК НАСКОЛЬКО УСПЕШНОЙ ОКАЗАЛАСЬ БЕЛАРУСЬ? УРОКИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ УНИКАЛЬНОГО ОПЫТА.

В литературе по переходным экономикам очевидна тенденция к сравнению и классификации видов стратегий перехода, наблюдаемых в различных странах, и предлагаются различные систематики этого процесса. Наиболее часто агитируемым разграничением между стратегиями перехода было разделение между "большим взрывом" и "постепенным реформизмом". Со временем, разграничительные линии стали менее очевидными и даже исчезли, так как некоторые последователи стратегии "большого взрыва" начали притормаживать процесс реформирования, тогда как некоторые "постепенные реформисты" начали процесс ускорения реформ. Как пишут Хэар и Терли (Hare and Turley) "на практике, ... различия между этими двумя подходами намного меньше, чем можно предположить, так как даже для реализации многих реформ, запущенных в начале "большого взрыва", может потребоваться не один год, тогда как страны, идущие по пути постепенного реформизма, большей частью уже отошли от центрального планирования и... очень быстро провели либерализацию цен и торговли".³⁶

В данном контексте, и даже в рамках более широкой интерпретации, сформулированной с учетом преимуществ ретроспективной оценки, Беларусь до сих пор держится особняком и, как кажется, не попадает ни в одну из приведенных категорий. Как обсуждается и аргументируется на протяжении всего документа, во многих аспектах, опыт Беларуси по переходу был достаточно уникальным и весьма отличающимся от того, что наблюдалось в других странах с переходной экономикой. Политический режим в Беларуси представляет собой сильную президентскую

³⁶ Хэар и Терли (Hare and Turley) (2013b).

систему; этим она может отличаться от политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, но при этом не сильно отличается от большинства стран на постсоветском пространстве. Однако, Республику Беларусь заметно отличает от большинства посткоммунистических стран экономическая политика, которой она придерживалась в течение последних 20-25 лет.

Сводная информация далее описывает наиболее характерные аспекты экономической политики Беларуси на этапе перехода, по крайней мере, на момент подготовки данного документа, которые обособливают ее от других странах.

- › В Беларуси не было приватизации большинства государственных компаний и банков, унаследованных с советских времен. Большая часть таких фирм и банков до сих пор существуют и функционируют, несмотря на то, что они были реорганизованы и в настоящее время управляется по-другому;
- › аналогично, большая часть сельского хозяйства в Беларуси до сих пор находится в руках коллективных хозяйств, унаследованных с советских времен;
- › обширная приватизация государственных фирм и банков до сих пор находится на повестке дня возможных будущих реформ в области политики;
- › сектор новых частных фирм и иностранных компаний стал наиболее динамичной частью белорусской экономики, несмотря на свое невыгодное положение в сравнении с фирмами, получающими государственную поддержку в рамках государственных программ;
- › Целевые промышленные политики были основным подходом при достижении заявленных целей экономической политики, таких как растущее благосостояние и высокий уровень трудоустройства;
- › была реализована широкомасштабная промышленная политика посредством различных государственных программ развития, оказывающих поддержку государственным промышленным фирмам и коллективным хозяйствам;
- › власти также применяли ряд нетрадиционных инструментов для достижения политических целей и реализации промышленной политики, в частности, инструмент целевого кредитования и целевые уровни заработной платы (последнее было де-факто обязательным для всей экономики);
- › и наоборот, ценовая стабилизация никогда не входили в число приоритетных целей, де-факто отслеживаемых властями. Комплекс макроэкономической политики носил достаточно приспособляющийся характер, а стабилизация цен уступала место политическим целям с более высоким приоритетом;
- › за последние годы Беларусь достигла экономического роста и роста благосостояния, сравнимых с наиболее успешными посткоммунистическими странами, не предпринимая при этом большинства реформ, которые доминирующими экономическими консультантами назывались как наиболее существенные предпосылки для достижения таких результатов;

- › при определении своей модели и стратегии перехода, Беларусь основывалась преимущественно на собственных концепциях и знаниях, опираясь на, помимо прочего, сохранившиеся организационные возможности страны. Внешние опоры играли весьма незначительную, если вообще играли, роль в определении курса экономической политики;
- › жизнеспособность белорусской экономической модели очень сильно зависела от доступности исключительных внешних ресурсов в виде ренты. С истощением ренты устойчивость модели оказалась не внушающей доверие.

Своим опытом Беларусь бросает вызов догматическому представлению об отсутствии иных альтернатив общепринятому составу программы реформ преобразования, за которые выступали в самом начале переходного периода, и представляет неумолимые доказательства того, что процесс экономических и политических преобразований в посткоммунистических странах действительно мог проводиться иначе, по крайней мере, в некоторых странах.

Фактически, многое из общепринятых мнений, которые преобладали в экономическом мышлении в области перехода в 1990-е годы, уже было пересмотрено с учетом преимуществ ретроспективной оценки. Например, одно из недавних заключений по вопросу приватизации содержит следующее заявление: "... вместо концентрирования на быстрой приватизации, а также зачастую ее некачественной реализации, было бы намного лучше многим странам сфокусироваться на создании благоприятных условий для создания новых предприятий".³⁷

В связи с этим, белорусский опыт представляет новые аргументы и доказательства пересмотра - и, возможно, переосмысления - некоторых иных аспектов политической программы действий, за которую выступали в самом начале переходного периода. Весь спектр принципиально отличающихся политик, которые обсуждались выше, представляет пищу для размышлений в плане такого возможного переосмысления. Модель перехода и обстоятельства в Беларуси были весьма уникальными, поэтому в другой стране применить аналогичный подход было бы весьма проблематично. Однако, всегда есть стремление утверждать, что определенные политики в некоторых странах могли бы быть также применены в других странах и могли бы привести к лучшим результатам, чем те, которые были реально достигнуты.

Возможно, наиболее интригующим вопросом остается вопрос, продолжит ли Беларусь экспериментировать с экономической стратегией и политической программой действия, которые ощутимо отличаются от того, что посткоммунистические страны реализовывали в прошлом, или ей придется последовать общепринятым реформам преобразования и свернуть, со значительной задержкой, на общий путь, наблюдаемый в других странах. На этом этапе трудно дать точный ответ на такой вопрос и, следовательно, будет очень интересно продолжать мониторинг и изучение Беларуси в течение некоторого времени в последующем.

В любом случае, опять может появиться желание строить догадки в отношении возможных политических курсов, которые страна может выбрать в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В таком случае, будет важно проводить разделение между устойчивостью политического курса страны и устойчивостью белорусской экономической модели как таковой.

³⁷ Хэар (Hare) и Терли (Turley) (2013b).

Как упоминалось в настоящем документе, имеются достаточные доказательства, особенно за последнее время, что политики, которым следовало на протяжении 2000-х годов и по настоящее время, изжили себя и вряд ли могли бы выдерживаться в среднесрочной перспективе. Беларусь достигла той точки, когда ее ограничения по платежному балансу уже диктуют определенные требуемые, или даже неизбежные, изменения в макроэкономической политике. Наиболее срочные изменения в области политики, требующиеся во избежание еще одного раунда вынужденной корректировки, включают отказ раз и навсегда от наиболее искажающих компонентов политики, таких как обязательные целевые уровни заработной платы, целевое кредитование и ценовые контроли, а также поддержание при этом сбалансированной комбинации налогово-бюджетной и монетарной политики. В среднесрочной и долгосрочной перспективе неизбежны также определенные структурные реформы, если страна нацелена на установление здоровой экономической среды и движение по пути устойчивого роста. Сюда входят восстановление и структурная перестройка государственного сектора экономики (предприятия, банковский сектор и коллективные хозяйства).

В отношении же устойчивости экономической модели страны, которая проистекает из белорусской системы государственного капитализма, очевидные аргументы, позволяющие заявить, что модель как таковая не является устойчивой, отсутствуют. С другой стороны, в модели, которая применяется на практике, присутствуют очевидные изъяны, которые в принципе могут быть исправлены для повышения результативности и эффективности модели. Опять же, здесь можно попробовать разграничить возможные корректировки технических недостатков и зависящие от обстоятельств изменения, которые заложены в существующей политической системе в силу ее характера (хотя провести четкое разделение может быть не так просто).

Ключевым тестом для жизнеспособности белорусской модели "государственного капитализма" потенциально может быть способность властей ввести жесткие бюджетные ограничения в отношении государственных компаний и банков. Капитализм, который частично основан на государственной собственности, принципиально возможен. Однако, он не согласуется с политикой мягких бюджетных ограничений. Соответственно, чтобы белорусские власти могли оправдать свои заявления о "государственном капитализме", им потребуются действия в направлении установления жестких бюджетных ограничений в отношении государственных компаний и банков. Таким образом, государство, в качестве собственника, будет осуществлять интервенции только при распределении прибыли, которую указанные компании и банки генерируют в абсолютно рыночных условиях, без распределения им мягких финансовых ресурсов. Установление жестких бюджетных ограничений станет также ключевым политическим шагом к структурной перестройке государственного сектора экономики и повышения его эффективности.

Однако, такие изменения в политике приведут к серьезным социальным последствиям, так как они подразумевают избавление от излишней рабочей силы, которая в настоящее время в избытке присутствует в государственном секторе экономики. Неизвестно, захотят ли белорусские власти предпринимать радикальные шаги в этом направлении. Однако, если реализовать такой политический курс постепенно и избирательно в течение продолжительного периода времени, он может оказаться целесообразным, несмотря на то, что очевидно придется заплатить определенную социальную цену.

Один из "технических" недостатков текущей модели связан с инструментами, которые белорусские власти применяли при проведении промышленной политики. В упрощенном виде, подразумевается двойственность обязательных целей, устанавливаемых сверху вниз, и политической поддержки (прямые и косвенные субсидии и различные административные меры), направленной на содействие достижению таким целям. Как обсуждалось в настоящем документе, текущие инструменты политики неизбежно приводят к рыночным перекосам и не согласуются с эффективным распределением ресурсов в масштабе всей экономике.

Как показывает опыт других стран, промышленная политика может проводиться более эффективно с применением средств и инструментов, отличающихся от тех, которые использует Беларусь.³⁸ Более того, промышленную политику можно реализовывать с помощью инструментов, которые содействуют и улучшают конкурентную среду, вместо ее искажения, как это происходит в случае с целевым кредитованием и целевыми уровнями заработной платы. Например, вместо предоставления государственной поддержки в правлении, как это часто происходит в случае целевого кредитования, государственную поддержку можно оказать посредством объявления открытых конкурсов и привести в зависимость от достижения фирмами-получателями конкретных целей, особенно тех, которые направлены на повышение эффективности производства и содействие более широким экономическим целям.

Замена текущих устаревших инструментов политики на рыночные инструменты промышленной политики может позволить властям инициировать весьма востребованный процесс восстановления государственных фирм и банков. В свою очередь, это облегчит их дальнейшую реструктуризацию и последующую приватизацию, в случае, если будет присутствовать политическая воля для движения в этом направлении. Модернизация инструментов политики также будет играть важную роль для улучшения общего делового и инвестиционного климата в стране.

Более сложная и проблематичная часть последующих усилий по реформированию текущей экономической модели связана с исключительно иерархическим процессом принятия решений в области политики, в котором присутствуют два основных недостатка: 1) существование одного высшего центра принятия решений, который наделен полномочиями по изменению ранее принятых решений; и 2) доминирующее несистематическое произвольное определение политики (за счет основанного на системе правил подхода). Такая система является неэффективной и нерезультативной по всем параметрам и последующее ее использование в таком виде будет приводить к появлению перекосов в экономике. Примером может служить учреждение действительно независимого центрального банка, являющегося обязательным (хотя и недостаточным) условием достижения макроэкономической и ценовой стабильности, очевидно не совместимо с системой государственной политики, в которой имеется лишь один доминирующий центр принятия решений вне центрального банка, что и наблюдается в настоящее время.

Однако, функционирование политического процесса является неотъемлемой частью текущей политической системы в Беларуси. Последующее реформирование политического процесса (в частности, в части устранения двух основных недостатков системы, упомянутые выше) будет означать изменение политической системы, весь комплекс которой сейчас закреплён в

³⁸ См. Родрик (2004)

имеющейся конституции. В принципе, сама по себе конституция не является препятствием для внедрения требуемых изменений в политическом процессе, однако для этого потребуется проявление доброй воли на самом верхнем уровне для высвобождения части полномочий, сконцентрированных на этом уровне, и передачи их на соответствующие уровни пирамиды принятия решений, которым они соответствуют и где принятие решений будет наиболее эффективным. Однако, когда организуется исключительно иерархический процесс принятия решений, как в случае с Беларусью, то добровольная уступка или делегирование полномочий не проходит так легко и само по себе. Поэтому, эффективным будет изменение процесса принятия решений посредством осуществления конституционных изменений, но это может превратиться в длительный и проблематичный процесс, результаты которого неясны. Может ли это быть осуществлено на самом деле и в какие сроки, еще только предстоит увидеть. А до того момента экономика Беларуси обречена функционировать со встроенными недостатками, которые являются неотъемлемой частью существующего на данный момент процесса принятия решений.

В итоге, Беларусь будет оставаться в роли уникальной лаборатории по экспериментам с экономическими политиками, на примере которой будут наблюдаться реальные ежедневные доказательства результатов реализации политик, которые нигде больше не применяются. Неординарный опыт и полученные уроки заслуживают более детального изучения со стороны экономистов и политического руководства. И, если даже в какой-то момент времени Беларусь кардинально изменит свои политики и/или экономическую модель и начнет реализацию абсолютно иного политического курса, все это не отменит порядка 25 лет относительно успешного экономического функционирования и того факта, что стране удалось смягчить некоторые сложности переходного периода, с которыми столкнулись другие страны.

Список использованных источников

Babetskii, I. and N.F. Campos (2007), 'Does Reform Work? An Econometric Examination of the Reform-Growth Puzzle', *CEPR Discussion Papers*, No. 6215. / Я. Бабетски и Н.Ф. Кампос (2007), "Работают ли реформы? Эконометрическое изучение задачи реформирования-роста", *документы для обсуждения Центра исследований экономической политики*, №6215.

Belstat (2015), *Statistical Yearbook 2015. National Statistical Committee of Belarus*. / Белстат (2015), *Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2015. Национальный статистический комитет Республики Беларусь*.

Campos N.F. and F. Coricelli (2013), 'Economic Growth in the Transition from Communism', in: P. Hare and G. Turley (eds), *Handbook of the Economics and Political Economy of Transition*, Routledge, London and New York, pp. 421-430. / Н.Ф. Кампос и Ф. Коричелли (2013), "Экономический рост при переходе от коммунизма", в П. Хэар и Дж. Терли (ред.), *Руководство по экономике и политической экономике в переходный период*, Routledge, Лондон и Нью-Йорк, стр. 421-430.

Di Tommaso, M.L., M. Raiser and M. Weeks (2007), 'Home Grown or Imported? Initial Conditions, External Anchors and the Determinants of Institutional Reform in the Transition Economies', *Economic Journal*, Vol. 117, No. 520, pp. 858-881. / М.Л. Ди Томмазо, М. Рейзер и М. Уикс (2007) "Местное производство или импорт? Исходные условия, внешние якоря и решающие факторы институционального реформирования в странах с переходной экономикой", *Экономический журнал*, том 117, №520, стр. 858-881.

Dobrinsky, R. (2013), 'Bulgaria and Political Economy of Transition', in: P. Hare and G. Turley (eds), *Handbook of the Economics and Political Economy of Transition*, Routledge, London and New York, pp. 217-

227. / Р. Добрински (2013), "Болгария и политическая экономия переходного периода», в П. Хэар и Дж. Терли (ред.), *Руководство по экономике и политической экономии в переходный период*, Routledge, Лондон и Нью-Йорк, стр. 217-227.

Dobrinsky, R. (2000), 'The Transition Crisis in Bulgaria', *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 24, No. 5, pp. 581-602. / Р. Добрински (2000), "Кризис переходного периода в Болгарии", *Кембриджский журнал экономики*, том 24, №5, стр. 581-602.

EBRD (2013), *Transition Report 2013*. / ЕБРР (2013), *Доклад о переходном процессе за 2013 год*.

Falcetti, E., T. Lysenko and P. Sanfey (2006), 'Reforms and Growth in Transition: Re-examining the evidence', *Journal of Comparative Economics*, Vol. 34, No. 3, pp. 421-445. / Е. Фалчетти, Т. Лысенко и П. Сенфи (2006) "Реформирование и рост в переходный период: новый взгляд на данные", *Журнал сравнительной экономики*, том 34, №3, стр. 421-445.

Fernandez, R. and D. Rodrik (1991), 'Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty', *American Economic Review*, Vol. 81, No. 5, pp. 1146-1155. / Р. Фернандес и Д. Родрик (1991), "Сопротивление реформированию: предубеждение статус-кво в присутствии неопределенности с учетом индивидуальных особенностей", *Американский экономический обзор*, том 81, №5, стр. 1146-1155.

Government decree (2015), Government decree No. 1085 of 24 December 2015 'On the implementation of the tasks of socio-economic development of the Republic of Belarus in 2016'. / Постановление Совета Министров (2015), Постановление Совета Министров №1085 от 24 декабря 2015 года "О реализации задач социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 год"

Grinberg, R., P. Havlik and O. Havrylyshyn (eds) (2008), *Economic Restructuring and Integration in Eastern Europe. Experiences and Policy Implications*, Nomos, Baden-Baden. / Р. Гринберг, П. Хавлик и О. Хаврилишин (ред) (2008), *Экономическая реструктуризация и интеграция в Восточной Европе. Опыт и политические последствия*, Nomos, Баден-Баден.

Hare, P. and G. Turley (eds) (2013a), *Handbook of the Economics and Political Economy of Transition*, Routledge, London and New York. / П. Хэар и Дж. Терли (ред.) (2013а), *Руководство по экономике и политической экономии в переходный период*, Routledge, Лондон и Нью-Йорк.

Hare, P. and G. Turley (2013b), 'Introduction to the Handbook', in: P. Hare and G. Turley (eds), *Handbook of the Economics and Political Economy of Transition*, Routledge, London and New York, pp. 1-14. / П. Хэар и Дж. Терли (2013b), "Введение в руководство", в П. Хэар и Дж. Терли (ред.), *Руководство по экономике и политической экономии в переходный период*, Routledge, Лондон и Нью-Йорк, стр. 1-14.

IMF (2005), 'Republic of Belarus: Selected Issues', *IMF Country Report* No. 05/217. / МВФ (2005), "Республика Беларусь: документ по отдельным вопросам", *Доклад МВФ по стране* № 05/217.

IMF (2009), 'Republic of Belarus: 2009 Article IV Consultation', *IMF Country Report* No. 09/333. / МВФ (2009), "Республика Беларусь: Консультация 2009 года в соответствии со статьей IV" *Доклад МВФ по стране* № 09/333.

IMF (2012), 'Republic of Belarus: 2012 Article IV Consultation', *IMF Country Report* No. 12/113. / МВФ (2012), "Республика Беларусь: Консультация 2012 года в соответствии со статьей IV" *Доклад МВФ по стране* № 12/113.

IMF (2015), 'Republic of Belarus: 2015 Article IV Consultation', *IMF Country Report* No. 15/136. / МВФ (2015), "Республика Беларусь: Консультация 2015 года в соответствии со статьей IV" *Доклад МВФ по стране* № 15/136.

Kruk, D. and K. Haiduk (2013), 'The Outcome of Directed Lending in Belarus: Mitigating Recession or Dampening Long-Run Growth?', *EERC Working Paper* No 13/05E, Energy & Environmental Research Center, University of North Dakota. / Д. Крук и К. Гайдук (2013), "Итоговый результат целевого кредитования в

Беларуси: уменьшение последствий экономического спада или сдерживание долгосрочного роста?", *Рабочий документ Центра исследований в области энергетики и окружающей среды №13/05E*, Центр исследований в области энергетики и окружающей среды, Университет Северной Дакоты.

Miksjuk, A., M. Pranovich and S. Ouliaris (2015), 'The Game of Anchors: Studying the Causes of Currency Crises in Belarus', *IMF Working Paper WP/15/281*. / А. Миксюк, М. Пранович и С. Улиарис (2015), "Игра в якоря: изучение причин валютных кризисов в Беларуси", *Рабочий документ МВФ WP/15/281*.

NBRB (2015), 'The Banking Sector of the Republic of Belarus', National Bank of the Republic of Belarus, 1 July. / НБРБ (2015), "Банковский сектор Республики Беларусь", Национальный банк Республики Беларусь, 1 июля.

Radosevic, S. (2011), 'Markets and Organisational Capabilities in Innovation and Economic Growth of Post-Socialist Countries: The Case of Belarus', Paper prepared for the EAEPE Vienna Conference, 27-30 October 2011. / С. Радошевич (2011), "Рынки и организационные возможности инновации и экономического роста в пост-социалистических странах: случай Беларуси", документ подготовлен для Венской конференции ЕАЕПЕ (Европейская ассоциация эволюционной политической экономии), 27-30 октября 2011 года.

Rodrik, D. (2004), 'Industrial policy for the twenty-first century', *CEPR Discussion Papers*, No. 4767, Centre for Economic Policy Research, London. / Д. Родрик (2004), "Отраслевая политика в 21 веке", *документы для обсуждения Центра исследований экономической политики*, №4767, Центр исследований экономической политики, Лондон.

Roland, G. (2000), *Transition and Economics. Politics, Markets, and Firms*, The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London. / Ж. Роланд (2000), *Экономика переходного периода. Политика, рынки, фирмы*, The MIT Press, Кембридж, Массачусетс, Лондон.

Roland, G. (1994), 'The Role of Political Constraints in Transition Strategies,' *Economics of Transition*, Vol. 2, No. 1, pp. 27-41. / Ж. Роланд (1994), "Роль политических ограничений в стратегиях перехода", *Экономика перехода*, том 2, №1, стр. 27-41.

Rontoyanni, C. and E. Korosteleva (2005), 'Belarus: an Authoritarian Exception from the Model of Post-Communist Democratic Transition', in: T. Flockhart (ed.), *Socializing Democratic Norms. The Role of International Organizations for the Construction of Europe*, Palgrave Macmillan, Houndmills and New York, pp. 209-231. / К. Ронтоянни и Е. Коростелева (2005), "Беларусь: авторитарное исключение из модели пост-коммунистического демократического перехода", в Т. Флокарт (ред.), *Социализация демократических норм. Роль международных организаций в строительстве Европы*, Palgrave Macmillan, Хаундмилс и Нью-Йорк, стр. 209-231.

Rudyi, K.V. (2016), 'Государственный капитализм в Беларуси: от роста к развитию' (State capitalism in Belarus: from growth to development), in: K.V. Rudyi (ed.), *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси* (Financial diet: reforming public finances in Belarus), Zvyazda, Minsk, pp. 21-74. / К.В. Рудый (2016), "Государственный капитализм в Беларуси: от роста к развитию", в К.В. Рудый (ред.), *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси*, Звезда, Минск, стр. 21-74.

Schaffer, M.E. (1998), 'Do Firms in Transition Economies Have Soft Budget Constraints? A Reconsideration of Concepts and Evidence', *Journal of Comparative Economics*, Vol. 26, No. 1, pp. 80-103. / М.Э. Шаффер (1998), "Имеют ли фирмы в переходных экономиках мягкие бюджетные ограничения? Пересмотр концепций и фактов", *Журнал сравнительной экономики*, том 26, №1, стр. 80-103.

2. Структурные проблемы

АВТОР: КАТЕРИНА БОРНУКОВА

СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА

В советские времена Беларусь была одним из "производственных цехов" Советского Союза, который специализировался в ряде отраслей в сегменте рынка с более высокой добавочной стоимостью и рассчитывал на большой советский рынок. Также было относительно хорошо развито и сельское хозяйство, в частности промышленное производство животноводческой продукции. Еще одним краеугольным камнем традиционной экономики была пищевая промышленность, особенно производство молочных и мясных продуктов. В основном, такая структурная ориентация белорусской экономики сохранялась на протяжении последних 25-30 лет, во многом благодаря поэтапному подходу к осуществлению экономических преобразований, а также взвешенной государственной политике. Тем не менее, за годы независимости в структуре экономики произошли значительные изменения (Таблицы 2.1 и 2.2).

Таблица 2.1 / Структура валовой добавленной стоимости в Беларуси по видам экономической деятельности, 2000-2014 годы, % от общего

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	13,81	9,64	10,18	9,13	9,48	7,78	8,30
Рыболовство и рыбоводство	0,11	0,11	0,11	0,00	0,11	0,11	0,11
Горнодобывающая промышленность	1,03	1,49	0,33	1,21	1,23	1,11	0,88
Обрабатывающая промышленность	27,74	29,05	26,55	30,91	29,10	25,67	24,56
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,71	5,17	3,21	1,87	3,23	2,89	3,21
Строительство	7,19	7,69	10,62	7,26	8,25	11,33	11,62
Торговля, ремонт, гостиницы и рестораны	13,24	12,06	14,27	17,60	16,39	15,33	15,38
Транспорт и связь	10,27	9,30	8,41	8,03	8,36	9,22	8,74
Финансовая деятельность и операции с недвижимым имуществом	7,65	8,96	11,84	11,99	10,81	12,78	13,05
Государственное управление	3,42	5,05	4,31	3,30	3,34	3,78	3,87
Образование	4,91	5,86	4,76	4,18	4,35	4,33	4,42
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,08	3,67	3,21	2,64	3,23	3,33	3,54
Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг	1,83	1,95	2,21	1,87	2,12	2,33	2,32

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Подводя итог всему вышесказанному, нынешнюю структуру белорусской экономики можно описать некоторыми общими характерными особенностями:

- › помимо сельского хозяйства и промышленности, строительство также имеет более существенную долю в Беларуси по сравнению с другими странами с аналогичным уровнем развития;

- › в то же время, целый ряд услуг, таких как розничная торговля, туризм, финансовые услуги, операции с недвижимым имуществом и прочие коммерческие услуги, относительно менее развит;
- › в рамках обрабатывающей промышленности как таковой, пищевая промышленность является ведущей отраслью обрабатывающей промышленности с точки зрения своего вклада в добавленную стоимость; ее значимость даже возросла за последнее десятилетие;
- › очистка нефти и ее переработка в химические вещества - еще один краеугольный камень обрабатывающей промышленности Беларуси;
- › производство текстиля, тяжелой техники и транспортного оборудования издавна также являлись ведущими отраслями обрабатывающей промышленности, но их значимость существенно снизилась за последние годы.

Таблица 2.2 / Объем производства обрабатывающей промышленности Беларуси по отраслям, 2010-2015 годы, %

Отрасли обрабатывающей промышленности	2000	2005	2010	2015
Продукты питания и табак	22,9	20,1	22,4	27,3
Текстиль и одежда	8,2	4,6	3,8	3,2
Кожа и обувь	2,0	1,0	0,9	0,8
Древесина и изделия из дерева	2,0	2,2	1,7	2,3
Целлюлозно-бумажное производство, издательская деятельность	2,0	2,2	2,1	1,7
Кокс, продукты нефтепереработки	17,1	21,7	19,6	18,7
Химические продукты	11,0	10,0	10,0	13,1
Резиновые и пластмассовые изделия	2,6	2,8	4,0	3,6
Прочие неметаллические минеральные продукты	4,0	4,5	5,8	5,0
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	5,6	6,8	7,8	6,9
Машины и оборудование	10,4	10,7	10,2	7,4
Электрические и точные приборы	4,0	4,3	4,3	3,9
Транспортные средства и оборудование	5,3	6,7	5,0	3,4
Прочие отрасли обрабатывающей промышленности	3,0	2,4	2,5	2,7

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Трансформация собственности

В 1990-х годах Беларусь, как и другие страны с переходной экономикой, раздумывала над вопросом реструктуризации и приватизации государственных предприятий. В 1991-1999 годах 3 190 госпредприятия подверглись реструктуризации, при этом 1 212 предприятий были преобразованы в акционерные общества, 561 предприятие продано арендаторам, а 1 415 предприятий проданы непосредственно инвесторам через аукционы или конкурсные торги³⁹. Однако до сих пор не ясно, сколько из этих корпоративизированных предприятий были приватизированы по-настоящему: во многих случаях государство владело до 100% акций и

³⁹ Ракова (2001).

владеет ими до сих пор. В Беларуси также была проведена массовая приватизация посредством ваучеров, которые можно было обменять на акции и доли в корпоратизированных компаниях. Из 3 190 реструктурированных в 1990-х годах предприятий, 1 649 были включены в программу массовой приватизации с использованием ваучеров. Однако из-за очень низких темпов приватизации, значительная часть этих ваучеров так и не была никогда использована. Ваучеры всегда торговались ниже своей номинальной стоимости, поскольку спрос на них был низким, а возможностей обменять их на акции было очень мало.

Процесс трансформации собственности заметно замедлился и изменил направление после прихода к власти президента Лукашенко в 1994 году. В 1997 году Указом Президента № 591 был введен механизм "золотой акции". Этот механизм позволял правительству, на национальном либо региональном уровне, участвовать в процессе принятия решений любого предприятия с государственной долей, сколь бы незначительной она ни была. Наряду с практикой всегда в ходе приватизации оставлять часть акций в руках государства, механизм "золотой акции" де-факто позволял правительству вмешиваться в деятельность любого приватизированного объекта. Механизм "золотой акции" был отменен только в 2008 году.

В 2000-х годах процесс приватизации был фактически приостановлен. Продолжился процесс корпоратизации ряда госпредприятий, однако в большинстве случаев государство по-прежнему владело 100% акций. Такие крупнейшие госпредприятия как "МАЗ", "Беларуськалий", "БелАЗ" и "Интеграл" были превращены в акционерные общества, но остались под полным государственным контролем.

Государственный комитет по имуществу регулярно публикует список акционерных обществ, которые он планирует приватизировать, но эти планы никогда не были полностью реализованы. Например, в 2008-2010 годах согласно первоначальным планам должны были быть проданы акции 155 госпредприятий, но в конце концов было частично приватизировано лишь 16 предприятий.⁴⁰ Также правительство предприняло несколько попыток продать 51% акций МТС, одного из трех крупнейших операторов мобильной связи в Беларуси. При первом объявлении в 2011 году Государственный комитет по имуществу установил стартовую цену в 1 млрд долларов США. Основной потенциальный покупатель, МТС Россия, которому уже принадлежали остальные 49% акций, оспорил эту цену, поскольку посчитал ее чрезмерно завышенной (вдвое больше суммы, которую он был готов заплатить), и отказался от участия в торгах. В итоге так и не нашлось ни одного покупателя, даже когда в 2014 году цена была снижена до 863 млн долларов США. В начале 2016 года Министерство связи и информатизации объявило, что не существует никаких дальнейших планов по продаже государственной доли МТС.

Существует много причин повторяющихся неудач в проведении приватизации в Беларуси. Во-первых, как показано выше, государство часто устанавливает слишком высокие стартовые цены. Конфликты часто возникают из-за того, что власти обычно основывают цену продавца на балансовой стоимости, в то время как потенциальные инвесторы в основном заинтересованы в стоимости предприятия как функционирующей хозяйственной единицы, которая обычно значительно ниже. Кроме того, правительство часто создает дополнительные постприватизационные требования и условия, в основном касающиеся сохранения уровня

⁴⁰ Скриба (2011).

занятости и производства, что снижало привлекательность предложений для инвесторов. В случае МТС, например, требованием было не уменьшать зону покрытия сотовой сети. И последнее, но не менее важное: возможно, потенциальные инвесторы считают, что в Беларуси высоки политические риски, поскольку было несколько случаев повторной национализации.

В связи с вышеизложенным, приватизационные возможности в Беларуси вызвали интерес в основном со стороны российских государственных корпораций. Они сумели договориться о цене в ходе переговоров "за закрытыми дверями", непрозрачных и зачастую политически мотивированных. Такие российские инвесторы также де-факто обладают достаточной политической властью, чтобы самостоятельно обеспечить свои имущественные права после приватизации. Таким образом, крупнейшей за последнее время приватизационной сделкой стала продажа "Газпромому" белорусского газотранспортного предприятия "Белтрансгаз" в 2012 году, после масштабного валютного кризиса в Беларуси.

В стремлении сделать процесс приватизации более прозрачным и понятным для международных инвесторов, Министерство экономики при поддержке Всемирного банка в 2010 году создало Национальное агентство инвестиций и приватизации (НАИП). Благодаря финансовой поддержке со стороны Всемирного банка, НАИП смогло нанять квалифицированных экспертов и опереться на международный опыт для привлечения инвесторов. НАИП отобрало восемь средних госпредприятий для пилотного приватизационного проекта. Агентству также удалось найти потенциальных инвесторов для всех восьми предприятий, и эти инвесторы были готовы удовлетворить все требования. Однако ни одна из сделок до сих пор не была завершена по ряду причин и из-за отсутствия политической воли.

2000-е годы также были отмечены несколькими громкими случаями национализации. В некоторых случаях государство вмешивалось, когда приватизированные предприятия попадали в тяжелые условия; так, взрыв на заводе "Пинскдрев" привел к его повторной национализации по принципу "золотой акции". Правительство также использовало сложное финансовое положение ряда компаний в качестве предлога для выкупа акций в обмен на долги. Так произошло, например, с деревообрабатывающей компанией "Барановичидрев". В таких случаях зачастую было неясно, принимали ли предыдущие владельцы решение передать свою собственность обратно государству добровольно или под административным давлением. В 2013 году власти заявили, что владелец кондитерских фабрик "Коммунарка" и "Спартак" занимался выкачиванием прибыли через подставные фирмы, выступающие в качестве поставщиков и дилеров. В результате компании были национализированы в соответствии с Указом Президента, а не решением суда по просьбе правления. Самым последним случаем стала национализация в 2015 году компании "Мотовело", занимающейся производством велосипедов и мотоциклов. Государство пришло к выводу, что инвестор не выполнил условия приватизационной сделки, сокращая производство велосипедов и мотоциклов и участвуя в других видах экономической деятельности, тем самым ослабляя бренд. Эти случаи свидетельствуют о слабости верховенства закона в Беларуси и сильных дискреционных полномочиях властей: даже после приватизации предприятий государство по-прежнему рассматривает их в качестве национальной собственности и считает себя вправе отменить сделку, если не удовлетворено складывающаяся на них ситуация.

Текущая структура собственности

С учетом застопорившихся реформ переходного периода, государственный сектор по-прежнему доминирует в экономике Беларуси как с точки зрения собственности, так и занятости. Это доминирование обширно и присутствует в большинстве отраслей, от очень крупных до микро госпредприятий. По данным официальной статистики в первом квартале 2016 года насчитывалось 3 662 государственные организации⁴¹; в это число входят как предприятия, принадлежащие исключительно государству, так и организации со смешанной формой собственности.

Диаграмма 2.1 / Производство валовой добавленной стоимости в Беларуси по формам собственности, 2009-2014 годы, %

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Государственные предприятия бывают разных форм собственности: прямая государственная/муниципальная собственность или акционерные общества, в которых государство владеет определенными долями (часто контрольным пакетом и даже 100% акций). Такое разнообразие форм затрудняет оценку точного размера государственного сектора. Имеется много случаев смешанной собственности, когда частные компании владеют долями в контролируемых государством холдингах (например, "Милавица", крупнейший на постсоветском пространстве производитель нижнего белья, входит в концерн "Беллепром"). Смешанная форма собственности часто ограничивает возможности частных совладельцев в принятии ими самостоятельных решений и фактически делает их частью государственного сектора. Согласно официальной оценке, в 2014 году доля контролируемой государством экономики в добавленной стоимости составляла 49,9%, из которых 27,2% и 22,7% являлись, соответственно, чистой государственной собственностью и смешанной собственностью с долей государства (Диаграмма 2.1).

Существуют также альтернативные оценки размера и значимости государственного сектора в экономике Беларуси, которые сделаны с использованием различных методологий и определений. Например, было подсчитано, что в компаниях частного сектора без какой-либо государственной собственности в 2013 году было занято 31% активной рабочей силы. Однако, если считать, что в

⁴¹ Белстат 2016а).

частный сектор не включены частные фирмы, которые входят в холдинговые компании, подотчетные государственным органам (таким как концерны или холдинги), то доля частного сектора в занятости составляет всего лишь 18%.⁴²

В любом случае, несмотря на различия в оценках, все говорит о том, что доля государственного сектора с течением времени медленно уменьшается. Так, хотя в 2009 году вклад государственных предприятий и предприятий с государственным участием в валовую добавленную стоимость составлял 58,6%, к 2014 году эта доля уменьшилась до 49,9%. Предприятия, находящиеся в государственной собственности, имеют наибольшую долю в обрабатывающей промышленности, производя 80% от объема валовой продукции. Поэтому на частный сектор Беларуси по-прежнему приходится относительно небольшая доля белорусской промышленности: в 2014 году 59% от общего объема промышленного производства было произведено корпоратизированными госпредприятиями, 13% - реструктурированными предприятиями, 3% - иностранными фирмами, в то время как вклад новых частных фирм составил 25% от общего объема промышленного производства.⁴³

Ограниченные масштабы усилий по приватизации в Беларуси (см. следующий раздел) способствовали созданию весьма специфического частного сектора, не такого как в России и Украине. В результате того, что не была проведена приватизация крупных госпредприятий, почти нет олигархов или финансово-промышленных групп. Однако было бы неправильным утверждать, что частный бизнес в Беларуси существует совершенно отдельно или независимо от государства или политики. Список крупнейших компаний в Беларуси в настоящее время (см. Таблицу 2 Приложения) свидетельствует о том, что большинство представленных там частных компаний (за исключением "Евроторг") представляет собой удачный симбиоз с государственным сектором. Например, в нем есть несколько компаний, которые занимаются торговлей нефтью, топливом и табачными изделиями – зарегулированными отраслями, и также выступают в качестве дилеров для произведенного государством топлива, продуктов нефтепереработки и табачных изделий.

Что касается сельского хозяйства и организации фермерской деятельности, аналогично ситуации в промышленности, в Беларуси все еще существуют основные экономические структуры, унаследованные с советских времен – коллективные хозяйства (колхозы). Де-факто они функционируют в качестве государственных предприятий, нанимающих работников из близлежащих районов. Сельское хозяйство и фермерство традиционно пользуются пристальным вниманием и поддержкой на уровне политики, и за эти годы власти запустили несколько государственных программ развития села и сельского хозяйства. Эти программы включают в себя щедрую государственную поддержку сельского хозяйства как в плане прямых бюджетных дотаций, так и в плане доступа к льготному "целевому" кредитованию. Параллельно также существует крошечный новый частный фермерский сектор, но его вклад в объем производства незначителен. В 2014 году на частные фермерские хозяйства приходилось лишь 1,7% от общего объема сельскохозяйственного производства, в то время как на колхозы – 76,2%. На натуральное хозяйство приходилось 22,1% от объема сельскохозяйственного производства.⁴⁴

⁴² Акулава (Akulava) (2015).

⁴³ Белстат (2015).

⁴⁴ Там же.

На другом конце спектра реструктуризации предприятий – секторы розничной торговли и "прочих коммерческих услуг". Хотя приватизация в данных секторах тоже практически не проводилась, частный сектор сегодня доминирует в большинстве коммерческих услуг, как за счет органического роста новых частных фирм, так и за счет выхода на белорусский рынок иностранных фирм. Так, в 2014 году 59% всех точек розничной торговли в Беларуси принадлежало новым частным фирмам; 24% этих торговых точек принадлежало иностранным компаниям и 17% – госпредприятиям.⁴⁵ Аналогичная картина была и в отношении соответствующих объемов розничных продаж. Кроме того, крупнейшим белорусским работодателем в настоящее время является частная компания розничной торговли "Евроторг".⁴⁶

Отраслевую историю успеха тоже стоит упомянуть – это сектор ИТ, где Беларусь смогла извлечь выгоду из квалифицированного человеческого капитала и высокого качества математического и инженерного образования, доставшихся в наследство от Советского Союза. В 2006 году правительством был создан Парк высоких технологий, особая экономическая зона с налоговыми льготами для компаний сектора ИТ (см. Главу 3). Деятельность Парка высоких технологий была весьма успешной и сегодня он насчитывает 152 компании-резидента, в которых занято около 24 000 человек. Большинство этих компаний начинало в качестве внешних подрядчиков, но в последнее время многие из них стали заниматься разработкой своих собственных продуктов. В Парке высоких технологий размещаются такие бренды, как World of Tanks, Viber и MSQRD. EPAM, единственная белорусская компания, которая стала публичной на Нью-Йоркской фондовой бирже, также является резидентом Парка высоких технологий.

Наиболее динамичными драйверами структурных изменений в белорусской экономике были вновь возникающие частные фирмы.⁴⁷ Это официально восхвалялось властями, но в то же время новые частные фирмы – в отличие от традиционных госпредприятий – никогда не пользовались значимой поддержкой на уровне политики. Белорусский частный сектор зародился в суровых условиях и был объектом неравного обращения со стороны государства.

Условия ведения бизнеса

По сути, деловой климат в 1990-х и в начале 2000-х годов был довольно враждебным к появлению нового частного сектора. В официальной речи на самом высоком уровне предпринимателей называли спекулянтами, мошенниками и грабителями. Поскольку было очень трудно и даже опасно вступать в конкуренцию с компаниями государственного сектора, вновь созданные частные предприятия ориентировались в основном на экспортные рынки или работали во внутренних секторах экономики с низким уровнем присутствия государства, таких как услуги.

Ряд технологических новых частных компаний, созданных в 1990-е годы, использовал технологическое и научное наследство, оставшееся со времен Советского Союза. Изобретения,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Рудый (2016).

⁴⁷ Это полностью согласуется с общим выводом о том, что во всех странах с переходной экономикой, независимо от скорости и степени приватизации, большой и быстрый вклад в экономический рост внес новый частный сектор. См. Хэар (Hare) и Терли (Turley) (2013).

сделанные советскими учеными, помогли некоторым из этих компаний стать мировыми лидерами в некоторых высокотехнологичных нишевых видах бизнеса. К таким примерам, в частности, относятся "Полимастер" – компания, специализирующаяся на решениях в области радиационного контроля, "Адани" – производитель высокотехнологичного медицинского оборудования, и "Регула" – производитель оборудования для оперативной проверки подлинности документов, которое установлено в таможнях всего мира. Эти компании некоторое время предпочитали оставаться как можно более незаметным, не привлекая большого внимания со стороны общественности. Поэтому их часто называют скрытыми чемпионами⁴⁸.

Поскольку деловой климат во второй половине 2000-х и в 2010-е годы улучшился, частный сектор в целом активизировался, в основном, за счет создания новых микро- и малых предприятий. Так, в период с 2003 по 2013 годы количество микро- и малых предприятий выросло в четыре раза, с 2,5 до 9,7 предприятий в расчете на 1000 человек.⁴⁹ Если большинство частных предприятий первой волны в Беларуси было ориентировано на экспортные рынки или создавало новые внутренние рынки, то многие из недавно созданных новых частных предприятий ориентируются на внутренние рынки, развивая такие услуги, как розничная торговля, туристические и коммерческие услуги и т.д.

Но со временем ситуация начала меняться, и правительство объявило улучшение условий ведения бизнеса целью политики. Одна из принятых президентом директив⁵⁰ была направлена на дальнейшую либерализацию экономики и устранение барьеров для развития бизнеса.

Изменение отношения на уровне политики способствовало заметному улучшению делового климата. Как отмечалось в Главе 1, Беларусь поднялась в общем рейтинге "Легкость ведения бизнеса" со 106-й позиции в 2005 году до 44-й позиции в 2016 году, обогнав Россию, но все еще отставая от другого коллеги по Таможенному союзу – Казахстана (см. Таблицу 1.2 в Главе 1). По некоторым показателям рейтинга "Легкость ведения бизнеса" Беларусь демонстрирует удивительно хорошие результаты. Например, Беларусь занимает 7-е место в мире по показателю "Регистрация собственности" и 12-е по показателю "Регистрация бизнеса" (этот процесс в Беларуси занимает всего 3 дня и включает 2 процедуры). Наиболее проблемными областями являются "Получение кредита" (109-е место), "Подключение к системе электроснабжения" (89-е место) и "Разрешение неплатежеспособности" (69-е место). В то время как процесс обеспечения исполнения контрактов относительно дешев и быстр, индекс качества судебных процедур равен лишь 9 из 18⁵¹.

В 2005-2012 годах налоговая система претерпела коренную реорганизацию, стала легче, понятнее и проще. В частности, в 2009 году был введен фиксированный подоходный налог с физических лиц в размере 12%, который является самым низким в регионе (в 2015 году он был увеличен до 13%). Были отменены или объединены в единую государственную пошлину 26 налогов и пошлин. Ставка налога на доходы юридических лиц была снижена с 24% до 18%. До

⁴⁸ Данейко и Голенченко (2013).

⁴⁹ Акулава (Akulava) (2015).

⁵⁰ Директива № 4 от 31 декабря 2010 года "О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь" (http://president.gov.by/en/official_documents_en/view/directive-no-4-of-31-december-2010-1642/)

⁵¹ Всемирный банк (2016а).

этих реформ предприятия должны были платить большинство налогов ежемесячно, теперь же платежи осуществляются ежеквартально или даже раз в год. Также расширились возможности для осуществления электронных платежей, что облегчает процесс оплаты налогов. Эти налоговые реформы способствовали повышению рейтинга Беларуси в категории "Налогообложение" со 183-го места в 2010 году до 63-го места в 2016 году.

Однако при этом размер взносов на социальное обеспечение считается довольно высоким: в настоящее время работодатели платят налог на фонд заработной платы по ставке 34%, в то время как работники платят 1%. Высокий уровень отчислений на социальное обеспечение часто приводится в качестве основной причины уклонения от уплаты налогов, которое зачастую принимает форму нелегальной заработной платы.⁵² Сбор налогов сам по себе является громоздкой административной процедурой, которая занимает много времени, и это главным образом из-за чрезмерно сложных правил.

Белорусское налоговое законодательство предусматривает возможности для выборочного льготного налогового режима, в частности, в особых экономических зонах. Парк высоких технологий является одной из таких зон, на территории которой предприятия освобождены от налога на доходы юридических лиц, налога на имущество и, что особенно важно для трудоемкой отрасли, платят социальные взносы по пониженной ставке. Средние и малые города в сельской местности также пользуются льготным налоговым режимом с 2012 года: вновь создаваемые там предприятия освобождаются от подоходного налога и налога на имущество сроком на 10 лет, а также пользуются льготами по НДС. Каждый из шести административных регионов в Беларуси имеет свободную экономическую зону. Предприятия, расположенные в этих зонах, освобождены на 5 лет от налога на прибыль, платят пониженный НДС и не платят налоги на имущество. Для микро-предприятий и индивидуальных предпринимателей существуют упрощенные схемы налогообложения, позволяющие платить единый налог на продажи.

В то же время, предприятия и предприниматели в Беларуси страдают от чрезмерной зарегулированности и некоторых обременительных административных процедур. Существует множество регулирующих и контролирующих органов, иногда дублирующих сферы деятельности друг друга. Подсчитано, что более 90% проверок заканчиваются взиманием определенных сборов или штрафов.⁵³ Законы часто меняются; кроме того, законы чрезмерно суровы в отношении некоторых экономических правонарушений и зачастую предусматривают за них уголовную ответственность. Все это является недостатком правовой среды для бизнеса.

Еще одна проблема заключается в том, что на практике обеспечение соблюдения нормативных требований и контроль не являются беспристрастными. Органы государственного управления, как на местном, так и на национальном уровне, де-факто более склонны оказывать поддержку государственным, а не частным предприятиям, и, как правило, содействуют государственному сектору экономики за счет частных предприятий. В добавок к этому существует практика целевого кредитования, которое обычно доступно только госпредприятиям, в то время как остальная часть предпринимательского сектора платит чрезмерно высокие рыночные процентные ставки.

⁵² Церлюкевич и соавт. (2014).

⁵³ Назарова (2012).

В 2015 году белорусские МСП указывали макроэкономическую нестабильность, инфляцию и валютные риски в качестве основных препятствий для развития бизнеса.⁵⁴ Они также указывали бюрократию и административные процедуры, размер штрафов, количество проверок, лицензирование и сертификацию в качестве важных препятствий. Таким образом, в то время как деловой климат (и, в частности, система налогообложения) в Беларуси за последние десять лет значительно улучшился, еще многое предстоит сделать в плане обеспечения макроэкономической стабилизации, оптимизации административного регулирования и беспристрастного отношения к бизнесу.

Структура собственности и проблемы управления

Белорусские власти не спешили полностью подвергнуть государственный сектор, включая корпоратизированные госпредприятия, давлению рынка, поскольку эти фирмы также служили в качестве инструментов реализации некоторых государственных программ. На протяжении многих лет использовались различные формы государственной поддержки, как прямой, так и косвенной, с целью защиты госпредприятий от рыночного давления, банкротства и массовых увольнений. Хотя степень государственной поддержки уменьшалась, особенно в последние годы, это помогает объяснить, почему и как в структуре промышленности Беларуси не происходило никаких драматических изменений.

Экономические исследования показывают, что государственные компании менее эффективны, чем компании частного сектора: у них более низкая производительность труда, совокупная производительность факторов производства и рост производительности труда.⁵⁵ В 1990-е годы и в начале 2000-х годов государственный сектор экономики, и особенно обрабатывающая промышленность, извлекал огромную выгоду для себя из льготного доступа на российский рынок, но из-за низкого роста производительности труда он стал к концу 2000-х годов терять конкурентоспособность. В настоящее время многие государственные производственные предприятия испытывают высокую конкуренцию со стороны российских и китайских производителей на российском рынке.⁵⁶ Увеличивающийся разрыв в уровне производительности между государственным и частным секторами сдерживает общий экономический рост в стране.

Существует несколько источников неэффективности государственного сектора. Как уже обсуждалось в Главе 1, несмотря на корпоратизацию многих госпредприятий, де-факто большинство из них до сих пор напрямую управляется правительством и лишено самостоятельности в принятии решений. Кроме того, целевые показатели, установленные правительством, способствовали образованию рыночных диспропорций и снижению эффективности. Так что даже в периоды экономического роста, рост этот был экстенсивным, без повышения производительности труда. Еще одной проблемой является мотивация руководства, которая основывается в основном на "кнуте", а не "прянике". Так, размеры зарплат у руководства госпредприятий ниже, чем у их коллег из частного сектора. Также нет ключевых показателей эффективности, на основе которых руководителям присуждаются премии за хорошую работу возглавляемых ими предприятий. С другой стороны, руководители являются объектом

⁵⁴ Все данные по результатам обследования, приведенные в настоящем абзаце, получены от ИПМ (2015).

⁵⁵ Акулава (Akulava) (2015); Цуарежма (Cuaresma) и соавт. (2012).

⁵⁶ Фаваро и соавт. (2012).

многочисленных нормативных требований и мер контроля, а нередко и объектом судебного преследования по обвинению в коррупции и злоупотреблении властью. Эти условия также подавляют стремление к инновациям, что часто приводит к неудачам и высоким личным рискам для руководства.

Придерживание рабочей силы является еще одним атрибутом низкой производительности госпредприятий. Сохранение или повышение уровня занятости, как правило, является одним из целевых показателей эффективности предприятий, и это само по себе является препятствием для их реструктуризации. С другой стороны, некоторые исследования показывают, что рынок труда сам по себе достаточно гибок в Беларуси и эффективно перераспределяет рабочую силу из неэффективного государственного сектора в формирующийся частный сектор с высокой производительностью труда.⁵⁷

Целевое кредитование также способствует неэффективной корпоративной деятельности. Доступ госпредприятий к льготным кредитам привел к перенакоплению ими своего физического капитала. Кроме того, зачастую эта форма финансовой поддержки со стороны государства предлагается с целью помочь убыточным компаниям, что создает неправильные стимулы. Целевое кредитование также ведет к нерациональному распределению капитала внутри страны: вместо более эффективного частного сектора, потоки капитала направлены в неэффективный государственный сектор, приумножая негативные эффекты производительности.

С другой стороны, являясь представителем государства как собственника, правительство находится под постоянным политическим давлением осуществлять прямую финансовую поддержку некоторых государственных компаний. Поддержка национальной экономики оценивается на уровне порядка 15,5% от бюджетных расходов в 2015 году и почти половина этого идет на поддержку неэффективного сельскохозяйственного сектора.⁵⁸ Большинство этих средств покрывает субсидии на оплату процентных ставок, связанные с целевым кредитованием. Такое политическое давление, вероятно, будет иметь место до тех пор, пока значительная часть экономики будет находиться в руках государства.

Таким образом, продолжающийся до настоящего времени со стороны власти прямой контроль значительной части экономики оказывает негативное влияние на экономическое управление. Вместо того чтобы сосредоточить усилия на создании благоприятных условий для развития экономики, власти сосредоточили свое внимание на решении мелочных вопросов управления государственной частью экономики. Конфликт интересов между функциями собственности, контроля и управления зачастую приводит к снижению эффективности управления, а иногда и к политическому параличу.

Антимонопольное регулирование в течение долгого времени являло собой пример конфликта между функциями собственности и контроля. Поскольку многие государственные предприятия являются монополиями и дальнейшая концентрация осуществляется путем создания холдинговых компаний, для правительства было мало стимулов для введения жесткого антимонопольного регулирования. Антимонопольная политика являлась одной из функций

⁵⁷ Крук и Борнукова (2014). Более подробное обсуждение рынка труда см. ниже.

⁵⁸ Министерство финансов (2016).

Министерства экономики, которое также управляет частью государственной экономики. Незначительные изменения к лучшему произошли в 2016 году, когда функции антимонопольного регулирования были переданы Министерству торговли. Однако, есть опасения, что Министерство торговли будет использовать новую функцию в основном для установления контроля за ценами, как оно зачастую делало в прошлом в розничной торговле.

Согласно Общемировым показателям государственного управления (Worldwide Governance Indicators, шкала от 0 до 100, более высокие показатели означают лучшее государственное управление), Беларусь имеет рейтинг 35,1 в эффективности государственного управления, 22,6 в верховенстве права и всего лишь 13,9 в качестве нормативно-правовой базы.⁵⁹ Самого высокого показателя Беларусь достигла в борьбе с коррупцией (47,6); это также единственный показатель, по которому Беларусь обошла Россию.

Несмотря на то, что в рейтинге "Transparency International" Беларусь занимает 107 место из 168,⁶⁰ коррупция "лицом к лицу" (hand-to-hand), распространенная в России и Украине, практически отсутствует в Беларуси. Обследования малых и средних предприятий в Беларуси показывают, что хотя 14,7% МСП считают коррупцию распространенным явлением, она не относится к числу барьеров для ведения бизнеса, находясь в этом списке далеко позади инфляции, нормативных требований, налогов и доступа к кредитам.⁶¹

Таким образом, экономические институты и государственное управление в Беларуси нуждаются в реформировании. Обеспечение верховенства права, наличие справедливых судов, обеспечивающих исполнение контрактов и соблюдение имущественных прав являются необходимыми предпосылками для экономического роста в ближайшие годы. Как уже обсуждалось выше, институциональная реформа и реформа системы государственного управления будут более эффективными, если они станут неотъемлемой частью более широкой политики реформирования структуры экономики.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР

Энергетический сектор имеет чрезвычайно важное значение для белорусской экономики. Энергетические субсидии от России играли ключевую роль в формировании экономических показателей Беларуси в 2000-е годы. Однако доступ к дешевой нефти и газу из России является одновременно и благословением и проклятием. С одной стороны, он дает белорусским компаниям конкурентное преимущество и поддерживает нефтеперерабатывающую и химическую отрасли страны. С другой стороны, дешевая энергия является камнем преткновения на нелегком пути к энергоэффективности и энергетической безопасности.

Общее предложение первичной энергии⁶² в Беларуси составляет 27,28 мтнэ⁶³ по состоянию на 2013 год. Большая часть этой энергии производится из природного газа (64%) и нефти (27,2%),

⁵⁹ Всемирный банк (2015а).

⁶⁰ Transparency International (2015).

⁶¹ Институт приватизации и менеджмента (2015).

⁶² Собственное производство плюс импорт минус экспорт энергоносителей.

⁶³ Миллионов тонн нефтяного эквивалента.

остальное – из биотоплива, угля и других видов топлива.⁶⁴ Природный газ в основном используется для производства тепла и электроэнергии. В Беларуси более 80% станций централизованного теплоснабжения используют природный газ, и почти 95% электроэнергии вырабатывается с использованием природного газа в качестве первичного топлива.⁶⁵ Население потребляет около 16,8% электрической энергии и 33,3% тепловой энергии. Что касается предприятий, то здесь крупнейшими потребителями являются предприятия по производству химической продукции, металлургические комбинаты и нефтеперерабатывающие заводы.

Роль импорта энергоносителей из России

Беларусь импортирует большинство видов топлива, в то время как собственное производство покрывает лишь около 15% от потребностей.⁶⁶ Россия является основным источником импорта ископаемых видов топлива, обеспечивая практически все поставки природного газа в Беларусь и более 90% импорта нефти (Таблица 2.3). Следует отметить, что, хотя природный газ в основном используется для производства энергии (и лишь частично для производства химической продукции), значительная доля импортируемой нефти перерабатывается на предприятиях нефтеперерабатывающей и химической промышленности, а значительная доля конечной продукции затем экспортируется, главным образом в страны ЕС, Украину и Россию.

Таблица 2.3 / Зависимость Беларуси от импорта ископаемого топлива из России, 2005-2014 годы

Импорт ископаемых видов топлива			
Нефть			
год	Всего	Из России	
	млн	млн	доля импорта из России, %
2005	4 395,5	4 372,0	99,5
2010	7 695,5	6 171,4	80,2
2011	12 871,0	10 826,5	84,1
2012	13 710,3	13 299,6	97,0
2013	8 562,2	8 475,4	99,0
2014	7 942,3	7 861,7	99,0
Природный газ			
год	Всего	Из России	
	млн	млн	доля импорта из России, %
2005	997,9	997,7	100,0
2010	4 188,0	4 186,7	100,0
2011	5 434,4	5 433,8	100,0
2012	3 564,4	3 563,9	100,0
2013	3 512,2	3 511,7	100,0
2014	3 594,6	3 594,3	100,0

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Россия предлагает значительные скидки на энергоносители для Беларуси. Согласованные субсидированные цены на нефть, как правило, не оглашаются (хотя их можно высчитать позже из

⁶⁴ Международное энергетическое агентство (2015).

⁶⁵ Сальников (2011).

⁶⁶ Сальников (2011).

статистики внешней торговли). Цена природного газа для Беларуси в 2010 году составляла 188 долларов США за тысячу кубометров, а в 2015 году она снизилась до 142 долларов США.

Общая сумма неявных российских энергетических субсидий значительна, однако официальной статистики по их объему нет. Согласно различным последним оценкам, сумма субсидий варьировалась в диапазоне от 4% ВВП в 2010 году (год вступления в Таможенный союз с Россией и Казахстаном) до максимума 12% ВВП в 2012 году. С падением мировых цен на энергоносители, относительная сумма российских энергетических субсидий также снизилась примерно до 7% ВВП в 2015 году.⁶⁷ Однако, эти оценки, вероятно, также искажены и завышены, поскольку уровень потребления энергии и нефти в Беларуси по рыночным ценам был бы ниже.

Энергия зачастую являлась спорным вопросом в отношениях между Беларусью и Россией и даже приводила к "газовым войнам" между этими двумя странами из-за различий в толковании условий соглашений на поставку газа; в 2004 году Россия даже приостановила поставку природного газа на один день. Важная газотранспортная система Беларуси (которая также используется для транзита газа в Европу) также была разменной монетой в энергетических спорах, но в итоге она была приватизирована российским "Газпромом", который получил полный контроль над ней в 2012 году. В качестве компенсации, Россия обеспечила для Беларуси поддержку ее платежного баланса со стороны Евразийского банка развития, которая была сведена на нет валютным кризисом.

На самом деле, Беларусь предпринимала попытки получить доступ к альтернативным поставщикам нефти. В начале 2010 года правительство Беларуси подписало соглашение с Венесуэлой, и первая поставка была осуществлена по железной дороге из морского порта Одессы. Идея заключалась в использовании реверса нефтепровода "Одесса-Броды" для доставки венесуэльской нефти в Беларусь. Но вмешалась Россия и по сути развалила эту сделку, предложив более выгодные условия поставок нефти в Беларусь.

Переработка нефти играет важную роль в экономике Беларуси. В стране имеются два больших нефтеперерабатывающих завода: ОАО "Нафтан" (в Новополоцке) и ОАО "Мозырский НПЗ" (в Мозыре), оба находятся в подчинении холдинговой компании "Белнефтехим". Государство контролирует 43% "Мозырского НПЗ" и владеет 99,8% акций "Нафтана". Эти предприятия производят более 30% от общего объема белорусского экспорта⁶⁸, а также являются очень важными налогоплательщиками (Таблица 2 Приложения). Оба нефтеперерабатывающих предприятия обязаны поставлять бензин на внутренний рынок по низким ценам, определяемым в административном порядке. Новополоцк является моногородом: на "Нафтани" занята значительная часть рабочей силы города. Таким образом, зависимость от поставок российской нефти ставит Беларусь в уязвимое положение не только в плане энергетической безопасности, но и в социальном плане.

Когда Беларусь покупает нефть для собственного потребления, она не должна платить России экспортные пошлины. Однако, если сырая нефть реэкспортируется или используется в качестве сырья для нефтеперерабатывающих заводов, а нефтепродукты затем идут на экспорт, то

⁶⁷ Чубрик (2015).

⁶⁸ Некоторые экспортные сделки по переработанным нефтепродуктам осуществляются посредниками.

Беларусь должна возместить экспортные пошлины на нефть российскому бюджету. Ввиду узкого определения нефтепродуктов, Беларусь в ряде случаев использовала различные схемы экспорта альтернативных продуктов, формально не подпадающих под соглашения, без уплаты экспортных пошлин. Например, в 2012 году в Беларуси резко возросли объемы экспорта растворителей и разбавителей.⁶⁹ В 2014 году белорусы использовали экспорт битума для того, чтобы не платить России экспортные пошлины.⁷⁰ Конечно же, такие схемы не остаются незамеченными, но, как оказалось, Россия впоследствии согласилась, чтобы Беларусь не возвращала экспортные пошлины в российский бюджет. В результате, начиная с 2015 года, Беларусь получает де-факто субсидию в размере порядка 1-2 миллиардов долларов США в виде невозмещенных экспортных пошлин на нефть.

Несмотря на то, что Беларусь получает нефть и природный газ по низким ценам, это не обязательно означает низкие цены на энергоносители для предприятий. Государство зачастую устанавливает низкие цены на энергоносители для населения и взимает разницу в цене с предпринимательского сектора. Например, в 2010 году, когда цена импорта природного газа составляла 188 долларов США, предприятиям он обходился в 240 долларов, а населению - всего лишь в 158 долларов.⁷¹ Такая практика перекрестного субсидирования приводит к повышению затрат на энергию для белорусских предприятий и снижает их конкурентоспособность на российском рынке.⁷² Повышение тарифов на отопление для населения должно решить эту проблему.

Ядерная энергия: является ли он выходом из энергетической зависимости?

Беларусь уже давно рассматривают идею строительства атомной электростанции в качестве пути снижения зависимости от импорта природного газа из России и решения проблем энергетической безопасности. Однако власти столкнулись с сопротивлением общественности, поскольку воспоминания о Чернобыльской трагедии все еще слишком сильны.⁷³

Несмотря на эти опасения общественности, в 2011 году Беларусь подписала соглашение с Россией о кредите в размере 10 миллиардов долларов США на строительство атомной электростанции в городе Островец. Кредит пойдет на финансирование 90% стоимости строительства, которое будет осуществляться в основном российскими субподрядчиками. АЭС будет состоять из двух энергетических блоков, каждый из которых будет производить 1200 МВт. Первый энергоблок должен быть запущен в 2018 году, второй - в 2020 году. После строительства и запуска электростанции, Беларусь в 2021 году начнет погашать кредит России. Кредит будет погашаться в течение 15 лет суммами почти в 1 миллиард долларов США в год, что ляжет тяжелым бременем на текущий счет Беларуси.

⁶⁹ Общий объем экспорта этих товаров в 2012 году составил 2,8 млрд долларов США, что на 77% больше, чем в 2011 году.

⁷⁰ Автушко-Сикорский (2014).

⁷¹ Там же.

⁷² Однако некоторые промышленные потребители по-прежнему пользуются скидками на энергоносители. См. Бальмаседа (Balmaceda) (2014).

⁷³ Новикау (2016).

Ожидается, что строительство Островецкой АЭС позволит обеспечить около 40% электроэнергии, потребляемой в Беларуси.⁷⁴ Если это произойдет, это позволит существенно снизить зависимость Беларуси от импорта природного газа, уменьшив его долю до 57% в общем объеме потребления энергии.⁷⁵ Существуют также планы экспортировать электроэнергию в Польшу и Литву. Но инфраструктуры, позволяющей экспортировать электроэнергию в Польшу, пока не существует, а Литва недавно объявила о своих планах отключиться от электрической энергосистемы бывшего СССР. Кроме того, Литва активно выступает против строительства АЭС, поскольку Островец находится вблизи литовской границы.

Противники строительства атомной станции утверждают, что, возможно, было бы дешевле просто покупать электроэнергию у других АЭС, также построенных в регионе (в Литве и в Калининградской области России). Действительно, согласно оценкам, запуск АЭС увеличит затраты на электроэнергию примерно на 16%.⁷⁶ Энергетическая зависимость от России также не снизится, так как Беларуси придется покупать у России топливо для ядерной энергетики. В то время как АЭС уменьшит текущие уровни выбросов, она создаст новые опасности для окружающей среды. Таким образом, строительство АЭС всего лишь изменит характер энергетической зависимости и экологических рисков.

Энергоэффективность

Что касается регулирования, то белорусское правительство ввело целый ряд политических инициатив, направленных на повышение энергоэффективности. Национальные программы энергосбережения утверждаются каждые пять лет, и на их реализацию направляются значительные средства. Объемы финансирования программ энергосбережения из года в год увеличиваются, с 1 200 млн долларов США в 2008 году до 1 784 млн долларов США в 2013 году.⁷⁷ Финансирование осуществляется в основном за счет собственных средств организаций и за счет средств кредитов, при этом за счет средств бюджета финансируется всего лишь 20% всех расходов. Также существует несколько проектов Всемирного банка, ПРООН и ЕС, направленных на повышение энергоэффективности. Основные направления повышения энергоэффективности в этих программах включают в себя:

- › повышение эффективности производства энергии;
- › снижение потерь при транспортировке энергии;
- › использование вторичных энергетических ресурсов;
- › повышение энергоэффективности производственных компаний, а также в распределении отопления, газа и воды населению;
- › расширение использования возобновляемых источников энергии.

⁷⁴ Падалко и Дмитриев (2013).

⁷⁵ Зорина и соавт. (2015).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Семашко (2014).

В результате этих усилий показатели энергоэффективности в Беларуси увеличились. Энергоемкость производства (измеряется как потребление энергии в тоннах нефтяного эквивалента на 1000 долларов США ВВП по ППС 2005 года) снизилась с 0,38 в 2000 году до 0,19 в 2013 году. В настоящее время показатель энергоемкости производства в Беларуси ниже, чем в России, Украине или Казахстане, но выше, чем в Литве или Польше.⁷⁸ Беларусь также занимается развитием использования возобновляемых источников энергии, но они в 2012 году составляли всего лишь 5% от общих объемов энергии (по сравнению с 12,4% в Германии или 34,7% в Финляндии). Большинство возобновляемых источников энергии было получено из древесины.

Однако, учитывая искусственно низкие цены на энергоносители в Беларуси, энергоэффективность может достичь лишь ограниченного эффекта. Путь к подлинной энергоэффективности должен лежать через всеобъемлющую реформу цен в энергетическом секторе в целом.

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР

Общая характеристика банковской системы

Банковский сектор в Беларуси имеет традиционную двухуровневую структуру. Национальный банк Республики Беларусь (НБРБ) выполняет функции центрального банка, который, в частности, разрабатывает процедуры лицензирования для остальных банков и осуществляет контроль за их деятельностью. Второй уровень составляют коммерческие банки. По состоянию на июнь 2016 года, в стране насчитывалось 26 лицензированных коммерческих банков, две небанковские финансовые организации и пять представительств иностранных коммерческих банков.

Таблица 2.4 / Разбивка активов коммерческих банков в Беларуси по формам собственности банков, %

Группы банков по формам собственности	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2014	01.01.2016
Государственные	78,0	71,2	63,8	65,7
Иностранные	20,5	27,9	35,2	32,3
Частные национальные	1,5	1,0	1,0	2,1
Всего	100	100	100	100

Источник: НБРБ.

Государство по-прежнему сохраняет доминирующее положение в коммерческой банковской системе Беларуси: на государственные банки приходится около 66% от общего объема активов банковской системы, 32% активов банковской системы принадлежат иностранным банкам, а на местные частные банки приходится оставшиеся 2% активов (Таблица 2.4). Структура собственности белорусских банков тесно связана с их размерами. Государственные банки

⁷⁸ Международное энергетическое агентство (2015).

являются в основном крупными банками, иностранные банки - в основном средними и мелкими⁷⁹, а частные белорусские банки - мелкими.

Банковская система чрезмерно зарегулирована и относительно стабильна. Требование к размеру уставного капитала - 450 млрд белорусских рублей (около 20,5 млн евро). До 2014 года требования к размеру уставного капитала были выражены в евро, что создавало проблемы для банков сразу же после эпизодов быстрой амортизации, особенно после валютного кризиса 2011 года.⁸⁰ Введение в 2008 году полной гарантии по вкладам населения способствовало повышению доверия к банковской системе и оказалось весьма своевременной мерой до кризисов 2009 и 2011 годов.⁸¹ За период независимости Беларуси 25 банков было ликвидировано, но большинство из них были мелкими и ни один из этих случаев не привел к общей банковской панике. Обследования предприятий также свидетельствуют о высоком уровне доверия к банковской системе: более 59% респондентов считают банки надежными.⁸²

С точки зрения финансового посредничества, банковский сектор играет доминирующую роль в финансовой системе Беларуси, поскольку рынок ценных бумаг практически не существует. Чрезмерная роль правительства является еще одной отличительной особенностью белорусского банковского сектора, поскольку государственный сектор имеет привилегированный доступ к финансированию. Механизм целевого кредитования напрямую поддерживает правительственные программы и выполняет некоторые другие "нерыночные" функции для правительства.

Государственный капитал доминирует в пяти банках (трех крупных банках, одном среднем и одном мелком). Среди них два крупнейших банка, Беларусбанк и Белагропромбанк, на долю которых приходится около 60-65% капитала и активов всей банковской системы. Они также были (по крайней мере до недавнего времени) главными агентами для реализации схем целевого кредитования, а также выполняют иные функции, необходимые правительству.⁸³ Беларусбанк отвечает в основном за обеспечение целевого кредитования по кредитам на производство и жилищное строительство в городских районах, в то время как Белагропромбанк занимается главным образом сельским хозяйством и жилищным строительством в сельских районах.

Еще один банк, Белинвестбанк, принадлежит государству, но власти ищут стратегического инвестора в этом банке на протяжении последнего десятилетия. Похожая ситуация складывается и в случае с Банком Москва-Минск. Он стал принадлежать НБРБ после того, как был спасен от банкротства, но власти ищут возможности продать его.

До середины 2000-х годов государственные банки почти полностью доминировали. Это затрудняло доступ к капиталу со стороны нового частного сектора, поскольку государственные банки в целом не проявляли желания участвовать в кредитовании частного сектора и заниматься

⁷⁹ Согласно классификации НБРБ, БПС-Сбербанк и Приорбанк часто классифицируются также как крупные банки. Однако они работают вблизи порога между крупными и средними. Кроме того, эти банки являются гораздо меньшими по размеру, чем Беларусбанк и Белагропромбанк. Поэтому эти банки могут рассматриваться как банки среднего размера.

⁸⁰ Де ла Рубиа (De la Rubia) и соавт. (2012).

⁸¹ Тоу (Towe) и Белка (Belka) (2009).

⁸² Лафюк и соавт. (2014).

⁸³ Банк развития Республики Беларусь должен постепенно взять на себя эти функции.

более сложными и трудоемкими процедурами кредитной проверки и контроля, необходимыми для этой цели (особенно что касается малого бизнеса). Они также принимали чрезмерно активное участие в кредитовании государственных предприятий, которые по сути вытесняли частный сектор. Большинство частных банков были относительно небольшими и вряд ли могли удовлетворить спрос частного сектора. Кроме того, частные банки предпочли сконцентрироваться на розничном сегменте банковского рынка, что, как ожидалось, должно было обеспечить высокую доходность.

Учитывая рост спроса на финансовое посредничество, начавшийся с середины 2000-х годов, на белорусском рынке стали более активно функционировать на белорусском рынке. Белорусские власти в целом приветствовали местную экспансию иностранных банков, в отличие от их позиции в отношении других секторов экономики. Например, хотя существует официально установленный верхний предел для доли иностранного капитала в банковской системе, этот рычаг регулирования никогда не вводился в действие в качестве барьера для выхода иностранных банков на белорусский рынок. Вместо этого, этот верхний предел был фактически повышен с 10% в начале 2000-х годов до 50% в настоящее время.⁸⁴

Российские банки были наиболее агрессивны в период экспансии иностранных банков в Беларуси. Это обуславливалось тесными связями между белорусской и российской экономикой, а также географическим соседством. Кроме того, в эпоху высоких цен на нефть российские банки углубили свою капитализацию и искали варианты экспансии на зарубежных рынках. Страны СНГ и, в частности, Беларусь были одними из самых легких мишеней для такой экспансии. В свою очередь, белорусские власти, несмотря на стремление диверсифицировать по происхождению банковский капитал, выходящий на белорусский рынок, имели ограниченные альтернативы российскому капиталу. Поэтому многие крупные российские банки стали активными игроками на белорусском рынке через свои дочерние компании. Иностранные банки с капиталом другого происхождения в основном мелкие (Приорбанк является важным исключением).

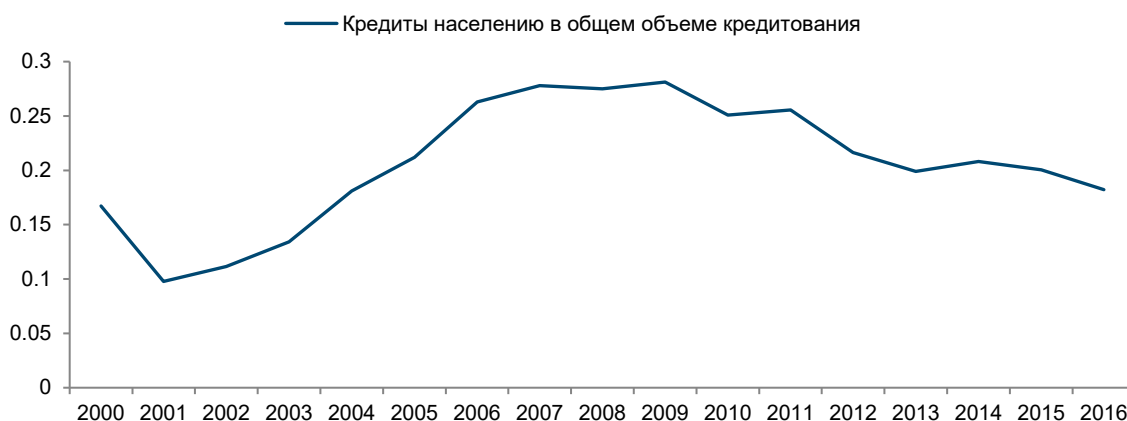
Структура собственности в банковском секторе Беларуси в значительной степени соответствует также стратегиям банков. Бизнес-модель государственных банков предполагает использование собственных средств в качестве дополнительного источника финансирования активных операций ввиду их относительно высокой капитализации. Это обуславливает повышенное (по сравнению с другими группами банков) внимание к кредитным рискам. Некоторые из этих банков также имеют большой объем целевого кредитования в своих портфелях активов. Что касается пассивов, то на государственные банки приходится относительно высокая доля депозитов в основном благодаря неофициальным указаниям государственным предприятиям держать свои счета в государственных банках. Успех же государственных банков в привлечении депозитов населения обусловлен главным образом крупнейшей региональной сетью их филиалов. Кроме того, раз эти банки обслуживают крупные государственные предприятия, они имеют привилегию обслуживать зарплатные карточные счета их сотрудников. Наконец, до 2008 года государственные банки имели преимущества в рамках правил страхования вкладов, которые по-прежнему могли влиять на предпочтения вкладчиков.

⁸⁴ Фактическая доля иностранных банков в общем капитале банковской системы в настоящее время составляет около 15%. См. НБРБ (2016а).

Иностранные банки можно разумно разделить на две подгруппы в зависимости от их размера. Те, которые покрупнее, обычно сосредоточены на отдельной отрасли или отдельных крупных фирмах, которые каким-то образом аффилированы с банком и, соответственно, представляют собой ядро бизнес-модели. Обслуживание секторов энергетики, строительства, нефтепереработки или розничной торговли является примером такой специализации отдельных иностранных банков. Что касается активов, то значительная часть портфеля этих банков обычно соответствует этой специализации; для остальной части портфеля эти банки предпочитают высокую степень диверсификации. Поэтому они, как правило, ориентированы на различные отрасли частного бизнеса, а некоторые из них также активно участвуют в предоставлении розничных банковских услуг. Что касается пассивов, то основным преимуществом этих банков является доступ к дешевым и значительным ресурсам в твердой валюте у их материнских банков. Благодаря этому преимуществу, иностранные банки пытаются расширить свою деятельность в целевых сегментах рынка. Привлечение крупных вкладов населения не обязательно является приоритетной задачей для некоторых из этих банков.

Более мелкие иностранные банки и небольшие частные белорусские банки обычно сосредоточены главным образом на розничном бизнесе. Соответственно, потребительские кредиты и вклады населения являются доминирующими статьями активов и пассивов их балансовых отчетов. Розничные банковские услуги (как на кредитном, так и депозитном рынке) являются, пожалуй, наиболее конкурентоспособным сегментом в банковском секторе Беларуси: количество банков, специализирующихся на розничных банковских услугах, высоко, и более крупные банки иногда оказывают дополнительное давление на рынок, используя свои преимущества, связанные с масштабом. Тенденция роста конкуренции в сфере розничных банковских услуг и повышение значимости этого рынка являются одними из самых важных особенностей развития банковского сектора в течение последнего десятилетия.

Диаграмма 2.2 / Развитие кредитования населения в Беларуси в 2000-2016 годах, %, на начало года

Источник: НБРБ.

До начала глобального финансового кризиса 2008-2009 годов, в Беларуси стремительно развивалось кредитование населения: доля потребительских кредитов в общем объеме банковских кредитов в экономике страны выросла с каких-то 9,8% в 2001 году до 28,1% в 2009

году (Диаграмма 2.2).⁸⁵ В кредитах населению всегда доминировали долгосрочные жилищные кредиты, которые субсидировались и поощрялись государством. Эти жилищные кредиты, в основном, являлись не ипотекой, а обеспеченными гарантией кредитами, поскольку ипотечное законодательство в Беларуси не позволяет истребовать имущество у должников-неплательщиков. Потребительские кредиты были номинированы как в национальной, так и иностранной валюте, хотя кредиты в национальной валюте преобладали – субсидированные жилищные кредиты могли выдаваться только в национальной валюте.

Объемы кредитов населению росли не только за счет субсидированного жилищного кредитования. В 2002-2009 годах вышло на рынок несколько новых частных банков (большинство из них с иностранным капиталом), и поскольку большинство действующих на тот момент государственных банков было главным образом сосредоточено только на субсидированном жилищном кредитовании, новые банки нацелили свою деятельность на пустую нишу рынка – розничное краткосрочное потребительское кредитование. К концу 2008 года почти половину кредитов населению составляли нежилищные потребительские кредиты; 60-80% новых автомобилей было куплено за счет кредитного финансирования⁸⁶.

После валютного кризиса 2009, когда белорусская валюта в одночасье потеряла 33% от своей стоимости, НБРБ временно запретил кредитование населения в иностранной валюте с целью защиты населения от валютного риска. Кроме того, в 2011 году запрет был продлен на неопределенный срок. Эта мера регулирования оказала существенное сдерживающее воздействие на кредитование населения, поскольку высокая инфляция (и инфляционные ожидания) подстегивала рост процентных ставок в национальной валюте и новые кредиты стали недоступными или непривлекательными для потребителей. В результате, кредитование населения снова было переориентировано в основном на долгосрочные кредиты.

Экономика восстановилась достаточно быстро после валютного кризиса 2011 года и, несмотря на непомерные процентные ставки, объемы потребительского кредитования немного увеличились в 2012-2013 годах (Диаграмма 2.2). Многие белорусские банки с российским капиталом, которые пользовались доступом к более дешевым ресурсам на российских финансовых рынках, начали развивать розничное потребительское кредитование в качестве средства капитализации этого доступа к ресурсам. Но Национальный банк увидел в этом определенные риски и осуществил несколько мер, направленных на "охлаждение" рынка розничного потребительского кредитования. Одной из основных ограничительных мер было требование представить справку о доходах вместе с любой заявкой на получение кредита. Падение реальных доходов в 2015 году привело к дальнейшему снижению объемов кредитования населения.

Устойчиво ли финансовое положение белорусских банков?

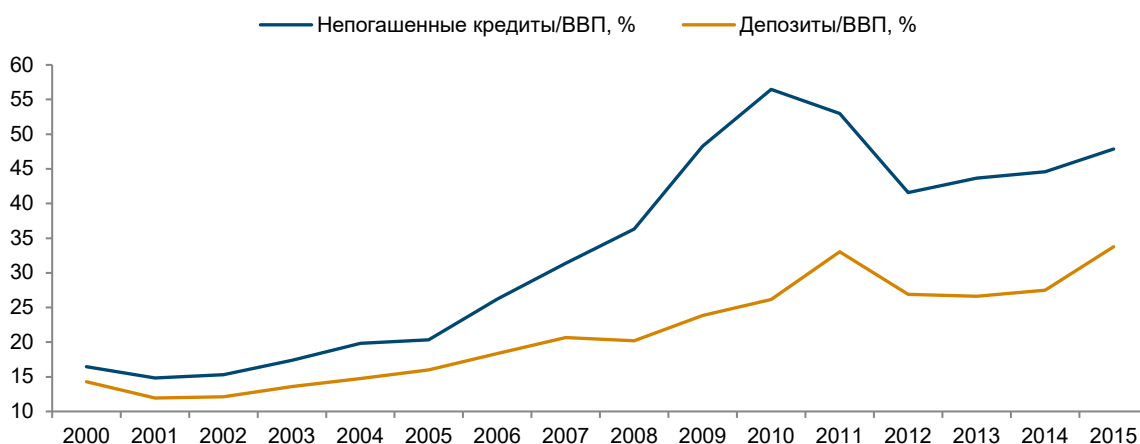
Характерной особенностью белорусской банковской системы в течение последнего десятилетия было то, что она предоставляла займы агрессивно, обезопасив себя от долгосрочного кредитного бума (Диаграмма 2.3). Кредитный бум начался в 2005 году и продолжался вплоть до валютного кризиса 2011 года. Легкий доступ к внешнему капиталу является основным объяснением этого

⁸⁵ НБРБ (2016b).

⁸⁶ Кисель (2010).

бума, поскольку темпы роста кредитов существенно опережали темпы роста депозитов (Диаграмма 2.3). Кроме того, активизация целевого кредитования и мягкой денежно-кредитной политики также внесла свой вклад в этот кредитный бум. Однако эти факторы были менее влиятельными, поскольку оказывали лишь временное влияние. Кроме того, без поддержки внешнего финансирования, индуцированный внутри страны кредитный бум долго не продолжился бы или привел бы к высокой инфляции/девальвации быстрее, чем это произошло на самом деле.

Диаграмма 2.3 / Общая сумма непогашенных кредитов и общая сумма вкладов в Беларуси, 2000-2015 годы, % ВВП

Источник: НБРБ.

Таблица 2.5 / Основные финансовые показатели белорусских коммерческих банков, %

	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2014	01.01.2016
Достаточность регулятивного капитала, %	21,8	24,7	15,5	18,7
Соотношение собственных и заемных средств (капитал/активы)	0,17	0,14	0,15	0,12
Доля непроизводительных активов в общем объеме активов, подверженных кредитному риску, %	1,7	4,2	4,45	6,8
Доходность активов (ROA), %	1,37	1,7	1,9	1,0
Доходность капитала (ROE), %	9,6	14,9	13,8	8,4
Доля ликвидных активов в общем объеме активов, %	23,2	34,7	27,2	32,1

Источник: НБРБ.

Основные финансовые показатели белорусских банков были, как правило, в безопасном диапазоне во время кредитного бума, но начали ухудшаться по мере его угасания (Таблица 2.5). Тенденция к снижению рентабельности, достаточности капитала и других показателей обусловлена главным образом увеличением доли проблемных кредитов в балансовых счетах банков. В значительной степени это является результатом быстрой кредитной экспансии в прошлом, которая привела к накоплению некачественных активов (Таблица 2.6). Снижение рентабельности также означает, что банки вряд ли могут исправить ситуацию путем

предоставления новых займов, поскольку в условиях экономического спада, как правило, идет планомерное сокращение количества заемщиков.

Таблица 2.6 / Характеристики качества активов белорусских коммерческих банков, 2012-2016 годы

	Доля непроизводительных активов в объеме прав требования в отношении юридических лиц, %			Доля непроизводительных активов в объеме прав требования в отношении физических лиц, %		
	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2016	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2016
Государственные	2,3	4,0	9,1	0,1	0,1	0,1
Иностранные	1,9	5,6	7,7	2,0	1,9	3,9
Частные национальные	5,1	11,0	11,7	2,7	2,5	6,0
Всего	2,2	4,6	16,9	0,6	0,5	1,0

Источник: НБРБ.

Кроме того, период бурного роста кредитования сопровождался высоким уровнем долларизации как активов, так и пассивов (Таблица 2.7). Также наблюдалось увеличение несоответствия требований и обязательств по срокам в балансовых отчетах банков параллельно с увеличением доли краткосрочных вкладов в пассивах и в сочетании с увеличением доли долгосрочных активов (в значительной степени обусловленным целевым кредитованием), что создавало проблемы с ликвидностью. Кроме того, некоторые нынешние проблемы являются следствием агрессивной политики в недавнем прошлом.

Таблица 2.7 / Валютные позиции по группам банков

	Доля валютных кредитов в общем объеме непогашенных кредитов, %			Доля валютных вкладов в общем объеме вкладов, %			Чистая валютная позиция, % от регулятивного капитала ^{*)}		
	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2016	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2016	01.01.2009	01.01.2012	01.01.2016
Государственные	23,8	29,2	48,7	28,0	51,4	62,3	6,5	2,3	4,0
Иностранные	65,7	65,0	76,9	58,8	70,1	79,4	14,6	20,2	5,0
Частные национальные	33,4	59,3	46,2	43,3	70,0	63,8	5,9	-4,6	6,6
Всего	31,9	39,9	57,8	33,0	57,6	67,7	8,6	9,4	4,5

*) Чистая валютная позиция иллюстрирует чувствительность банков к изменениям валютного курса. Она рассчитывается как сумма чистых позиций в каждой иностранной валюте. В свою очередь, эта сумма является разницей между соответствующими активами и пассивами. Чистая валютная позиция бывает длинной (со знаком плюс), когда активы в иностранной валюте превышают пассивы, и короткой (со знаком минус), когда активы меньше, чем пассивы.

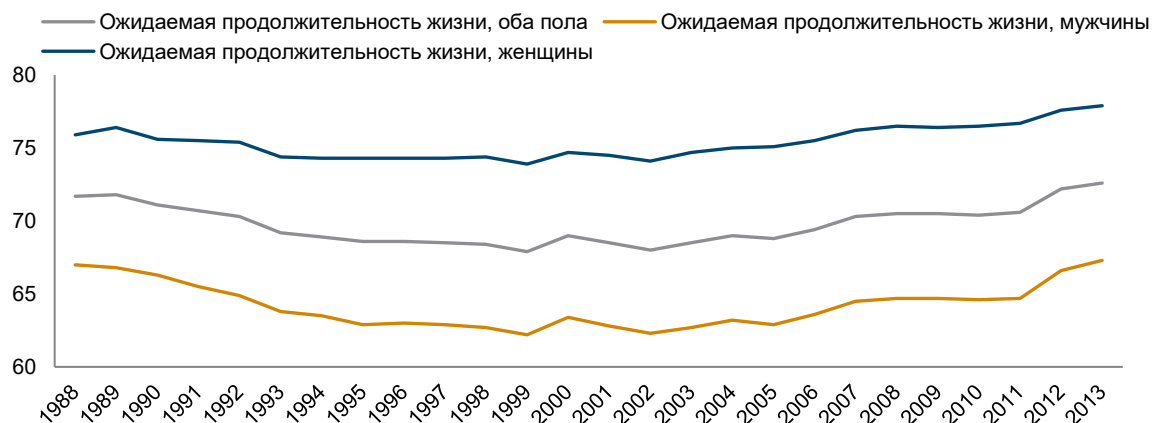
Источник: НБРБ.

Тем не менее, обобщенные статистические данные, как правило, маскируют некоторые скрытые проблемы. Например, тенденция роста проблемных кредитов стала заметной в статистике только в 2016 году, хотя отдельные примеры и некоторые косвенные показатели (специальные резервы, условия кредитования на рынке, и т.д.) гораздо раньше указывали на ухудшение ситуации. Кроме того, учитывая большую степень неоднородности в поведении банков, было бы более целесообразно попытаться проследить эффективность работы банков на более дезагрегированном уровне.

Согласно имеющимся статистическим данным, иностранные банки сообщают самые худшие характеристики с точки зрения влияния проблемных кредитов (Таблица 2.6). В то же время, учитывая практику некачественной проверки при целевом кредитовании, можно ожидать, что объем проблемных кредитов наиболее тяжелым бременем ложится на государственные банки. Таким образом, фактическое качество активов государственных банков может быть хуже, чем показано в официальной статистике (например, за счет предоставленных государственных гарантий, выполнение которых, тем не менее, сомнительно, а также за счет некоторых бухгалтерских уловок). Кроме того, вопрос проблемных кредитов может быть для системы в целом более серьезным, чем это явствует из официальной статистики.

Еще один традиционный источник уязвимости и потенциальных потрясений для банковской системы – макроэкономический валютный риск – по-видимому, ослаб за последние пару лет благодаря изменению денежно-кредитной политики. С другой стороны, долларизация нарастала как в активах, так и пассивах балансовых счетов банков, усиливая канал передачи кредитного риска, индуцированного валютой. Более того, эта тенденция присутствовала во всех группах банков: иностранные банки, которые традиционно отдают предпочтение иностранной валюте в активах и пассивах, а также государственные банки, которые перешли на политику кредитования, ориентированную на иностранную валюту, тогда как раньше они были более склонны предоставлять кредиты в национальной валюте. С макроэкономической точки зрения, тенденция к дальнейшей долларизации делает экономику более уязвимой к внешним потрясениям, при этом экономическая политика становится менее эффективной.

Диаграмма 2.4 / Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Беларуси

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Как и многие постсоветские и европейские страны, Беларусь сталкивается с проблемой старения населения. Как и другие постсоветские страны, после распада Советского Союза Беларусь пережила демографический кризис, сочетающий в себе резкое снижение рождаемости и всплеск смертности. Хотя демографический кризис в Беларуси был менее глубоким, чем в других странах региона, в 1990-е годы произошло значительное снижение ожидаемой продолжительности жизни: в 1999 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин достигла своего минимума за последние 50 лет – всего лишь 62,2 года (Диаграмма 2.4). Ожидаемая продолжительность жизни женщин сократилась не настолько сильно. С восстановлением экономики ожидаемая

продолжительность жизни начала тоже восстанавливаться: к 2013 году ожидаемая продолжительность жизни достигла 67,3 года у мужчин и 77,9 лет у женщин.⁸⁷

Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении коэффициентов рождаемости. В 1990-х годах общий коэффициент рождаемости снизился с 1,91 в 1990 году до всего лишь 1,23 в 2003 году. Но в 2000-х годах и позже рождаемость начала подниматься, достигнув показателя 1,69 в 2014 году.⁸⁸ Улучшение экономических условий и ожиданий, а также политика поощрения рождаемости поддержали это возрождение.⁸⁹ Несмотря на рост, коэффициент рождаемости находится ниже уровня, необходимого для воспроизводства населения, не говоря уже о его росте.

Измеренные международные коэффициенты миграции в Беларуси незначительны, несмотря на распространенное общественное мнение, что в 1990-е годы многие белорусы покинули страну. Многие белорусы переехали в Россию в 2000-х годах в поисках лучшей работы и заработка, но сохранили свое основное место жительства в Беларуси.⁹⁰ Согласно официальным данным по зарегистрированной миграции за 2013 год, в Беларусь из-за рубежа прибыло 19 435 человек, а покинуло страну всего лишь 7 792 человека.⁹¹

В настоящее время миграция не может рассматриваться в качестве средства решения демографических проблем в Беларуси, по крайней мере, в рамках нынешнего строгого миграционного и трудового законодательства: работодатели должны получать специальные разрешения на каждого мигранта, которого они хотят нанять на работу, и должны доказать, что нет белорусских граждан, готовых и способных выполнить такую работу. Кроме того, мигранты не имеют доступа к социальной защите, несмотря на то, что с 2016 года они должны платить взносы на социальное обеспечение наравне с белорусскими гражданами. Это одна из причин, почему Беларусь не представляется очень привлекательной для иностранных работников.

За 20-летний период между 1996 и 2016 годами население Беларуси сократилось на 6,7%.⁹² С учетом низкого коэффициента рождаемости, демографические прогнозы неутешительны. В издании "Перспективы мирового населения" (World Population Prospects) представлен прогноз, согласно которому к 2050 году население Беларуси сократится до 8 125 тысяч человек.⁹³

Демографические тенденции последних десятилетий также нашли свое отражение в стационарной демографической пирамиде с очень узким основанием (Диаграмма 2.5). До сих пор рынок труда Беларуси не испытывал давления от демографических проблем. Люди, выбывающие из рабочей силы на пенсию, представляют собой когорты родившихся во время или после Второй Мировой войны, которые не были многочисленными. Напротив, когорты выходящих на рынок труда были многочисленными в связи с резким увеличением рождаемости в 1980-х

⁸⁷ Белстат (2014).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Амяльчук и соавт. (2014).

⁹⁰ Валетко (2013).

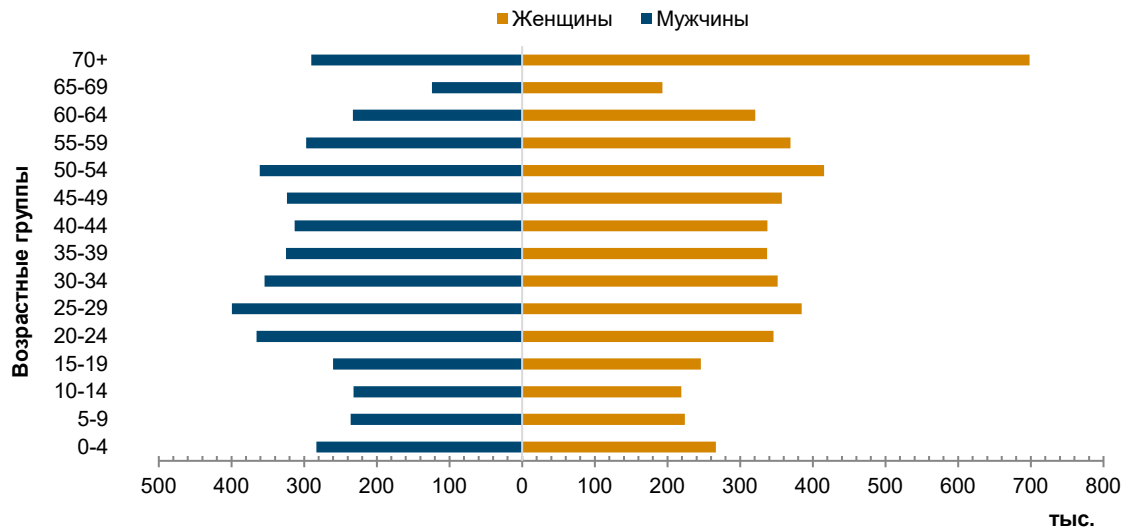
⁹¹ Белстат (2014).

⁹² http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/q/chislennost-i-estestvennyi-prirost-naseleniya/

⁹³ ООН (2015).

годах. Однако в ближайшие годы ситуация изменится, поскольку тенденции будут прямо противоположными.

Диаграмма 2.5 / Демографическая пирамида Беларуси, 2013 год

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Небольшой всплеск в когорте 0-4 лет вызван главным образом когортами женщин в возрасте 20-24 и 25-29 лет. Однако за этими относительно большими когортами детородного возраста последуют значительно меньшие когорты родившихся в 1990-х годах. Поэтому можно ожидать, что число новорожденных снова будет уменьшаться.

Еще одной важной демографической тенденцией является урбанизация – внутренняя миграция из сельских районов в города. Хотя в 1980 году только 55,9% населения проживало в городах, к 2014 году эта цифра возросла до 76,8%.⁹⁴ Население увеличилось во всех областных центрах Беларуси. Население Минска, например, выросло в период между 1990 и 2013 годами на 17% и составляет более 20% от всего населения Беларуси.

Демографические тенденции создают серьезные политические проблемы, касающиеся рынка труда, социального обеспечения и пенсионной системы.

Рынок труда: гибкий, но незащищенный

Рынок труда в Беларуси имеет определенную специфику и, в некоторой степени, уникальные особенности: с одной стороны, он характеризуется гибкостью с точки зрения продолжительности и условий трудовых договоров, а с другой стороны, чрезмерную зарегулированность, порождающую неподатливость. Более того, наличие возможностей в области обеспечения занятости составляет важный компонент общественного договора в Беларуси. Тем не менее, эта часть договора в настоящее время размывается, поскольку экономика сталкивается с необходимостью проведения болезненной реструктуризации и урегулирования.

⁹⁴ Белстат (2014).

Основной провозглашенной целью государственных стратегий в области рынка труда было обеспечение доступа к занятию трудом для всех, а также роста уровня личных доходов, в первую очередь за счет увеличения уровня заработной платы при отсутствии значительных различий в коэффициентах дифференцированной заработной платы. Основным инструментом политики для достижения желаемого уровня заработной платы явилась шкала ставок заработной платы, регулирующие уровень оплаты труда для каждой профессии. Следование этой шкале ставок заработной платы не является обязательным, и многие государственные и частные предприятия использовали её только в качестве базового показателя при формировании заработной платы. В этой шкале, шкала ставок заработной платы формирует базовую часть заработной платы, в то время как остальная часть квалифицируется как надбавка или премия за стаж работы, высокая производительность труда и т.д. Однако, учитывая степень роли государства в экономике, шкала ставок заработной платы до сих пор влияет на размер заработной платы практически для всех.

Политика низкой дифференциации заработной платы имеет двойные последствия. С одной стороны, эта политика способствовала низкому уровню неравенства по доходам, что является нетипичным даже в условиях переходной экономики. С другой стороны, она привела к определенному снижению стимулов для работников, поскольку это не мотивирует саморазвитие и продвижение по службе в достаточной степени.

Правительство применяло шкалу ставок заработной платы достаточно эффективно в качестве инструмента для повышения заработной платы, даже если экономические условия не способствовали такому увеличению. Как видно на Диаграмме 1.10 в Главе 1, реальный уровень заработной платы и производительность труда не всегда идут рука об руку. Годы выборов, как правило, сопровождались видимыми эффектами политического цикла: чрезмерный рост заработной платы, который, в свою очередь, стимулировал спрос и экономическую активность.⁹⁵ Тем не менее, как уже обсуждалось, в 2009-2010 годах эта практика привела к "перегреву" экономики и валютному кризису. Несмотря на это, реальная заработная плата продолжала расти быстрее, чем производительность труда в течение 2012-2014 годов, что привело к еще одному существенному обвалу обменного курса в 2015 году. 2015 год также стал первым годом выборов после 2000 года, когда реальная заработная плата фактически снизилась.

Другая часть проблемы заключалась в том, что государственные органы, по крайней мере косвенно, устанавливали целевые уровни заработной платы в долларовом эквиваленте, и эти целевые уровни служили одной из главных задач социально-экономического развития. Например, большой целью в период 2005-2010 годов являлось достижение среднего уровня заработной платы в эквиваленте 500 долларов США. За 2015 год, цель была еще более нереалистичной: в эквиваленте 1000 долларов США.⁹⁶ Конечно, эти цели вынудили правительство быстро поднять заработную плату и непропорциональное повышение уровня заработной платы было одной из основных причин макроэкономической дестабилизации.

Политическое стремление к повышению уровня заработной платы было частично связано с внешним давлением, так как Беларусь является частью единого рынка труда Евразийского экономического союза (см. Главу 3). На этом рынке труда, работники могут перемещаться почти

⁹⁵ Гайдук (2007).

⁹⁶ Де факто, средняя заработная плата в 2015 году составляла всего 424 доллара США.

свободно: права на рынке труда граждан России, Казахстана и Беларуси одинаковы на всех рынках, и отсутствует необходимость получения каких-либо специальных разрешений или другие административные трудности, сопровождающие наём на работу желающих из стран-членов Союза. Доступ на российский рынок труда всегда был особенно важен, поскольку он всегда был готов освоить белорусских соискателей. Эта договоренность была выгодна для Беларуси в силу того, что спрос на рабочую силу был асимметричным: из-за разницы в уровне заработной платы (уровень заработной платы в России традиционно выше) не многие россияне хотели приезжать и работать в Беларуси. Это смягчило политическую озабоченность белорусских властей в вопросе безработицы, поскольку безработные всегда могли найти работу в России. Кроме того, денежные переводы от трудовых мигрантов были значительными: в пиковый 2012 год поступающие денежные переводы достигли 1,5% от ВВП.⁹⁷

После почти трехкратной девальвации в 2011 году, ситуация в области трудовой миграции в России ухудшилась. Разница в заработной плате в Беларуси и России, денонмированной в долларах США возросла, а в ряде отраслей она превысила двукратный предел. Многие белорусские рабочие, особенно те, кто работает в сфере производства, образования и здравоохранения, стремились найти работу в России.⁹⁸ Таким образом, белорусское правительство решило противостоять исходу рабочей силы путем увеличения заработной платы в 2012-2014 годах, что, однако, дало толчок инфляционному давлению и макроэкономической нестабильности. Экономический кризис 2015 года затронул и Россию и Беларусь, что вынудило часть трудовых мигрантов вернуться на родину, где они также сталкиваются с трудностями трудоустройства.

В Беларуси существует два вида трудовых договоров: постоянные и срочные. Большинство работодателей предпочитают срочный трудовой договор, обычно, сроком на один год. Такой договор не содержит обязательств по возобновлению трудовой деятельности после истечения срока его действия. Он также позволяет увольнять работника только с трехмесячным выходным пособием в случае упразднения занимаемой должности. В силу того, что независимое профсоюзное движение в Беларуси почти не развито по политическим причинам, заключение срочных договоров превратилось в широко распространенную практику.

Таблица 2.8 / Уровень занятости и безработицы в Беларуси, тыс. чел, 2005-2015 годы

	Общая занятость	Уровень зарегистрированных безработных, %	Занятых в сельском хозяйстве	Занятых в производстве
2000	4443,6	2,1	674,0	1249,3
2005	4414,1	1,5	532,2	1213,5
2010	4703,0	0,7	492,2	1182,9
2014	4550,5	0,5	430,7	1102,4
2015	4496,0	0,7	434,0	1051,0

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь

⁹⁷ Валетко (2013).

⁹⁸ Акулава (Akulava) и др. (2013).

Благодаря гибкости рынка труда с точки зрения договоров, занятость на протяжении многих лет постепенно смещалась от менее производительных и низкооплачиваемых специальностей в сельском хозяйстве и промышленности в сектор развивающихся и быстро растущих услуг. Несмотря на рост общей занятости с 4 444 тыс.чел. в 2000 году до 4 496 тысяч в 2015 году, занятость в секторе производства за тот же период сократилась почти на 16%, а занятость в сельском хозяйстве почти на 36% (Таблица 2.8). Благодаря такой гибкости на рынке труда, наблюдается относительно плавное перераспределение рабочей силы из менее производительных отраслей в более производительные.⁹⁹

Официальные статистические данные по Беларуси освещают только зарегистрированные данные по уровню безработицы, которые традиционно низки, ниже 1% в последние годы. Очевидно, что зарегистрированные данные не отражает реальных масштабов безработицы, особенно в Беларуси, где сумма страхования по безработице крайне низка (менее 10 евро в месяц в Минске в 2015 году), и от зарегистрированных безработных зачастую требуется выполнять общественные работы (например, подметать улицы). В 2012 году, Министерство труда начало проводить исследования в области трудовых ресурсов в соответствии с методологией МОТ. Однако эти оценки публикуются редко, в силу того, что безработица является политически чувствительной темой. Некоторые просочившиеся оценки показывают, что уровень безработицы, оцененный по методологии МОТ, тоже невысок: в 2013 году он составил около 3,5%.¹⁰⁰

В 2015 году белорусские власти ввели довольно неординарный инструмент на рынке труда: "налог на безработных", согласно которому неработающие и не зарегистрированные в качестве безработных должны платить налог. Налог предполагается взимать с т.н. "зайцев" (халявщиков) – лиц, бесплатно пользующихся социальными услугами, которые они получают от государства и бороться с нелегальным трудом. Помимо своего противоречивого характера, сроки введения этого налога было довольно неуместны: в 2015 году на уровне занятости отрицательно сказались кризис и банкротства многих государственных предприятий, и новые безработные также столкнулись с риском быть наказанными новым налогом.

Человеческий капитал в Беларуси является относительно высоким. Показатель человеческого развития, составляющий 0,798, выводит Беларусь в высокую категорию человеческого развития, на 50е место из 188 стран¹⁰¹ и составляет выше среднего показателя по Европе и Центральной Азии. Это благоприятный результат был в значительной степени достигнут благодаря уровню образования: почти половина занятых лиц, либо имеют высшее образование (27,4% в 2013 году), либо окончили послешкольное профессиональное/профессионально-техническое учреждение (22,5%). Эти уровни растут с течением времени, и эта тенденция роста как ожидается, продолжится, так как большинство выпускников школ продолжают свое обучение. Несмотря на высокий средний уровень образованности на рынке рабочей силы, работодатели зачастую ссылаются на то, что барьером для роста служит нехватка квалифицированной рабочей силы, заявляя о несоответствии навыков, обеспечиваемых системой образования рыночному спросу.¹⁰²

⁹⁹ Крук и Борнукова (2014).

¹⁰⁰ Валетко (2014).

¹⁰¹ ООН (2015).

¹⁰² Институт приватизации и менеджмента (2015).

Гендерное равенство: наследие Советского Союза долго не продлится

Советский Союз способствовал обеспечению гендерного равенства на рабочих местах, и Беларусь по-прежнему пользуется этим наследием прошлого. Женщины на рынке рабочей силы составляют 62% среди женщин в возрасте 15-62 лет, что соответствует среднему показателю ОЭСР. Индекс гендерного равенства, составленный ПРООН, отводит Беларуси 28-е место среди 152 стран. Этот результат обусловлен относительно хорошими результатами по двум показателям: высокой доле участия женщин на рынке рабочей силы и низкому уровню материнской смертности. Женщины также хорошо представлены в корпоративных структурах: в 44% фирм, женщины участвуют во владении собственностью.¹⁰³

В среднем, женщины имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, и соотношение девочек и мальчиков в системе высшего образования достигает около 140%. Тем не менее, образованные женщины, как правило, преобладают в относительно низкооплачиваемых секторах, таких как образование, социальное обеспечение и здравоохранение. В быстро растущем секторе услуг также преобладают женщины, в то время как мужчины занимают большинство рабочих мест в обрабатывающей промышленности и строительстве.

Также, Беларусь остается в основном традиционным патриархальным обществом с культурой, отводящей женщине роль матери и домохозяйки. Эта модель культурной роли также продвигается представителями правительственных кругов и Президентом с целью поощрения семейных ценностей и повышения рождаемости. Как ни странно, предпочтительное отношение к женщинам в рамках некоторых социальных программ также приводит к их дискриминации на рынке труда. Таким образом, пенсионный возраст для женщин наступает на пять лет раньше, чем у мужчин, по утверждению Министра труда: "чтобы компенсировать тяжелую работу на дому". Женщины также имеют право на отпуск по беременности и родам на три года. Такая политика приводит к нежеланию работодателей принимать на работу женщин, так как они сталкиваются с риском роста отпусков по беременности и родам и раннего выхода на пенсию.

Гендерный дисбаланс в уровне заработной платы в 2015 году составил около 24%¹⁰⁴ и он имеет тенденцию к постепенному росту. Есть ряд возможных объяснений этому. Во-первых, заработная плата растет более быстрыми темпами в тех секторах, где доминирует мужская занятость, таких как производство. Во-вторых, в областях, где женщины представлены больше, выше оплачиваемые должности также, как правило, занимают мужчины, что фактически увеличивает гендерный дисбаланс в заработной плате (это особенно актуально для сферы социальных услуг, где гендерный дисбаланс выше среднего). В-третьих, некоторые предвзятые в отношении гендерных аспектов стратегии, непреднамеренно приводят к дискриминации женщин на рынке труда.

¹⁰³ Всемирный банк (2015b)

¹⁰⁴ Белстат (2016b).

Общественный договор нуждается в переосмыслении

Экономическое развитие и рост в Беларуси за последние два десятилетия был на пользу бедным, обеспечивая некоторые возможности роста для всех, сокращая уровень бедности и предотвращая повышение неравенства в обществе. "Общественный договор" (см. Главу 1) был весьма своеобразным: правительство не опиралось на целевые выплаты уязвимым категориям населения, вместо этого оно стремилось обеспечить всем возможность найти работу, предлагало широкий спектр дополнительных услуг (таких как здравоохранение и образование), а также субсидировало некоторые цены и тарифы.

Экономический рост в течение 2000-х годов принес пользу практически всему белорусскому населению. В период с 2000 по 2015 год наблюдалось четырехкратное увеличение среднего реального располагаемого дохода (Таблица 2.7). Такой рост доходов не сопровождался ростом неравенства (отчасти, благодаря контролю заработной платы), но привел к значительному снижению уровня бедности. Абсолютный уровень бедности сократился с 41,9% в 2000 году до 5,1% в 2015 году. Доля расходов на продукты питания, служащий косвенным показателем уровня жизни, также показывает значительное улучшение.

Таблица 2.9 / Реальные доходы населения и бедность в Беларуси, 2000-2015 годы

	Реальный располагаемый доход населения, 2000 год = 100	Абсолютный уровень бедности, % населения	Доля продуктов питания в расходах домохозяйств, %
1995		38,4	60,1
2000	100,0	41,9	58,0
2005	173,2	12,7	42,4
2010	302,1	5,2	36,8
2014	426,0	4,8	39,2
2015	400,9	5,1	39,1

Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь

В то же время, следует обратить внимание на другую особенность системы социального обеспечения: Беларусь является социально-ориентированным государством без страхования безработицы и пособий по безработице. Технически, пособия по безработице для зарегистрированных безработных действительно существуют, но они крайне низки (около 10 евро в месяц) и не зависят от уровня заработной платы на предыдущем месте работы. Более того, для получения пособия, зарегистрированным безработным зачастую приходится бесплатно участвовать в выполнении социальных или общественных работ.

Здравоохранение в Беларуси бесплатно, доступно и надлежащего качества. Широко распространенная система медицинского страхования отсутствует, главным образом потому, что до недавнего времени не было никакой необходимости в ней, поскольку большинство медицинских услуг предоставлялись на бесплатной основе. Всемирная организация здравоохранения недавно разместила Беларусь среди передовых стран по уровню доступа к медицинскому обслуживанию и высоко оценила её достижения в снижении уровня младенческой смертности.

Начальное и среднее образование в Беларуси тоже бесплатное. Уровень грамотности высок, в силу того, что валовой коэффициент охвата начальным образованием составляет 99%.¹⁰⁵ Доля перехода в различные формы высшего образования также высокая - более 89% выпускников школ продолжают свое образование. Высшее образование также субсидируется, но не предоставляется бесплатно. Тем не менее, плата за обучение являются относительно невелика, как правило, в диапазоне от 500 до 1500 долларов США в год.

Правительство субсидирует целый ряд услуг с целью сделать их доступными для граждан с низким уровнем доходов. Тарифы на коммунальные услуги, общественный транспорт, культурную сферу, а также многие другие услуги субсидируются, поскольку они не покрывают свои расходы. Вплоть до 2011 года, правительство субсидировало процентные ставки по кредитам на покупку недвижимости. Эти субсидии были направлены на граждан с относительно низким уровнем доходов, а также необходимость улучшения жилищных условий. Эти субсидии действовали в качестве замены для несуществующего ипотечного кредитования, позволяя многим приобретать доступные квартиры (с учетом темпов инфляции) выплачивая при этом, отрицательные реальные процентные ставки по кредиту. В результате, в Беларуси один из лучших показателей по жилищным площадям среди стран СНГ: 25,7 кв.м. на одного жителя по сравнению с 23,4 кв.м. в России.¹⁰⁶

Тем не менее, поскольку рост экономики замедлился после 2011 года, правительство постепенно снижало социальную поддержку, в основном за счет сокращения субсидий, в определенной степени подрывая некоторые основополагающие аспекты общественного договора. Существует очевидная необходимость в пересмотре характера комплекса мер социальной политики, поскольку экономика может вступить в затяжной период снижения темпов роста. На настоящий момент, нехватка финансирования привела к повсеместному сокращению социальной поддержки, без обеспечения какой-либо системы социальной защиты, призванной заменить подход "субсидирования для всех". Главной задачей сегодня является разработка нового общественного договора и создание новой системы социальной защиты вместо старой.

Субсидирование кредитования в секторе недвижимости значительно сократилось: теперь они доступны только для многодетных семей. На данный момент не существует альтернативного механизма приобретения жилья, поскольку механизм ипотечного кредитования по-прежнему не работает. Многие передовые медицинские услуги больше не являются бесплатными, однако какое-либо медицинское страхование для желающих снизить риски для здоровья, отсутствует. Уровень субсидий на обучение сокращается, однако, учреждения, предоставляющего кредиты на обучение не существует. Размеры пособий по безработице очень низки, однако сейчас государство не может продолжать поддерживать избыточную занятость и ему придется реструктуризировать государственные предприятия, что приведет к росту числа безработных.

Тем не менее, в действительности, кризис также предоставляет возможность пересмотреть весь комплекс социальных стратегий и повысить их эффективность. Дотационные стратегии, очевидно, не являются эффективными, поскольку они предоставляют поддержку всем, не концентрируясь на тех, кто в ней нуждается. Кроме того, люди с более высоким уровнем доходов

¹⁰⁵ Показатели мирового развития (2016)

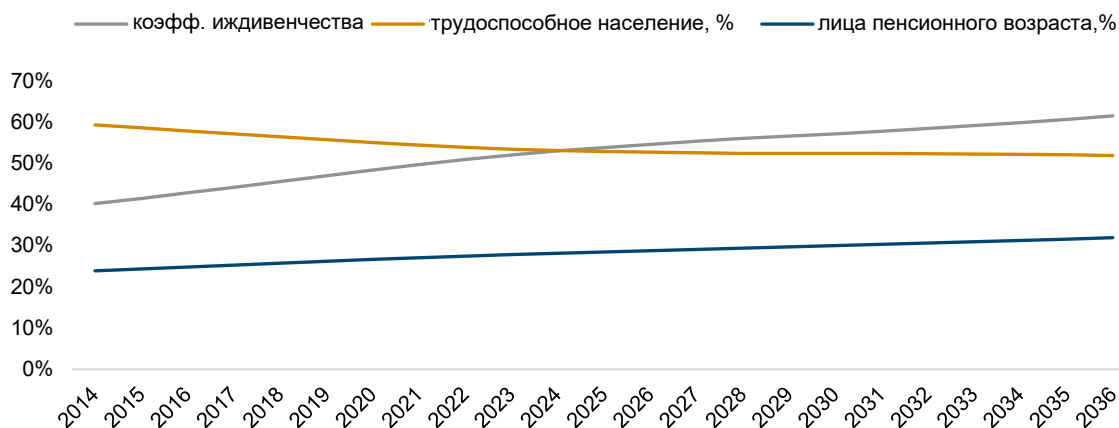
¹⁰⁶ Белстат (2015).

и потребления де-факто получают больше выгоды от субсидий. Следовательно, было бы полезно перейти от системы социальной поддержки на основе субсидий к системе целевого повышения благосостояния, проверенного на нуждаемость.

Процесс изменения социальной системы ускорился в 2015-2016 годах под давлением экономических трудностей и международных кредиторов. До того времени, тарифы на отопление для населения в Беларуси в значительной степени субсидировались. При этом, тарифы покрывали лишь 10-20% от общих расходов. Тарифы на другие коммунальные услуги также в значительной степени субсидируются. Эти субсидии лишь частично покрываются за счет бюджета и значительная часть бремени приходится на предприятия, которые вынуждены платить более высокие тарифы. В 2015-2016 годах, тарифы на коммунальные услуги были постепенно увеличены. Однако оценки показывают, что относительное бремя более высоких тарифов будет в основном приходиться на слои населения с низким уровнем доходов и пенсионеров.¹⁰⁷ В частности, если тарифы на отопление будут увеличены до 100% суммы затрат, домохозяйствам из квантиля с самым низким уровнем доходов придется расходовать более 16% своего дохода на отопление.¹⁰⁸ Тем не менее, правительство до сих пор не приняло планов адресной социальной помощи в сфере коммунальных тарифов, несмотря на обсуждения об их планируемом внедрении.

Демографические изменения и старение населения также создают значительные политические трудности, в частности, в пенсионной системе. В связи с прогнозируемым снижением доли трудоспособного населения в Беларуси, соотношение иждивенцев (число лиц пенсионного возраста на 100 человек трудоспособного возраста) возрастет с имеющихся на данный момент 40% до более чем 60% к 2036 году, несмотря на ожидаемое увеличение пенсионного возраста (Диаграмма 2.6).¹⁰⁹

Диаграмма 2.6 / Коэффициент иждивенчества*) и старение населения в Беларуси, 2014-2036 годы

*) Количество лиц пенсионного возраста на 100 человек трудоспособного возраста.

Источник: Борнукова и др. (2015).

¹⁰⁷ Шиманович (2015).

¹⁰⁸ Чжан и Ханкинсон (Zhang и Hankinson) (2015).

¹⁰⁹ Борнукова и др. (2015).

Пенсионная система в Беларуси представляет собой стандартную систему уплаты налогов из текущих доходов: в настоящее время трудоспособное население платит взносы на социальное обеспечение, из которых осуществляется финансирование текущих пенсионных расходов. В настоящее время Беларусь имеет самый низкий пенсионный возраст в Европе: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Пенсионный возраст (а также пенсионная система в целом) остался таким же как и в советский период. Ставка взносов в размере 29%, с другой стороны, является одной из самых высоких в Восточной Европе. Пенсионная система довольно выдержанная: в 2013 году размер средней пенсии превысил уровень бедности в 2,54 раза и составил 38% от средней заработной платы.¹¹⁰

До 2013 года Пенсионный фонд работал с небольшим плюсом, извлекая выгоду из благоприятных демографических условий, как обсуждалось выше. Но после 2013 года ситуация начала меняться, так как обширная категория населения начала выходить на пенсию. По оценкам ряда независимых исследований, в случае если стратегия не изменится, Пенсионный фонд может испытать значительный дефицит средств в будущем, достигнув до 9% от ВВП к 2050 году.¹¹¹

В целях реагирования на демографические вызовы, правительство приняло решение об увеличении пенсионного возраста на три года, начиная с 2017 года. Увеличение будет происходить в течение шести лет (до 2022 года) в полугодовые отрезки. Увеличение пенсионного возраста является единственной имеющейся параметрической реформой: ставка взносов уже достаточно высока, в то время как коэффициент замещения является низким. Однако предложенное повышение пенсионного возраста не будет достаточным для развала Пенсионного фонда даже после 2022 года. Следовательно, в будущем можно ожидать дальнейшего увеличения пенсионного возраста. Более основательная пенсионная реформа повлечет за собой переход к полноценной накопительной пенсионной системе, и это также должно произойти в какой-то момент в будущем.

Системе здравоохранения предстоит подготовиться к большему бремени хронических и дегенеративных заболеваний. Сокращение числа детей и дальнейшая урбанизация также означают, что школьная структура должна быть оптимизирована, особенно в сельских районах, где численность учеников в классе, как правило, очень низкая.¹¹²

Таким образом, ранее действовавший в Беларуси общественный договор, по всей вероятности, находится в процессе размывания или трансформации. В стремлении сократить государственные расходы, государство отменяет или сокращает многие формы социальной поддержки, которые в основном предоставлялись в форме субсидий. С другой стороны, кризис открывает дорогу для того, чтобы сделать систему социального обеспечения более эффективной, проверенной на нуждаемость и научно-обоснованной. В совокупности, переход от субсидий к целевой проверенной на нуждаемость поддержке может оказать положительное влияние на благосостояние. В то же время, существует острая необходимость быстрого внедрения надлежащих новых систем социальной защиты, замещающих прежние отмененные субсидии.

¹¹⁰ Лисенкова и Борнукова (2015).

¹¹¹ Там же; Звиниене (Zviniene) и Билецкий (2011).

¹¹² Всемирный банк (2013).

Наиболее актуальными задачами в этой области являются комплексное обновление системы страхования по безработице, обеспечивающей надлежащее покрытие риска потери работы и систему адресной помощи социальным группам населения, наиболее пострадавшим от увеличения тарифов на коммунальные услуги.

Список использованных источников

- Akulava, M., R. Kirchner and H. Shymanovich (2013), 'Tendencies and challenges for the Belarusian labor market', *IPM Research Center Policy Paper*. / М. Акулова, Р. Кирхнер и Г. Шиманович (2013), "Тенденции и текущие вызовы на рынке труда Беларуси", *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ*.
- Akulava, M. (2015), 'The role of the private sector in Belarus: issues in accounting', *BEROC Policy Paper Series*. / М. Акулова (2015), 'Роль частного сектора Беларуси: проблема подсчета', *серия аналитических записок BEROC*.
- Amialchuk, A., K. Lisenkova, M. Salnykov and M. Yemelyanau (2014), 'Economic determinants of fertility in Belarus', *Economics of Transition*, Vol. 22, No. 3, pp. 577-604. / А. Амьяльчук, К. Лисенкова, М. Сальников и М. Емелянау (2014), "Экономические определяющие фертильности в Беларуси", *Экономика перехода*, том 22, №3, стр. 577-604.
- Avtushka-Sikorsky, A. (2014), 'Energy Sector in Belarus', in: *Belarusian Yearbook 2014, Nashe Mneniye*. / А. Автушко-Сикорский (2014), "Энергетический сектор в Беларуси", в *Белорусский ежегодник – 2014*, Наше мнение.
- Balmaceda, M. (2014), *Living the High Life in Minsk: Russian Energy Rents, Domestic Populism and Belarus' Impending Crisis*, Central European University Press. / М. Бальмасада (2014), *Великосветская жизнь в Минске: российская энергетическая рента, внутренний популизм и надвигающийся кризис в Беларуси*, Central European University Press.
- Belstat (2014a), *Demographic Yearbook*, National Statistical Committee of Belarus. / Белстат (2014а), *Демографический ежегодник Республики Беларусь*, Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
- Belstat (2014b), *Labour and Employment in Belarus*, National Statistical Committee of Belarus. / Белстат (2014b), *Труд и занятость в Республике Беларусь*, Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
- Belstat (2015), *Living Standards in Belarus*, National Statistical Committee of Belarus / Белстат (2015), *Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь*, Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
- Belstat (2016a), *Main indicators for the state sector organisations*, National Statistical Committee of Belarus. / Белстат (2016а), *Основные показатели деятельности организаций государственного сектора*, Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
- Belstat (2016b), *Women and Men*, National Statistical Committee of Belarus. / Белстат (2016b), *Женщины и мужчины Республики Беларусь*, Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
- Bornukova, K., K. Lisenkova and A. Luzgina (2015), 'The pension system of Belarus and the need for reforms', *BEROC Policy Paper Series*. / К. Борнукова, К. Лисенкова и А. Лузгина (2015), 'Пенсионная система Беларуси: текущее состояние и необходимость реформ', *серия аналитических записок BEROC*.
- Chubrik, A. (2015), 'Russia: The Belarusian Challenge', <http://carnegieendowment.org/files/6.pdf> / А. Чубрик (2015), "Россия: вызов для Беларуси", <http://carnegieendowment.org/files/6.pdf>

Cuaresmo, J., H. Oberhofer and G. Vincelette (2012), 'Firm Growth and Productivity in Belarus: New Empirical Evidence in the Machine Building Industry', World Bank, *Policy Research Working Paper* No. 6005. / И. Цуарежма, Г. Оберхофер и Ж. Винслетт (2012), "Рост фирм и производительность в Беларуси: новые данные в машиностроительной отрасли", Всемирный банк, рабочий документ по изучению политики №6005.

Daneyko, P. and P. Golenchenko (2013), 'Hidden Champions of Belarus', in: P. McKiernan and D. Purg (eds), *Hidden Champions in CEE and Turkey*, Springer, Berlin and Heidelberg, pp. 127-140. / П. Данейко и П. Голенченко (2013), "Скрытые чемпионы Беларуси", в П. Маккирнан и Д. Пург (ред.), *Скрытые чемпионы в ЦВЕ и Турции*, Springer, Берлин и Гейдельберг, стр. 127-140.

De la Rubia, C., R. Kirchner and A. Zaretsky (2012), 'The impact of the currency crisis on the Belarusian banking sector', IPM Research Center. / С. де ла Рубиа, Р. Кирхнер и А. Зарецкий (2012), "Влияние валютного кризиса на банковский сектор Беларуси", Исследовательский центр ИПМ.

Ehrke, J., G. Shymanovich and R. Kirchner (2014), 'Improving the Management of State-Owned Enterprises in Belarus', *IPM Research Center Policy Paper*. / Дж. Ерке, Г. Шиманович и Р. Кирхнер (2014), "Улучшение управления государственными предприятиями в Беларуси", *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ*.

Favaro, E., K. Smits and M. Bakanova (2012), 'Structural Challenges for SOEs in Belarus', *World Bank Policy Research Working Paper* 6010. / Э. Фаваро, К. Смитс и М. Баканова (2012), "Структурные проблемы государственных предприятий в Беларуси", *Всемирный банк, рабочий документ по изучению политики* №6010.

Grushevaya, M. and M. Shappo (2015), 'On the way towards a new model of economic governance', *IPM Research Center Policy Paper*. / М. Грушевая и М. Шаппо (2015), "На пути к новой модели экономического управления", *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ*.

Haiduk, K. (2007), 'Redistribution in Belarus: economic growth, labour market and political and business cycle', in: Haiduk, K., Pelipas I., Chubrik A., Growth for everyone? "New challenges for the Belarusian economy", IPM Research Center. / К. Гайдук (2007), Перераспределение в Беларуси: экономический рост, рынок труда и политико-деловой цикл, в Гайдук К., И. Пелипась., А. Чубрик, *Рост для всех? Новые вызовы для экономики Беларуси*, Исследовательский центр ИПМ.

Hare, P. and G. Turley (2013), 'Introduction to the Handbook', in: P. Hare and G. Turley (eds), *Handbook of the Economics and Political Economy of Transition*, Routledge, London and New York, pp. 1-14. / П. Хэар и Дж. Терли (2013b), "Введение в руководство", в П. Хэар и Дж. Терли (ред.), *Руководство по экономике и политической экономике в переходный период*, Routledge, Лондон и Нью-Йорк, стр. 1-14.

IEA (2015), 'World Energy Outlook', International Energy Agency. / МЭА (2015), "Прогноз мировой энергетики", Международное энергетическое агентство.

IPM (2015), 'Belarusian Business 2015', IPM Research Center. / ИПМ (2015), "Белорусский бизнес 2015", Исследовательский центр ИПМ.

Kisel, S. (2010), 'Consumer lending as an economic phenomenon', *Bankovskiy vestnik*, No. 4(477). / С. Кисель (2010), "Банковское потребительское кредитование как экономическое явление", *Банковский вестник*, №4(477).

Kruk, D. and K. Bornukova (2014), 'Belarusian Economic Growth Decomposition', *BEROC Working Paper Series*. / Д. Крук и К. Борнукова (2014), "Декомпозиция экономического роста в Беларуси", *серия аналитических записок BEROС*.

Lafyuk, I., S. Navrodski and U. Valetka (2014), 'Does financial sector development affect the efficiency of Belarusian enterprises?' *CASE Belarus Working Paper*. / И.Лафюк, С. Навродский и В.Валетко (2014), "Влияет ли развитость финансового сектора Беларуси на результаты экономической деятельности белорусских фирм?", *рабочий материал CASE Belarus*.

- Lisenkova, K. and K. Bornukova (2015), 'Effects of Population Ageing on the Pension System in Belarus', *BEROC Working Paper Series* No. 28. / К. Лисенкова и К. Борнукова (2015), "Последствия старения населения для пенсионной системы Республики Беларусь", *серия аналитических записок BEROC* №28.
- Ministry of Finance (2016), Analytical Report on the Budget Execution, Ministry of Finance of the Republic of Belarus. / Министерство Финансов (2016), Аналитический доклад об исполнении бюджета, Министерство Финансов Республики Беларусь.
- Nazarova, S. (2012), 'Tax controls in Belarus', Pinsk State University. / С. Назарова (2012), "Налоговый контроль в Республике Беларусь", Полесский государственный университет.
- NBRB (2016a), 'Banking Sector of the Republic of Belarus', The National Bank of the Republic of Belarus. / НБРБ (2016а), 'Банковский сектор Республики Беларусь', Национальный банк Республики Беларусь.
- NBRB (2016b), 'Bulletin of the Banking Statistics: a Yearbook', The National Bank of the Republic of Belarus. / НБРБ (2016b), "Бюллетень банковской статистики. Ежегодник", Национальный банк Республики Беларусь.
- Novikau, A. (2016), 'Nuclear power debate and public opinion in Belarus: From Chernobyl to Ostrovets', *Public Understanding of Science*, 5 May. / А. Новикау (2016), "Ядерная энергия и общественное мнение в Беларуси: от Чернобыля до Островца", *Общественное понимание науки*, 5 мая.
- Padalko, L. and G. Dmitriev (2013), 'Optimal choice', *Economika Belarusi*, No. 2/2013. / Л. Падалко и Г. Дмитриев (2013), "Оптимальный выбор", *Экономика Беларуси*, No. 2/2013.
- Rakova, E. (2001), 'Denationalisation and privatisation of manufacturing in Belarus', in: *Belarusian Economy*, IPM Research Center. / Е. Ракова (2001), "Разгосударствление и приватизация промышленности в Республике Беларусь", в *Белорусская экономика: от рынка к плану*, Исследовательский центр ИПМ.
- Rudyi, K.V. (2016), 'Государственный капитализм в Беларуси: от роста к развитию' (State capitalism in Belarus: from growth to development), in: K.V. Rudyi (ed.), *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси* (Financial diet: reforming public finances in Belarus), Zvyazda, Minsk, pp. 21-74. / К.В. Рудый (2016), "Государственный капитализм в Беларуси: от роста к развитию", в К.В. Рудый (ред.), *Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси*, Звезда, Минск, стр. 21-74.
- Salnykov, M. (2011), 'Multidimensional Approach to the Energy Security Analysis of Belarus', *FREE policy brief series*. / М. Сальников (2011), "Многоплановый подход к анализу энергетической безопасности Республики Беларусь", *серия аналитических записок FREE (Форум по изучению стран Восточной Европы и развивающихся рынков)*.
- Semashko, S. (2014), 'State regulation in the energy efficiency and development of renewable energy in Belarus', energybel.by/files/semashko.pptx / С. Семашко (2014), "Государственное регулирование в сфере повышения энергоэффективности и развития возобновляемой энергетики в Республике Беларусь", energybel.by/files/semashko.pptx
- Shymanovich, H. (2015), 'The effect of changes in the socio-economic policy on the welfare of elderly in Belarus', IPM Research Center. / Г. Шиманович (2015), "Влияние изменений социально-экономической политики на положение пожилых людей в Беларуси", Исследовательский центр ИПМ.
- Silitski, V. (2009), 'From a social contract to a social dialogue: some considerations on the nature and dynamics of social contracts in modern Belarus', in: K. Haiduk, E. Rakova and V. Silitski (eds), *Social contracts in modern Belarus*, Belarusian Institute for Strategic Studies. / В. Силицкий (2009), "От общественного договора к общественному диалогу: некоторые соображения о природе и динамике социальной контрактации в современной Беларуси", в К. Гайдук, Е. Ракова и В. Силицкий (ред.), "Социальные контракты в современной Беларуси", Белорусский институт стратегических исследований.

- Skriba, A. (2011), 'Privatisation in Belarus and SME participation', IPM Research Center Policy Paper. / А. Скриба (2011), "Приватизация в Беларуси и участие отечественного малого и среднего бизнеса в ее проведении", аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ.
- Towe, C. and M. Belka (2009), 'Republic of Belarus: Financial System Stability Assessment', *IMF Country Report* No. 09/30. / К. Той и М. Белка (2009), "Республика Беларусь: Оценка стабильности финансовой системы", *Доклад МВФ по стране* №09/30.
- Tserlyukevich, Y., K. Bornukova, D. Kruk and H. Shymanovich (2014), 'Tax Amnesty in Belarus', *BEROC Policy Paper Series*. / Ю. Церлюкевич, К. Борнукова, Д. Крук и Г. Шиманович (2014), "Налоговая амнистия в Республике Беларусь", *серия аналитических записок BEROC*.
- Transparency International (2015), *Corruption Perceptions Index 2015*. / Transparency International (2015), *Индекс восприятия коррупции-2015*
- Valetka, U. (2013), 'Development and side effects of remittances in the CIS countries: the case of Belarus', *CASE Belarus*. / В. Валетко (2013), "Разработка и побочные эффекты денежных переводов в странах СНГ: случай Беларуси", *CASE Belarus*.
- Valetka, U. (2014), 'Labor Market: the Trap of Low Productivity', in: *Belarusian Yearbook 2014*, *Nashe Mneniye*. / В. Валетко (2014), "Рынок труда: в плену низкой производительности" в *Белорусский ежегодник – 2014*, *Наше мнение*.
- ПРООН (2015), *Доклад о человеческом развитии 2015*
- ООН (2015), *Перспективы мирового населения 2015*
- World Bank (2013), 'Belarus Public Expenditure Review: Enhancing Public Services in Times of Austerity', *World Bank Report* No. 74148-BY. / Всемирный банк (2013), "Обзор государственных расходов в Республике Беларусь: повышение качества предоставляемых государством услуг в условиях жестких бюджетных ограничений", доклад Всемирного Банка №74148-BY.
- World Bank (2015a), *World Governance Indicators*. / Всемирный Банк (2015a), *Всемирные индикаторы управления*.
- World Bank (2015b), *Gender at a Glance: Belarus*. / Всемирный Банк (2015b), *Краткий обзор гендерных вопросов: Беларусь*.
- World Bank (2016a), *Doing Business*. / Всемирный Банк (2016a), *Ведение бизнеса*.
- World Bank (2016b), *World Development Indicators*. / Всемирный Банк (2016b), *Показатели мирового развития*.
- Zhang, F. and D. Hankinson (2015), 'Belarus Heat Tariff Reform and Social Impact Mitigation,' *World Bank Publications*, The World Bank, Number 22574. / Ф. Чжан и Д. Ханкинсон (2015), "Реформирование системы тарификации теплоэнергии в Республике Беларусь и смягчение социального воздействия", публикации Всемирного Банка, Всемирный Банк, номер 22574.
- Zorina, T., V. Rak, V. Tkachev and E. Shershunovich (2015), 'Integration of the Belarusian nuclear station into the energy system: impact on national security and economic development', *Economika: Teoriya i Praktika*, No. 4 (44). / Т. Зорина, В. Рак, В. Ткачев и Е. Шершунович (2015), "Интеграция белорусской АЭС в энергосистему: влияние на национальную безопасность и экономическое развитие", *Экономика: теория и практика*, №4 (44).
- Zviniene, A. and S. Biletsky (2011), *Fiscal projections for pension system of Belarus*, The World Bank, Washington DC. / А. Звиниене и С. Билецкий (2011), *Финансово-бюджетные прогнозы для пенсионной системы Беларуси*, Всемирный Банк, Вашингтон, округ Колумбия.

3. Торговля и международные экономические отношения

АВТОРЫ: АМАТ АДАРОВ, ПИТЕР ХАВЛИК, ГАБОР ХУНЯ И ОЛЬГА ПИНДЮК

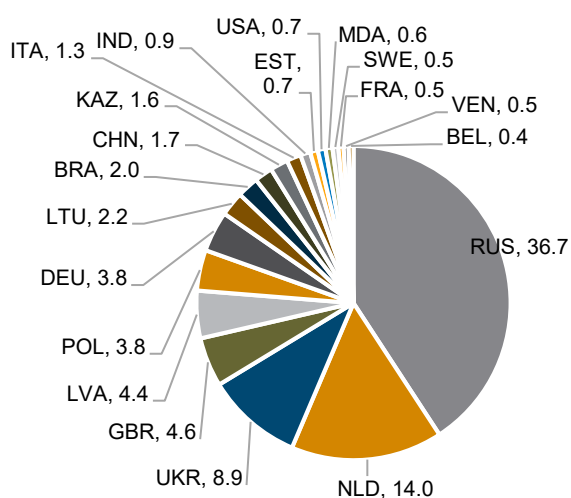
ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ

Текущая ситуация

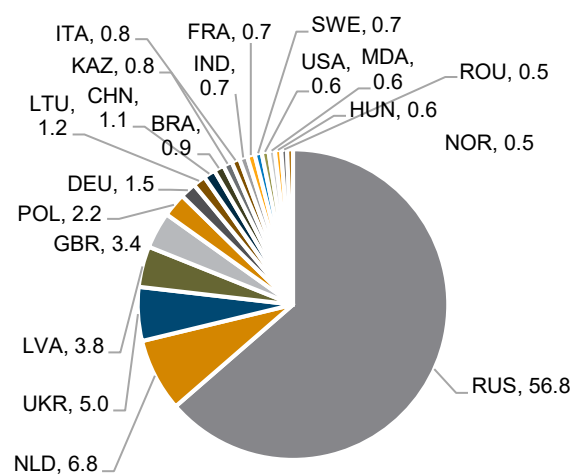
Исторически сложилось так, что Россия была самым важным торговым партнером Беларуси (Диаграммы 3.1 и 3.2) как с точки зрения экспорта (более половины от общего объема), так и импорта (более трети от общего объема). 28 стран-членов Европейского союза (ЕС-28) тоже являются значимыми направлениями экспорта (средняя доля за 10 лет составляет 39% от общего объема экспорта) и импорта (22%) страны. Географическая асимметричность структуры торговли Беларуси сочетается с диспропорцией структуры промышленности. Если экспорт в Россию относительно разнообразен и, помимо товаров и сельскохозяйственных/пищевых продуктов включает также транспортное оборудование и технику, то в импорте преобладают нефтепродукты. В отличие от этого, экспорт из Беларуси в страны ЕС в основном состоит из минерального топлива, а импорт формируют более продвинутые товары, в том числе химическая продукция, техника и транспортное оборудование.

Диаграмма 3.1 / 20 ведущих торговых партнеров Беларуси, в среднем в 2005-2014 годы

Экспорт, % от общего объема

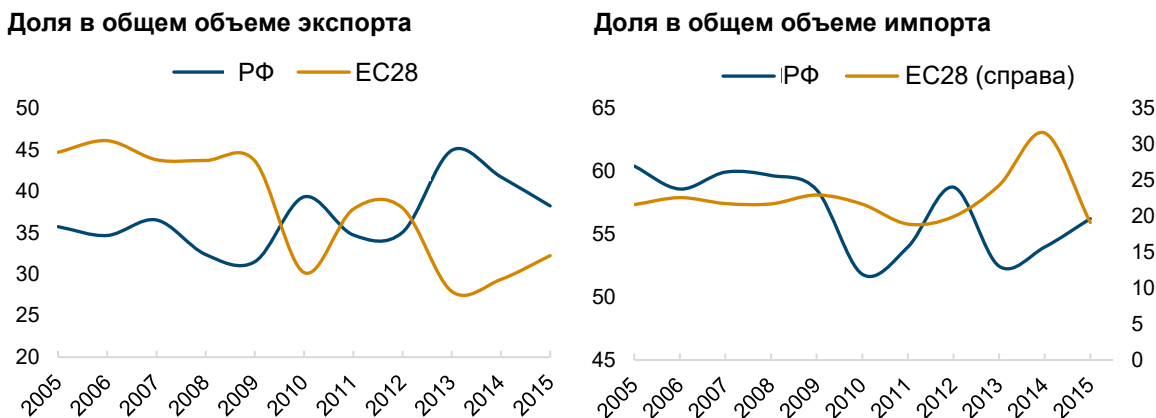

Импорт, % от общего объема

Источник: расчеты WIIW на основе Базы данных ООН по статистике торговли товарами (Comtrade).

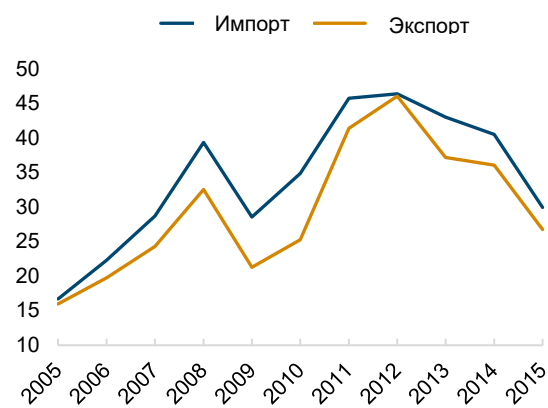
Диаграмма 3.2 / Доля РФ и ЕС-28 в общем объеме торговли Беларуси, 2005-2015 годы, %

Источник: расчеты WIIW на основе Базы данных ООН по статистике торговли товарами (Comtrade).

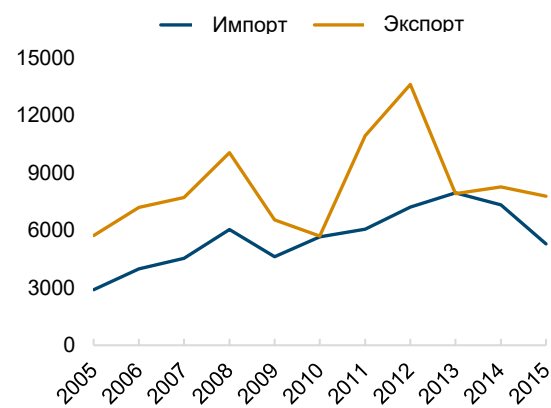
Динамика потока торговли Беларуси в значительной степени соответствовала экономическому циклу России и самой Беларуси. В то время как общее сальдо торгового баланса постоянно находится в отрицательной зоне, в Беларуси традиционно отмечалось положительное сальдо торгового баланса с ЕС (диаграммы 3.3 и 3.4).

Диаграмма 3.3 / Объем внешней торговли Беларуси, 2005-2015 годы, млрд долл. США

Источник: Базы данных ООН "Comtrade".

Диаграмма 3.4 / Объем внешней торговли Беларуси с ЕС, 2005-2015 годы, млн евро

Источник: База данных Евростата "Comext".

Торговля с Россией была в значительной степени либерализована до создания Евразийского таможенного союза (см. ниже), а евразийская интеграция не оказала большого влияния на объемы торговли. Тем не менее, в результате глобального экономического и финансового кризиса, а также влияния переориентации торговли в сторону Таможенного союза, в последние годы доля России в общем экспорте превысила долю ЕС (в целом наблюдается заметная негативная связь между ними) (Диаграмма 3.2). Высокая зависимость от российского рынка, усиленная евразийской интеграцией, представляет собой "обоюдоострый меч" для экономики

Беларуси. Тесная интеграция с Россией сослужила Беларуси хорошую службу в 2000-е годы, когда высокие и растущие цены на нефть способствовали росту в России, а Беларусь получила пользу от сильного спроса на импорт. Однако, поскольку в 2015 году Россия вступила в глубокую рецессию из-за резкого падения цен на нефть, дополненного рядом западных санкций и растущими геополитическими рисками, экономика Беларуси испытала сильное отрицательное воздействие.

В результате сильного ослабления российского рубля в конце 2014 года (валюта потеряла половину своей стоимости) российские производители получили конкурентное преимущество перед другими партнерами в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), поджимая белорусских производителей даже на внутреннем рынке. В ответ, и будучи не в силах противостоять давлению на валютные резервы, Беларусь также резко девальвировала свою валюту, тем самым восстановив ценовую конкурентоспособность, и попыталась перейти к более гибкому валютному режиму - в соответствии со стратегией ЕАЭС для облегчения общестрановой координации макроэкономической политики.

По данным официальной статистики, общий торговый оборот Беларуси в 2015 году составил 56,8 млрд долларов США (экспорт = 26,6 млрд долларов США, импорт = 30,1 млрд долларов США)¹¹³ и сократился более чем на 25% по отношению к 2014 году. Номинальный экспорт и импорт сократились примерно на четверть в течение года, а торговый баланс остался отрицательным. Тем не менее, в реальном выражении, в то время как импорт сократился в 2015 году на 11,3% по отношению к 2014 году, экспорт фактически увеличился на 2,4% благодаря корректировкам условий торговли (экспортные цены упали на 27,8%, цены на импорт снизились на 15,6%)¹¹⁴.

Торговый баланс со странами СНГ стал отрицательным в 2015 году (- 3,1 млрд долларов США), а со странами дальнего зарубежья - положительным (+0,8 млрд. долларов США) из-за сокращения импорта, опережающего сокращение экспорта в номинальном выражении. Торговля с Россией также значительно сократилась: экспорт - на 31,6%, импорт - на 23,4%, с отрицательным общим торговым балансом. Напротив, торговля с ЕС продолжила демонстрировать положительное сальдо (2 млрд евро в 2015 году).

Структура потока торговли и конкурентоспособность белорусской промышленности на международном рынке

Экспорт Беларуси в основном сосредоточен в добывающих отраслях, сельском хозяйстве/пищевой промышленности и некоторых отраслях обрабатывающей промышленности (см. Таблицу 3 Приложения). Глава 27 Гармонизированной системы (Минеральное топливо) традиционно доминировала в качестве ключевой товарной группы как в экспорте, так и в импорте, составляя более трети от общего объема торговли страны с большим отрывом от других видов продукции. Беларусь унаследовала от СССР большие нефтеперерабатывающие заводы, на которых поступающая из России сырая нефть перерабатывается в очищенное топливо, бензин и т. д. для дальнейшего экспорта в ЕС. В то время как удобрения занимают

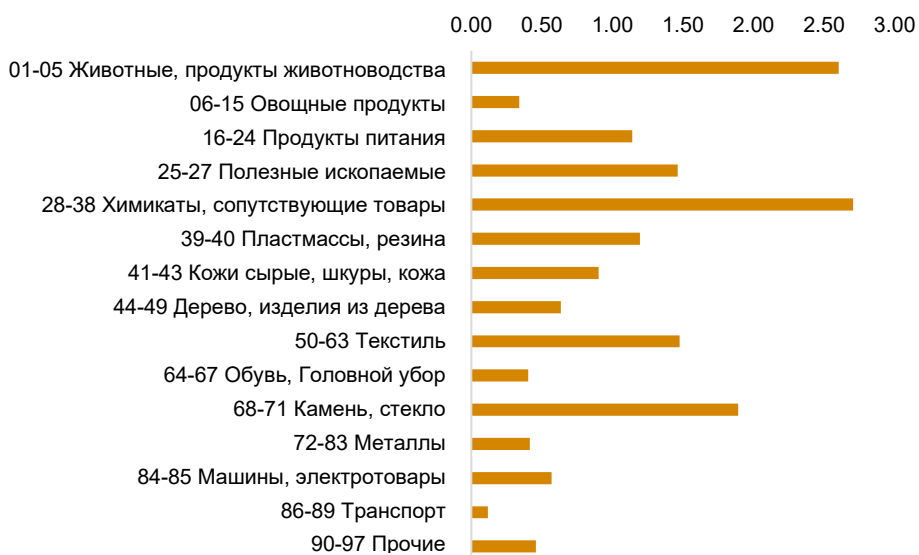
¹¹³ Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2015/

¹¹⁴ Белстат, http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/ob-itogakh-vneshney-torgovli-tovarami/

второе место в экспорте, некоторые более передовые отрасли промышленности - машины и транспортное оборудование - также входят в пятерку самых важных продуктов и с точки зрения доли в экспорте, и в плане доли в импорте.

Со временем доля сырьевых товаров в белорусском экспорте постепенно увеличивалась и сокращала долю экспорта обрабатывающей промышленности, который мог найти свое место на рынке преимущественно только в регионе СНГ. Конкурентоспособность белорусской промышленности на мировом рынке (измеренная по широко используемому индексу выявленных сравнительных преимуществ, см. Диаграмму 3.5) в основном обеспечивается сельскохозяйственной и пищевой продукцией, а также продукцией химической промышленности.

Диаграмма 3.5 / Конкурентоспособность белорусской промышленности на международном рынке: индекс выявленных сравнительных преимуществ¹¹⁵

Источник: Собственные расчеты на основе базы данных ООН "Comtrade".

Текстильная продукция и группы товаров из камня/стекла также выглядят довольно конкурентоспособными, хотя в основном это связано с экспортом в Россию и другие страны СНГ. Беларусь отличается относительно более диверсифицированной структурой промышленности в ЕАЭС, при этом большая часть производственных мощностей сохранилась со времен СССР. Тем не менее, в течение последнего десятилетия, конкурентоспособность относительно более развитых секторов ухудшалась, несмотря на протекционистские меры, введенные в рамках ЕАЭС, а также целевые государственные интервенции в поддержку секторов с высокой добавленной стоимостью. В этом плане, Беларусь является показательным примером против аргумента "детской индустрии", особенно актуального в контексте стран-членов ЕАЭС с аналогичными трудностями в развитии, связанными с недостаточной модернизацией отраслей,

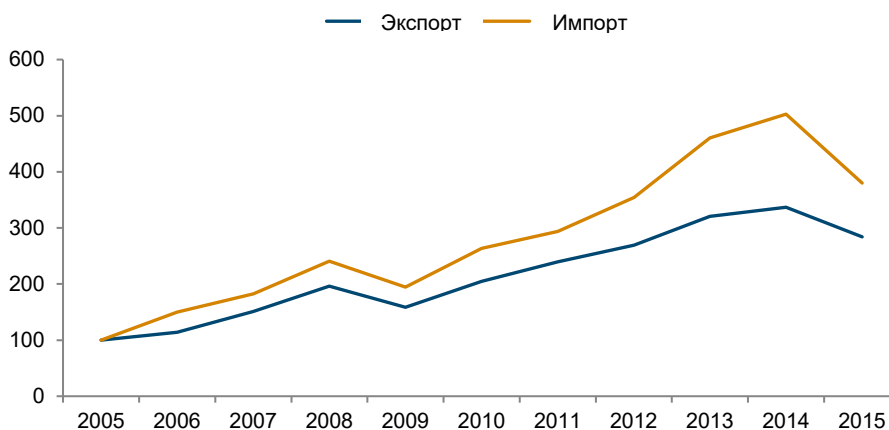
¹¹⁵ Индекс выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) или индекс Баласса (1986) измеряет сравнительные преимущества страны "с" в промышленности "i" в год "t" и выводится следующим образом: $RCA_i = \frac{x(i)_c / X_c}{x(i)_w / X_w}$, где "x(i)" - стоимость экспорта отрасли "i", а "X" - это общая стоимость экспорта в стране "с" или в мире (W). Страна показывает (выявляет) сравнительное преимущество в конкретной отрасли "i", если её индекс ВСП в этой отрасли больше единицы. (Б. Баласса, 1986).

слабой инфраструктурой и учреждениями. По сути, раздвоенность тенденций специализации белорусской торговли с Россией с одной стороны, и с ЕС - с другой стороны, не сильно изменилась за последнее десятилетие.¹¹⁶

ТОРГОВЛЯ УСЛУГАМИ

Доля торговли услугами в Беларуси увеличивается в общем объеме внешней торговли: по данным НБРБ, в 2005-2015 годах, доля услуг в общем объеме экспорта увеличилась почти на 7 п.п. до 20,2%; По импорту - доля услуг в общем объеме импорта возросла на 6,6 п.п. до 13,3%. Как экспорт, так и импорт услуг неуклонно росли в течение всего периода, при этом, падение торговли имело место только в кризисный 2009 год и недавно в 2015 году (Диаграмма 3.6). Импорт услуг опередил экспорт по темпам роста, но в стоимостном выражении экспорт по-прежнему превышает объем импорта примерно на 50% (см. Таблицу 1 Приложения). Положительное сальдо в торговле услугами в значительной степени способствует уменьшению дефицита текущего счета, который страна ведет с 2006 года.

Диаграмма 3.6 / Динамика общего объема торговли услугами в Беларуси в 2005-2015 годах, индекс номинального изменения, %, 2005 год = 100

Источник: Национальный банк Республики Беларусь.

С точки зрения своей структуры, в экспорте услуг доминирует сектор транспортных услуг, где ключевыми видами транспорта при грузовых перевозках являются железнодорожный, автомобильный транспорт и трубопроводы. Вместе с тем, с течением времени значимость перевозок сократилась, и их доля в общем объеме экспорта услуг сократилась с 64,6% в 2008 году до 47,2% в 2014 году (см. Диаграмму 3.7а). Вместо этого, страна увеличила свою относительную специализацию в сфере строительных услуг - при этом доля экспорта строительных услуг увеличилась с примерно 2% в 2008 году до более 15% в 2014 году. Наряду с этим, доля секторов ИКТ и туризма увеличилась в общем экспорте услуг до двузначных значений в 2014 году.

Значимость строительных услуг весьма выросла также и для импорта. Наибольший удельный вес в секторе услуг в 2014 году пришелся на импорт услуг - 26,6% (Диаграмма 3.7b). Два других

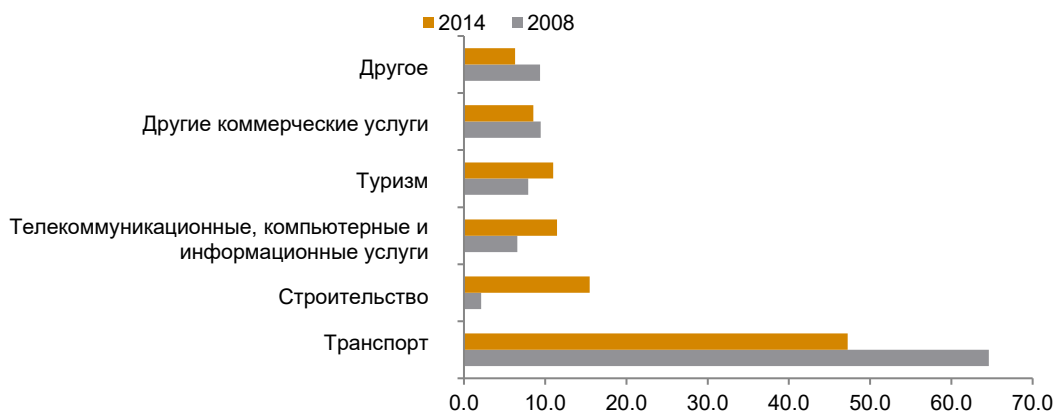
¹¹⁶ Хавлик и соавт. (2012) и Хавлик (2007).

ведущих сектора с точки зрения доли импорта - транспортные перевозки и туризм, однако их доля заметно снизилась в 2008-2014 годах - на 18,5 п.п. до 26,5% и на 5,9 п.п. до 20,2%, соответственно. Импорт финансовых услуг и сборов за интеллектуальную собственность незначительно вырос с точки зрения долей, однако эти секторы по-прежнему составляют относительно небольшую долю в общем объеме импорта услуг.

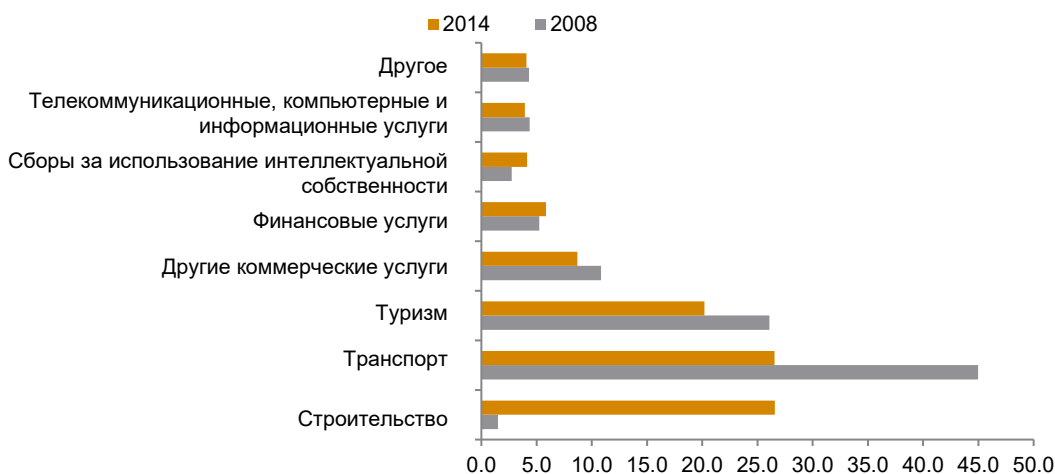
Данные о географической структуре торговли услугами в Беларуси весьма скудны, однако имеющиеся данные указывают на меньшее значение ЕАЭС как источника или места назначения для торговли услугами страны по сравнению с торговлей товарами. Сведения, имеющиеся в торговой базе данных ООН¹¹⁷ показывают, что в 2011 году на ЕС приходился основной объем экспорта и импорта услуг Беларуси, при этом соседние страны Литва и Польша являлись ведущими торговыми партнерами.

Диаграмма 3.7 / Отраслевая структура торговли услугами в Беларуси в 2008 и 2014 годах

а. Экспорт

б. Импорт

Источник: Национальный банк Республики Беларусь.

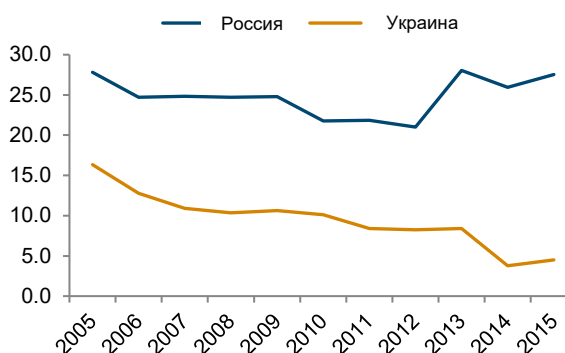
¹¹⁷ <http://unstats.un.org/unsd/servicetrade/default.aspx>.

Диаграмма 3.8 / Доля России и Украины в секторе торговли услугами Беларуси, %, 2005-2015 годы

Экспорт

Импорт

Источник: Национальный банк Республики Беларусь.

Диаграмма 3.8 показывает динамику торговли услугами Беларуси с Россией (Украина также показана для сравнения). На Россию приходилось около 25-30% как экспорта, так и импорта услуг в течение 2005-2015 гг., и эти доли не сильно изменились с течением времени. В 2015 году на долю России приходилось 95,2% экспорта услуг Беларуси, направляемых в ЕАЭС, на импорт - 97,6%.

Украина является относительно небольшим рынком для экспортеров услуг Беларуси. На её долю приходится менее 5% экспорта. Иная ситуация сложилась в отношении импорта услуг, где в 2005 году доля Украины превысила 16%, но она неуклонно снижалась и в 2015 году уже была ниже 5%.

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Экономика Беларуси основана на государственной собственности и на чрезмерно регулируемых условиях для частных инвесторов. Но с 2007 года власти предприняли некоторые меры по либерализации и дали простор для развития частного сектора. Это также являлось отправной точкой, когда иностранным инвесторам были представлены основные свободы и стандарты безопасности. 2008 год знаменует начало нового этапа приватизации; были введены инвестиционные стимулы и расширены сети свободных экономических зон.¹¹⁸ Новая программа приватизации была направлена на иностранных инвесторов, было отменено правило "золотой акции", так что частные инвесторы могли получить контроль над бывшими государственными предприятиями (ГП). Экономические трудности и углубление экономического спада сдержали в последние два года прямые иностранные инвестиции (ПИИ), несмотря на активизацию усилий правительства.

После 2007 года методология статистики ПИИ улучшилась, и данные теперь доступны на основе 6-го пересмотренного издания Руководства МВФ по платежному балансу (РПБб), за период с

¹¹⁸ ЮНКТАД (2009).

2008 года¹¹⁹ (Таблица 3.1; для получения более длительных временных рядов и информации об исходящих ПИИ см. Таблицу 4 Приложения).

Таблица 3.1 / Приток ПИИ и совокупный объем входящих ПИИ в Беларуси, 2008-2015 годы

Приток ПИИ

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Млн евро	1544	1321	1041	2787	1110	1690	1418	1444
Евро на душу населения	162	139	110	294	117	179	150	152
в % от ВВП	3,6	3,8	2,5	7,6	2,3	3,1	2,4	3,0
в % от ВНОК	10,9	10,7	6,4	19,8	6,7	8,2	7,1	10,4

Совокупный объем входящих ПИИ

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Млн евро	4778	5952	7479	10048	11011	12120	14617	16440
Евро на душу населения	502	627	789	1062	1164	1280	1542	1731
в % от ВВП	11,2	17,3	18,2	27,2	22,4	22,1	24,8	33,7

Примечание: РПБб, руководящий принцип

Источник: база данных ВИМЭИ по ПИИ, на основе национальных источников.

Приток ПИИ в Беларусь до 2007 года был незначительным, но с 2008 года ежегодный приток был довольно стабильным, в объеме порядка 1,5 млрд евро в год. Более низкий приток был зафиксирован в 2010 и 2012 годах, но ситуация была сглажена за счет более высокого притока в 2011 году. С учетом размеров страны, Беларусь получила больше ПИИ, чем Молдова и Украина, но меньше, чем новые страны-члены ЕС. Приток в размере порядка 160 евро на душу населения в Беларуси в три раза выше, чем в Молдове, и в два раза выше, чем в Украине, но ниже, чем у западных соседей: Литвы (185 евро) и Польши (200 евро). Однако приток ПИИ в % от ВВП или ВНОК (валового накопления основного капитала) был выше в Беларуси, чем в Литве или Польше.

Из-за относительно короткой истории ПИИ, совокупный объем ПИИ достиг более низких уровней, чем в странах с более длительной историей ПИИ. Совокупный объем ПИИ на душу населения в Беларуси (1,751 евро в 2015 году) составил менее 40% от уровня Польши и Литвы, при разнице в совокупном объеме ПИИ в % от ВВП в размере всего 15%. В более бедных Молдове и Украине гораздо более высокий совокупный объем ПИИ в % от ВВП, чем в Беларуси. Можно сделать вывод, что зависимость экономики Беларуси от ПИИ все еще не такая большая, как в соседних с ней странах.

ПИИ в Беларуси в основном российского происхождения. Объем ПИИ из этой страны составлял 57-58% от совокупного объема в 2009 и 2014 годах (соответственно, самый ранний и самый последний годы, по которым имеются данные). Кроме того, ПИИ из Кипра, по всей вероятности, также являются русского происхождения, таким образом зависимость от прямых и косвенных ПИИ из России, вероятно, больше. Концентрация потоков еще выше в исходящих ПИИ: Из 521 млн евро совокупного объема исходящих ПИИ 80% находится в России. Связь с Россией представляет собой наиболее важную разницу между Беларусью и ее соседями. Ни Украина, ни

¹¹⁹ База данных ВИМЭИ по ПИИ. Официальные источники в Беларуси обычно цитируют данные о валовых ПИИ в долларовом выражении; <http://www.economy.gov.by/en/investors/lgoty-preferencii/FIGURES>.

Молдова, не говоря уже о странах-членах ЕС, не имеют подобных показателей потоков и совокупных объемов российских ПИИ.

Таблица 3.2 / Совокупный объем входящих ПИИ по странам происхождения, 2009 и 2014 годы

		2009	2014	2009	2014
		Млн евро	Млн евро	% от общего	% от общего
1	Россия	3455,6	8359,9	58,1	57,2
2	Кипр	503,0	2322,3	8,5	15,9
3	Австрия	147,4	507,4	2,5	3,5
4	Нидерланды	153,3	363,3	2,6	2,5
5	Германия	141,7	250,7	2,4	1,7
6	Великобритания	120,1	241,9	2,0	1,7
7	Швейцария	39,8	228,1	0,7	1,6
8	Иран	34,4	205,4	0,6	1,4
9	Италия	12,1	169,0	0,2	1,2
10	Китай	1,9	139,0	0,0	1,0
11	Эстония	81,7	136,8	1,4	0,9
12	Латвия	67,0	119,1	1,1	0,8
13	США	86,6	116,9	1,5	0,8
14	Польша	40,5	116,1	0,7	0,8
15	Литва	46,4	99,6	0,8	0,7
16	Финляндия	19,3	85,7	0,3	0,6
17	Ливан	39,3	77,0	0,7	0,5
18	Украина	31,9	66,6	0,5	0,5
	Другие	930,1	1011,9	15,6	6,9

Примечание: Страны с не менее 0,5% совокупного объема ПИИ, РПБб, руководящий принцип.

Источник: база данных ВИМЭИ по ПИИ, на основе национальных источников.

Вторым важнейшим инвестором на большом расстоянии от России является Австрия, на которую приходится лишь 3,5% от совокупного объема ПИИ. Одним из крупнейших инвестиционных проектов в стране является приобретение компанией "Telekom Austria Group" местного мобильного оператора связи "Velcom" в ноябре 2007 года. Есть и другие новые проекты, создаваемый с нуля, ориентированные в основном на местный рынок (см. Таблицу 4 Приложения).

Некоторые западные компании находят свой путь в Белоруссию также и через Россию.¹²⁰ Две крупные франчайзинговые цепи, "McDonald's" и "TGI Friday's", открыли рестораны через своих российских франчайзинговых партнеров. Владелец франшизы "TGI Friday's", российская компания "Росинтер Ресторантс Холдинг", также владеет франшизой "KFC" в Беларуси. Франшиза "Burger King" в России под названием "Бургер Рус" осуществляет управление ресторанами "Burger King" в Беларуси.

Значительная часть ПИИ осуществлялась в рамках крупных приватизационных сделок; совместные предприятия с государственными предприятиями и инвестиции с нулевого цикла единичны. Продажа 50% акций национального газотранспортного предприятия "Белтрансгаз" российскому ОАО "Газпром" добавила 2,5 млрд долларов США в совокупный объем ПИИ четырьмя ежегодными платежами до февраля 2010 года.

¹²⁰ <http://belarusdigest.com/story/investment-climate-belarus-room-growth-22914>

Большая часть промышленности Беларуси до сих пор принадлежит государству. В 2016 году правительство объявило публичные торги и тендеры на доли в 60 государственных компаниях. Список, опубликованный Государственным комитетом по имуществу, включает в себя 56 открытых акционерных обществ и четыре предприятия как имущественные комплексы. Ни одно предприятие из числа "белых слонов" экономики страны в список не вошло, а большинству таких компаний требуется финансовая поддержка.¹²¹

Инвестиционные проекты с нуля

Подлинными предприятиями с иностранными инвестициями являются те, которые начинаются как инвестиции с нулевого цикла. Низкое число подобных проектов (Таблица 3.3) свидетельствуют о сложных условиях ведения бизнеса в стране. Согласно статистике, 2008-2013 годы были периодом, когда Беларусь была более привлекательна для иностранных инвестиций с нулевого цикла, чем до или после него. Число проектов сократилось в 2014-2015 годах, когда также ухудшились общие экономические показатели страны. Объем заявленных инвестиций колебался без определенной схемы (эти данные тоже не очень надежны, поскольку они в значительной степени приблизительны).

Таблица 3.3 / Проекты ПИИ с нуля в Беларуси

	Проекты	Капитальные затраты, млн евро	Создано рабочих мест
2015	11	688,2	3191
2014	7	263,3	1064
2013	22	808,7	3793
2012	16	521,9	1631
2011	29	874,9	3304
2010	36	1511,3	4872
2009	22	945,2	4905
2008	28	846,7	5054
2007	16	332,2	1592
2006	15	708,7	1566
2005	11	681,7	3624
2004	10	192,1	466
2003	15	755,1	1750
Итого	238	9130,2	36812

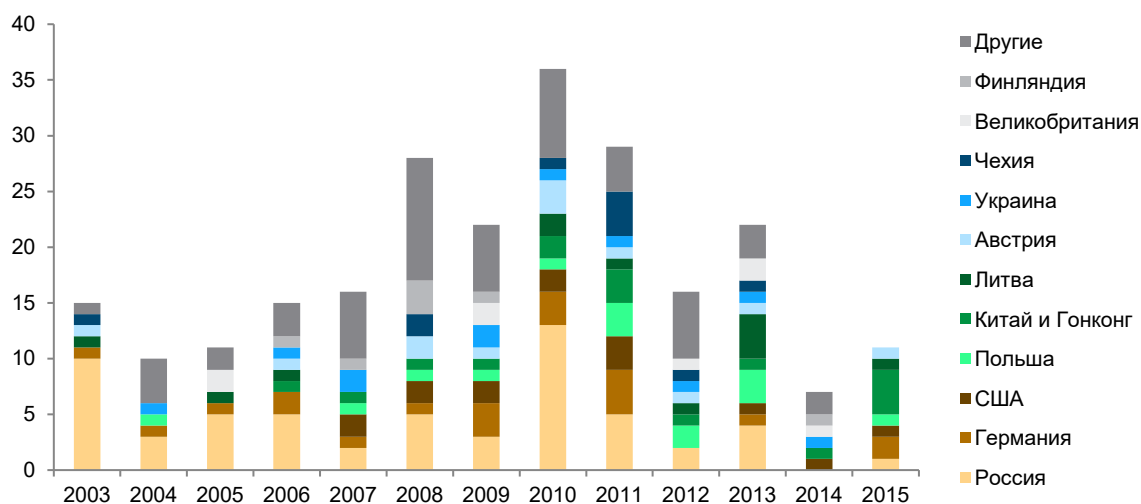
Капитальные затраты = заявленный инвестиционный капитал.

Примечание: Данные о капитальных затратах и рабочих местах включают ориентировочные значения.

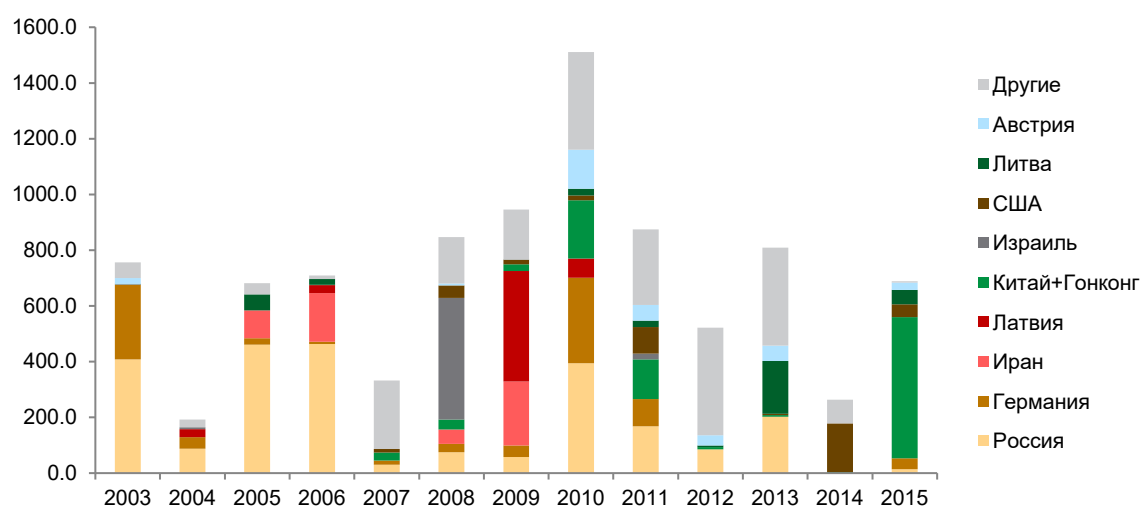
Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

Что касается стран, инвестирующих в проекты с нуля, в последние годы произошла некоторая диверсификация от доминирования России. Больше проектов было инициировано инвесторами из Германии, США, Польши, Китая и Гонконга, Литвы и Австрии (Диаграммы 3.9 и 3.10).

¹²¹ <http://www.financialobserver.eu/cse-and-cis/belarus/belarus-kick-starts-privatization-as-economy-stumbles/>

Диаграмма 3.9 / Количество проектов ПИИ с нуля по основным странам-инвесторам

Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

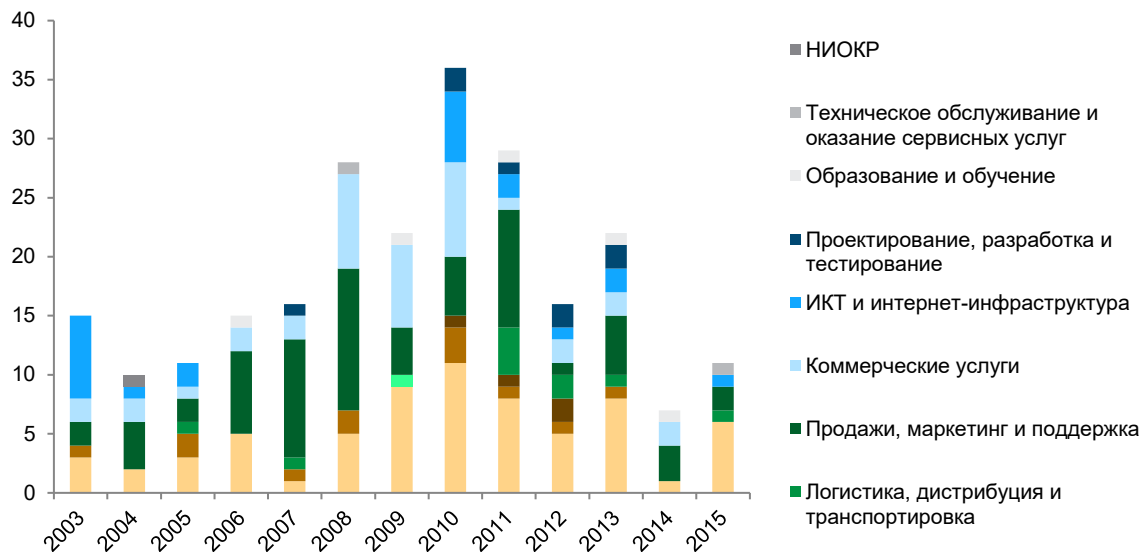
Диаграмма 3.10 / Заявленные капиталовложения в ПИИ с нуля по основным странам-инвесторам, млн евро

Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

Производство, а также продажи и маркетинг являются наиболее важными видами хозяйственной деятельности инвестиций с нулевого цикла. Современные услуги, такие как коммерческие услуги и пять других категорий (верхние сегменты баров на Диаграммах 3.11 и 3.12), включают в себя также важные категории. К ним относятся телекоммуникационные услуги внутреннего рынка, а также ориентированные на экспорт компании по разработке ИТ. Такие предприятия, которые являются менее капиталоемкими по своей природе, как правило, недостаточно представлены в статистике на основе инвестиционной стоимости и отражены в статистике по количеству проектов или занятости. 2014 и 2015 годы были "неурожайными" с точки зрения ПИИ с нулевого цикла, особенно в секторе услуг, что, вероятно, свидетельствует о том, что потенциальных инвесторов

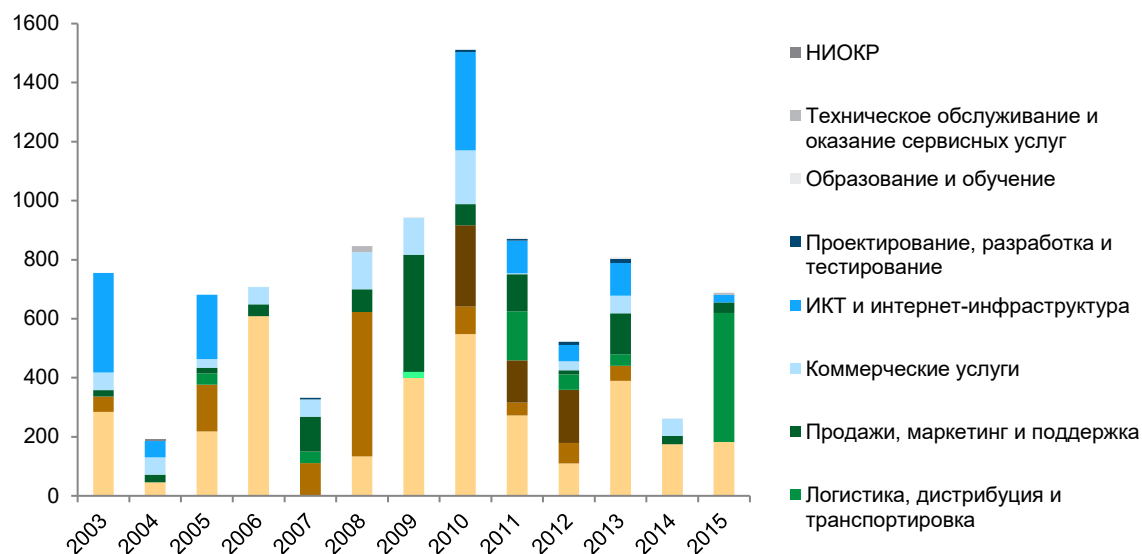
отпугивает ухудшение экономической ситуации в стране. Новым явлением для России и Беларуси является растущий интерес китайских инвесторов, по крайней мере, в плане инвестиционных намерений, если не в плане завершенных и функционирующих проектов.

Диаграмма 3.11 / Количество проектов ПИИ с нуля по видам хозяйственной деятельности

Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

Диаграмма 3.12 / Заявленные капиталовложения в ПИИ с нуля по видам хозяйственной деятельности, млн евро

Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

Специфические особенности политики в области ПИИ в Беларуси

Особенностью практики в области ПИИ в Беларуси является то, что государственные компании, как правило, создают совместные предприятия (СП) с иностранными инвесторами. По состоянию на 1 января 2015 года в стране насчитывалось 7 099 зарегистрированных компаний с иностранным капиталом, из которых 4 052 были совместными предприятиями, 3 018 - иностранными предприятиями и 29 - предприятиями другой формы.¹²² Общий вклад иностранных инвесторов в уставный капитал предприятий с участием иностранного капитала составил 2 648,0 млн долларов США (1 267,8 млн долларов США у совместных предприятий, 1 377,0 млн долларов США у иностранных предприятий и 3,2 миллиона долларов США у других предприятий). Таким образом, около половины зарегистрированного иностранного капитала приходилось на совместные предприятия. Этот режим входа ПИИ в первые годы экономических и политических преобразований имел преимущественную силу в странах с переходной экономикой, когда нормативно-правовая база находилась в процессе формирования, а доминирующая доля экономики все еще находилась в государственной собственности. СП является несколько расплывчатой концепцией и не представляет собой конкретную корпоративную форму. Её поддерживают власти Беларуси и Китая, где одним из участников СП является местный орган власти или государственное предприятие.

Свежим примером создания совместного предприятия является производство автомобилей. "Chevrolet" ("Opel") будет собираться в Беларуси компанией "General Motors" и "Unison", которая сама была создана как совместный белорусско-британский проект.¹²³ Компания "Unison" производила сборку "Peugeot" и "Citroën", а также китайских автомобилей. Позже автопроизводитель "Iran Khodro" присоединился к СП, чьи малые транспортные средства собирались на заводе. Другими партнерами в СП являются Правительство Беларуси и российская компания "Fenox Lada". В июне 2015 года, "General Motors" объявила о намерении перенести часть своих российских производственных мощностей в Беларусь после того, как в России упал спрос на автомобили "Opel".¹²⁴

Большинство проектов ПИИ с нуля реализуются в особых экономических зонах. В Беларуси существуют три такие формы: шесть свободных экономических зон (СЭЗ), Китайско-белорусский индустриальный парк и Белорусский парк высоких технологий. Особые зоны могут быть полезным инструментом политики в области ПИИ, особенно в странах с рискованными условиями ведения бизнеса и неопределенными имущественными правами. В таких обстоятельствах, надлежащие условия для инвестиций могут быть установлены по крайней мере в пределах ограниченной географической области. Власти могут также устанавливать особые права и стимулы для таких зон, как в Польше, а также в Беларуси.

Законодательство о СЭЗ предусматривает размещение компаний на их территории с помощью ряда стимулирующих мер и специальных положений.¹²⁵ Они привлекают в основном фирмы-экспортеры и складские предприятия. Компании, созданные в СЭЗ, освобождаются от налога на

¹²² <http://www.economy.gov.by/en/investors/lgoty-preferencii/FIGURES>

¹²³ http://www.belarus.by/en/business/business-news/general-motors-to-assemble-chevrolet-or-opel-cars-in-belarus_i_0000010654.html

¹²⁴ <http://wardsauto.com/industry/general-motors-shifts-russian-production-belarus>

¹²⁵ <http://www.belarus.by/en/invest/investment-climate/free-economic-zones>

прибыль сроком на пять лет и уплачивают половину установленной ставки еще на протяжении пяти лет. Они пользуются 50% скидкой по НДС на импортозамещающие товары, произведенные в пределах СЭЗ. Они также освобождаются от ряда менее значимых налогов, а также таможенных пошлин на сырье и оборудование. К 2014 году, такими возможностями воспользовалось около 270 иностранных компаний.¹²⁶

Китайско-белорусский индустриальный парк "Великий камень" является недавно созданным территориальным предприятием площадью 91,5 кв. км с особым правовым статусом, призванным обеспечить комфортные условия для ведения бизнеса.¹²⁷ Согласно генеральному плану, разработанному белорусскими и китайскими учреждениями, на территории парка должны быть размещены производственные и жилые объекты, офисные объекты и торговые центры, финансовые и научно-исследовательские центры. Любая компания, независимо от страны происхождения капитала, может стать резидентом этого индустриального парка.

Парк высоких технологий не ограничивается территорией, но предоставляет особый статус высокотехнологичным компаниям. Отвечающие этим требованиям компании могут располагаться в любом месте Беларуси. Первые резиденты были зарегистрированы в 2006 году. К середине 2016 года резидентами Парка стали 152 компании. Половина из них - иностранные компании или совместные предприятия, в которых работают местные специалисты сферы ИКТ за относительно низкую (по международным стандартам) заработную плату. Технологические компании, ставшие "резидентами Парка высоких технологий", освобождаются от всех налогов, включая НДС, налог на прибыль и таможенные пошлины.¹²⁸ Налог на доходы физических лиц зафиксирован в размере 9% для сотрудников компаний-резидентов. Все эти благоприятные условия должны действовать, по крайней мере, до 2020 года. ИКТ-индустрия является главным образом экспортоориентированной и экспортируется в США, ЕС и Россию. В 2015 году экспорт, осуществленный резидентами Парка высоких технологий достиг 800 млн долларов США, что составляет 12% от общего объема экспорта белорусских услуг.¹²⁹

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ

Торговый режим в рамках Евразийского экономического союза

Традиционно, внешнеэкономические условия Беларуси были во многом обусловлены ее тесными экономическими связями и отношениями с Россией, а с недавнего времени - их развитием в контексте проекта евразийской интеграции, возглавляемым Россией. Евразийская экономическая интеграция формально развивается очень быстро, начиная с образования в 2010 году Евразийского таможенного союза Беларуси, России и Казахстана. Лишь два года спустя, этот блок был заменен Евразийским таможенным союзом – Единым экономическим пространством, а в 2015 году – Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Последний также географически расширился и теперь включает, кроме трех членов-учредителей, Армению и Кыргызстан.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ <http://www.economy.gov.by/en/investors/China-Belarus-Industrial-Park>

¹²⁸ <http://www.belarus.by/en/invest/investment-climate/high-technology-park>

¹²⁹ <http://www.park.by/post-1204/>

В то время как Таможенный союз был направлен только на либерализацию взаимной торговли товарами за счет ликвидации тарифов и введения единого внешнего тарифа (ЕВТ), ЕАЭС будет стремиться довести интеграцию до качественно нового состояния, выходящего за рамки вопросов, связанных с торговлей, а также содействующего реализации так называемых "четырёх свобод" – общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также координации экономической политики, что планируется достичь к 2025 году (для детальной информации о Евразийской экономической интеграции и истории её становления, см. Блок 3.1).

БЛОК 3.1 / КРАТКАЯ СПРАВКА О ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Евразийская экономическая интеграция на настоящий момент остается наиболее успешной попыткой реинтеграции экономик постсоветского пространства. После неоднократных безрезультатных усилий по облегчению многостороннего экономического сотрудничества в рамках более широкого круга стран-участниц Содружества Независимых Государств (СНГ), Беларусь, Казахстан и Россия были единственными странами, которым удалось достичь консенсуса и создать Таможенный союз в 2010 году (*Таможенный союз ЕАЭС*).

Как и в других таможенных союзах, в основе Таможенного союза ЕАЭС лежат следующие ключевые договоренности: (1) свободное перемещение товаров по территории государств-членов, (2) единая таможенная территория для государств-членов, (3) единая классификация товаров, (4) единый внешний тариф, применяемый к торговым партнерам, не являющимся членами, и (5) гармонизированные нетарифные меры и процедуры. Единый внешний тариф (ЕВТ), подлежащий применению каждым государством-членом к импорту от торговых партнеров, не входящих в блок, в основном перенят от существующей структуре российских импортных пошлин с целым спектром временных исключений, согласованных и предоставленных странам-членам на определенную "чувствительную" продукцию. В 2012 году, эти три государства-члена перешли к процессу интеграции путем создания *Таможенного союза ЕАЭС - Единого экономического пространства (ТС ЕАЭС-ЕЭП)*, который объявил своей конечной целью достижение единого рынка не только товаров, но и услуг, капитала и рабочей силы. Запуск нового формата сопровождался также созданием Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), наднационального органа, призванного осуществлять непосредственный надзор за процессом интеграции и наделенного полномочиями по регулированию в определенных областях, включая таможенные, санитарные и фитосанитарные меры (СФС) и техническое регулирование.¹³⁰

С формированием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в январе 2015 года, государства-члены разработали дальнейшие планы по углублению экономических связей путем внедрения рамочных механизмов по координации и согласованию экономической политики и путем подтверждения своей приверженности облегчению свободного передвижения товаров и производственных факторов. Целый ряд правил и намерений был подробно изложен в Договоре о Евразийском экономическом союзе - документе, который содержит более тысячи статей, сгруппированных в четыре раздела, в которых предусматривается ряд направлений для интеграции, включая торговлю, техническое регулирование, меры СФС, защиту интересов потребителей, макроэкономическую политику, финансовые рынки, налоги, конкуренцию и естественные монополии, энергетику, транспорт, закупки и миграцию.¹³¹ Хотя во

¹³⁰ См. вебсайт ЕЭС: www.eurasiancommission.org/en

¹³¹ Документ доступен по ссылке <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610>

многих отношениях, положения повторяют ранее озвученные цели и правила, одной из примечательных особенностей является то, что союз будет стремиться к устранению остающихся барьеров во взаимной торговле товарами (в основном связанных с расхождениями в технических требованиях и правилах СФС).

Договор также обеспечивает основу для общего энергетического рынка (нефть, газ, электроэнергия), что является одной из наиболее противоречивых проблем в рамках блока, хотя общего рынка ожидается достичь только к 2025 году. Государства-члены должны будут обеспечить национальный режим в предоставлении услуг и равный доступ к рынку труда на всей территории союза. Договор также провозглашает необходимость координации экономической политики, что потенциально должно привести к более тесной финансовой интеграции. Цель заключается в создании общего наднационального органа для надзора за финансовыми рынками (предусмотрено на 2025 год).

Источник: Адаров (2015b).

ЕАЭС представляет собой относительно большой рынок с населением более 180 миллионов человек и общим объемом продукции в размере 2 триллионов долларов США¹³², хотя это составляет менее 20% от общего ВВП ЕС (по ППС). Важно отметить, что структура рынка ЕАЭС весьма асимметрична: более 80% его общего ВВП относится к России, в то время как экономика Беларуси составляет лишь небольшую часть экономики ЕАЭС - менее 4% (см. Диаграмму 3.13). Поэтому, только с точки зрения доступа к значительно более крупному рынку России, Беларусь, по-видимому, является бенефициаром усилий Евразийской интеграции, особенно в свете её низкой конкурентоспособности на других рынках и сильной связи традиционной торговли и добавленной стоимости с Россией в целом ряде отраслей (без учета долгосрочных структурных последствий такой зависимости).

Диаграмма 3.13 / Состав рынка ЕАЭС, доля ВВП по ППС 2014 года

Источник: Расчеты, основанные на данных Доклада МВФ о перспективах развития мировой экономики.

Таможенные соглашения ЕАЭС обеспечивают относительно прочную защиту для местных производителей в Беларуси. Единый внешний тариф (ЕВТ), введенный в 2010 году в Таможенном

¹³² В текущих ценах в долларах США, по состоянию на 2014 год (ИМП Всемирного банка); с точки зрения ППС, совокупный ВВП в ЕАЭС составляет 4,4 триллиона в текущих международных ценах в долларах США.

союзе ЕАЭС, был в значительной степени основан на структуре импортных пошлин в России в соответствии с её обязательствами в рамках ВТО (Диаграмма 3.14). Структура импортных пошлин в Беларуси, однако, уже была похожа на таковую в России, и принятие Единого внешнего тарифа не вызвало существенных изменений в его структуре тарифов (в отличие от Казахстана, имевшего более либеральный торговый режим до присоединения к ЕАЭС, см. Диаграмму 3.15). Помимо этого, тарифные квоты (ограничение максимального количества товаров, которые могут быть ввезены по сниженным тарифным ставкам, но не ограничивающее общее количество импорта), введенные Беларусью в отношении импорта некоторых видов мясной продукции, а также ряд нетарифных мер (санитарные и фитосанитарные стандарты, техническое регулирование и т.д.) также защищают внутренний рынок от конкурентов, не являющихся членами ЕАЭС.

Диаграмма 3.14 / Структура импортных тарифов Республики Беларусь, 2014 год, %

Диаграмма 3.15 / Изменение средней ставки импортного тарифа после внедрения ЕВТ, %

Примечание: Ставки, применяемые для стран, пользующихся режимом наибольшего благоприятствования с адвалорным эквивалентом, основанные на методе Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), средние и максимальные значения по сектору на основе 6-значных тарифных данных по продуктовой линейке Гармонизированной системы, объединенные в широкие отраслевые группы для удобочитаемости (соответствующие 2-значные коды ГС рядом с отраслевыми метками).

Источник: Собственные расчеты на основе данных WITS Всемирного банка.

Источник: ИМП Всемирного банка.

Что касается вопросов, связанных с торговлей, то помимо ЕАЭС, Беларусь также является членом Зоны свободной торговли Содружества Независимых Государств (ЗСТ СНГ). На данный момент, Соглашение о ЗСТ СНГ вступило в силу для Армении, Беларуси, Казахстана, Молдовы,

России и Украины. Кроме того, между Беларусью и другими странами СНГ, а также Сербией действуют двусторонние соглашения о свободной торговле. Однако, по сравнению с регуляторными последствиями и торговыми потоками в рамках ЕАЭС, эти механизмы оказывают лишь незначительное влияние на внешнюю торговлю Беларусью.

Членство в ВТО, нетарифные барьеры и другие вызовы для Беларуси, связанные с торговлей

Одновременное членство членов ЕАЭС в ВТО представляет собой еще один вызов для блока.¹³³ Беларусь остается единственной страной в составе блока, которая не является членом ВТО и относится к тем немногим странам мира, до сих пор не вступившим в ВТО. В то же время она косвенно соблюдает правила ВТО через обязательства своих партнеров по ЕАЭС. До 2015 года Россия была единственной страной в блоке ЕАЭС, которая также являлась и членом ВТО (присоединилась в 2012 году) и, таким образом, её обязательства были трансформированы в положения Таможенного союза ЕАЭС. В отличие от более ранних евразийских интеграционных структур (ТС ЕАЭС, ЕАЭС-ЕЭП), ситуация во вновь образованном ЕАЭС весьма различна: недавно принятые члены блока уже являлись членами ВТО (Армения вступила в ВТО в 2003 году, а Кыргызстан - ещё в 1998 году). После завершения переговоров по вступлению Казахстана в 2015 году, Беларусь остается единственной страной блока, не входящей в ВТО.

Факт того, что каждый из членов ЕАЭС вступил в ВТО самостоятельно и на весьма иных условиях, представляет собой проблему в области регулирования для гармонизации правил торговли ЕАЭС, не говоря уже о многочисленных чувствительных политических вопросах. Таким образом, исключения и контроль над правилами происхождения могут препятствовать взаимной торговле и побудить к восстановлению определенного уровня внутреннего пограничного контроля. Сама Беларусь, по всей видимости, по-прежнему довольно далека от удовлетворения первоначальных требований, озвученных ВТО в отношении сельскохозяйственных субсидий и высокого уровня государственного участия в экономике. Переговоры о присоединении уже тянутся в течение многих лет с Рабочей группой по вступлению Беларуси, образованной в 1993 году.¹³⁴

Хотя страны-члены ЕАЭС заявили о своей приверженности договоренностям в рамках экономического союза, барьеры по-прежнему существуют даже в отношении торговли товарами. Евразийская экономическая комиссия, наднациональный орган, регулирующий евразийскую интеграцию, сама определила 603 барьера, исключения и различных ограничений на торговлю товарами и услугами, движение рабочей силы и капитала.¹³⁵ Устранение существующих нетарифных барьеров, которые до сих пор существенны в ЕАЭС (по некоторым сведениям, они могут приводить к увеличению затрат на экспорт в рамках ЕАЭС до 15-30%), может стать важной

¹³³ См. Адаров (2015а).

¹³⁴ См. также: www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_belarus_e.htm. Для ознакомления с некоторым более ранним базовым анализом позиции Беларуси к ВТО и связанных с ней проблем, см: Курилюк и соавт. (2007 г.).

¹³⁵ Подробный отчет о нетарифных барьерах на пути движения товаров, услуг, а также факторах производства доступен в ЕЭС (2015 г.).

мерой по устранению текущей стагнации внутриблоковой торговли, которая особенно важна для Беларуси, учитывая её значительную подверженность влиянию России.¹³⁶

Намерения, изложенные в Договоре о ЕАЭС, краеугольном нормативном документе Союза, и неоднократно провозглашаемые представителями государств-членов и Евразийской экономической комиссией, несомненно, обеспечивают путь для более глубокой и многогранной интеграции. Тем не менее, степень способности государств-членов в полной мере соблюдать и эффективно осуществлять их вызывает беспокойство. Эти трудности были подтверждены на недавнем саммите глав государств-членов ЕАЭС, состоявшемся в Астане в мае 2016 года, отметившем падение торгового оборота, препятствия для взаимной торговли, постоянные торговые споры и другие препятствия.

В связи с этим, одностороннее введение санкций Россией в отношении отдельных европейских (в том числе, украинских) агропродовольственных товаров импорта в ответ на западные санкции подрывает веру в надежность евразийской интеграции и ЕЭК, который, как предполагается, является высшим органом в области разработки и реализации совместной политики блока в области торговли. В свете неидеальной практики соблюдения и торговых споров в рамках евразийского блока это вряд ли выглядит удивительным. Споры между Россией и Беларусью были особенно резонансными: если вспомнить некоторые ранние споры, спор о растворителях в 2012 году¹³⁷, или политически заряженные запреты на импорт молока и молочных продуктов из Беларуси, введенные Россией в 2009 году. Совсем недавно, в 2014-2015 годах запрет на мясо и морепродукты был введен Россией в отношении импорта из Беларуси после обвинений в реэкспорте санкционных западных продуктов питания, что также привело к таможенным проверкам на границе со стороны российских властей, что стало фактическим препятствием на пути взаимной торговли. В связи с этим, программа импортозамещения, которая недавно была принята в России, может также нанести ущерб белорусским производителям не только по причине потери доли на рынке, но и путем предотвращения формирования трансграничных производственно-сбытовых цепочек, которые как правило, рассматриваются как важный аспект экономической интеграции.

Для Беларуси один из важных аспектов евразийской интеграции также связан с импортом горюче-смазочных материалов. Переговоры о "справедливой" цене на нефть и газ, купленные у России, долгое время являлись предметом недовольства в двусторонних отношениях и политических переговорах.¹³⁸ Столь желанный Беларусью, единый евразийский нефтяной рынок ожидается запустить в лучшем случае в 2024 году, а на данный момент общая стратегия в отношении интеграции энергетического рынка также является предметом интенсивных дискуссий между членами ЕАЭС, которые прямо или косвенно зависят от внешней торговли энергетическими товарами, при отсутствии консенсуса по таким вопросам, как механизм установления цен, нефтяные стандарты и инфраструктура.

¹³⁶ См. также И. Пелипась и соавт. (2014 г.).

¹³⁷ Россия разоблачила схему, которую использовала Беларусь для экспорта бензина и других нефтепродуктов, переработанных из импортированной российской сырой нефти, под видом "растворителей", чтобы избежать уплаты таможенных пошлин в России.

¹³⁸ В дополнение к членству в ЕАЭС, с 2000 года существует "Союзное государство Беларуси и России" с весьма амбициозной программой интеграции между двумя странами, включающей политическое и экономическое сотрудничество, единую валюту и т.д. Эти планы, как представляется, положены на полку некоторое время назад.

В целом, во внешней торговле Беларуси существуют значительные асимметрии как по промышленной структуре торговли (с преобладанием минеральных продуктов), так и по географической ориентированности (в значительной степени сосредоточенной на российском рынке). Хотя некоторые успехи и были достигнуты в ослаблении существующих барьеров в торговле в рамках ЕАЭС, многие вопросы все еще сохраняются, и их решение в настоящее время даже усложняется, учитывая ухудшение макроэкономических перспектив России, влияющее на Беларусь, а также глубоко укоренившиеся структурные проблемы в Беларуси, которые препятствуют преобразованию страны в более конкурентоспособное государство.

Торговые отношения с ЕС

Традиционно отношения Беларуси с ЕС были напряженными, и ЕС критиковал ситуацию с правами человека в Беларуси и, как правило, медленный прогресс в осуществлении экономических реформ. Ратификация Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Республикой Беларусь (заключено в 1995 году) была заморожена с 1997 года в ответ на политическую ситуацию в стране: нарушения выборных стандартов и подавление гражданского общества, политической оппозиции и независимых средств массовой информации.¹³⁹ Несмотря на периодические санкции ЕС, Беларусь была включена в инициативу ЕС "Восточное партнерство" (вместе с Арменией, Азербайджаном, Грузией, Молдовой и Украиной). Президенту А.Лукашенко удалось относительно успешно маневрировать между Россией и ЕС (например, не признавая независимость Южной Осетии и Абхазии, российскую аннексию Крыма и т.д.), с недавним предложением услуг посредника в российско-украинском конфликте в Минске и т.д. В знак возможного изменения отношения, ЕС частично отменил существующие санкции в отношении Беларуси - несмотря на то, что в Беларуси не произошло видимых изменений во внутренней политике, которые изначально привели к их введению.

Список использованных источников

Adarov, A. (2015a), 'Challenges of Eurasian economic integration', *wiiw Monthly Report* No. 12/2015, The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), December. / А. Адаров (2015a), "Вызовы Евразийской экономической интеграции», *ежемесячный отчет wiiw* №12/2015, Венский институт международных экономических исследований (wiiw), декабрь.

Adarov, A. (2015b), 'Eurasian integration implications for Armenia and Kyrgyzstan', *wiiw Monthly Report* No. 9/2015, The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), September. / А. Адаров (2015b), "Последствия Евразийской интеграции для Армении и Кыргызстана", *ежемесячный отчет wiiw* №9/2015, Венский институт международных экономических исследований (wiiw), сентябрь.

Balassa, B. (1986), 'Comparative advantage in manufactured goods: a reappraisal', *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 68, No. 2, pp. 315-319. / Б. Баласса (1986), "Сравнительные преимущества переработанной продукции: переоценка", *Обзор экономики и статистики*, том 68, №2, стр. 315-319.

Eurasian Economic Commission (2015). 'On the situation regarding the elimination of barriers and exclusions for the mobility of goods, services, capital and labour in the internal market of the Eurasian Economic Union'. Analytical report available at:

¹³⁹ См. http://eeas.europa.eu/belarus/index_en.htm. Более подробная информация об отношениях ЕС с Беларусью доступна на http://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/belarus_2014_2017_programming_document_en.pdf.

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages/default.aspx /

Евразийская экономическая комиссия (2015), "О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы". Аналитический доклад доступен по ссылке

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages/default.aspx

Havlik, P. (2007), 'Structural Change and Trade Integration on EU–NIS Borders', *wiiw Research Report*, No. 340, The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), May. / П. Хавлик (2007), "Структурные изменения и торговая интеграция на границах ЕС и Новых Независимых Государств», доклад об исследованиях *wiiw* №340, Венский институт международных экономических исследований (wiiw), май.

Havlik, P., V. Astrov and O. Pindyuk (2012), 'Trade Integration in the CIS: Alternate Options, Economic Effects and Policy Implications for Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine', *wiiw Research Report*, No. 381, The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), September. / П. Хавлик, В. Астров и О. Пиндюк (2012), "Торговая интеграция в СНГ: альтернативные варианты, экономические эффекты и политические последствия для Беларуси, Казахстана, России и Украины, доклад об исследованиях *wiiw* №381, Венский институт международных экономических исследований (wiiw), сентябрь.

Kurilionak, K., V. Medvedev and S. Vassilevsky (2007), 'The Consequences of WTO Accession for Belarus', *wiiw Research Report*, No. 334, The Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw), January. / К. Курилюнак, В. Медведев и С. Василевский (2007), "Последствия вступления Республики Беларусь в ВТО", доклад об исследованиях *wiiw* №334, Венский институт международных экономических исследований (wiiw), январь.

Pelipas, I., Tochitskaya, I. Shimanovich, G. and Anisimov, A. (2014), 'The Assessment of the Impact of Non-tariff Barriers on Mutual Trade of the Eurasian Economic Space Based on Exporter Enterprise Surveys', *Eurasian Economic Integration*, issue 4 (25), p. 5-30. / И. Пелипас, И. Тоцицкая, Г. Шиманович и А. Анисимов (2014), "Оценка влияния нетарифных барьеров на взаимную торговлю в ЕЭП на основе опроса предприятий-экспортеров", Евразийская экономическая интеграция. выпуск № 4 (25), стр. 5-30.

UNCTAD (2009), *Investment Policy Review, Republic of Belarus*, UNCTAD, Geneva. / ЮНКТАД (2009), Обзор инвестиционной политики, Республика Беларусь, ЮНКТАД, Женева.

4. Текущая макроэкономическая ситуация: дилеммы политики

АВТОР: ДМИТРИЙ КРУК

МЯГКИЕ БЮДЖЕТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И КВАЗИФИСКАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Белорусская экономика представляет собой особый случай среди всех стран с переходной экономикой ввиду как ее институциональной структуры (господство государственной собственности, прямое вмешательство государства в экономику и ее отдельные секторы, см. Главу 1), так и ее особой политики (обсуждается далее в этой главе). Эти две основы связаны через систему квазифискальных операций (КФО), включающую практику мягких бюджетных ограничений (МБО) в отношении государственных компаний и банков. Распространенность КФО обусловлена невнятностью системы управления экономикой и отсутствием надлежащей отчетности. Кроме того, проведение оценки влияния квазифискальных операций тоже проблематично и многое зависит от применяемых механизмов и инструментов. Ряд научных и политических исследований посвящен отдельным областям системы КФО-МБО в Беларуси: например, КФО в секторе энергетики¹⁴⁰, МБО для сельского хозяйства¹⁴¹ и производства¹⁴², или ее отдельным инструментам, таким как целевое кредитование¹⁴³. Одно из исследований, в котором была предпринята попытка более целенаправленно рассмотреть и оценить влияние КФО-МБО, проводилось Всемирным банком¹⁴⁴. Но даже это исследование главным образом стремилось проследить влияние КФО на исполнение бюджета, и не представило доказательств о влиянии системы КФО-МБО в масштабах всей экономики.

Система КФО-МБО является чрезвычайно важной для понимания белорусской экономики, поскольку масштабы ее влияния и воздействия всецело охватывают экономику, от стимулов на микроэкономическом уровне до макроэкономических показателей, от стороны предложения до стороны спроса. На стороне предложения она стремится обеспечить перемещение ресурсов по желанию власти и обеспечить поддержку отдельных отраслей/предприятий. В связи с этим, КФО могут рассматриваться в качестве инструмента для достижения институциональных целей и приоритетов. На стороне спроса интенсивность КФО и МБО влияет на структуру капитальных вложений (и в меньшей степени - на конечное потребление). Благодаря этому, можно рассматривать такие операции как часть комплекса мер политики, которые могут непосредственно влиять на цикл деловой активности.

¹⁴⁰ Точицкая (2007).

¹⁴¹ Всемирный банк (2009).

¹⁴² Всемирный банк (2010).

¹⁴³ Крук и Гайдук (2013).

¹⁴⁴ Всемирный банк (2011).

Согласно классификации КФО¹⁴⁵, которую дает МВФ, в Беларуси активно используются две функциональные группы инструментов КФО: те, которые связаны с финансовой системой, и те, которые касаются сектора коммерческих предприятий.¹⁴⁶

За последние два десятилетия операции, связанные с финансовой системой, были представлены в основном целевым (субсидированным) кредитованием (см. Главу 1 для получения более подробной информации). К началу 2016 года объем непогашенных целевых кредитов составил порядка 18% от ВВП или 40% от активов банков.¹⁴⁷

Диаграмма 4.1 / Кредитные гарантии центральных органов государственного управления, 2007-2016 годы

Источник: Министерство финансов; Белстат, расчеты автора.

Совсем недавно получил широкое распространение ряд дополнительных финансовых КФО: предоставление неявных государственных гарантий и государственной финансовой помощи государственным предприятиям.¹⁴⁸ В прошлом государственные гарантии были, в основном, необязательным дополнением к целевому кредитованию. Однако в последние годы наблюдается общая тенденция ограничения новых открытых целевых кредитов (как по объему, так и по условиям кредитования). Вместо этого стала более широко распространяться практика

¹⁴⁵ МВФ (2007), Блок 19, стр. 80.

¹⁴⁶ Исторически сложилось так, что инструменты, связанные с валютным курсом и торговыми операциями, также были задействованы (например, нетарифные барьеры и множественные валютные курсы). Однако использование этих инструментов был довольно слабым с точки зрения интенсивности и регулярности. Кроме того, в последние годы (после валютного кризиса 2011 года и особенно 2014 года) эти инструменты в основном не использовались властями в свете их усилий по повышению прозрачности в вопросах обменного курса.

¹⁴⁷ Мурин (2016).

¹⁴⁸ Последнее рассматривается в следующем разделе данной главы.

предоставления государственных гарантий по банковским кредитам, предоставляемым государственным предприятиям, частично в качестве компенсирующих мер по сокращению целевого кредитования. Таким образом, в последние годы государственные гарантии стали важным компонентом системы КФО, в некоторых случаях не дополняя (как раньше), а заменяя целевое кредитование. На настоящий момент объем кредитных гарантий центральных органов государственного управления, обязательства по которым еще не исполнены, достиг примерно 10% от ВВП (Диаграмма 4.1).

Помимо центральных органов государственного управления, подобные кредитные гарантии государственным предприятиям оказывают местные органы государственного управления.¹⁴⁹ Объем гарантий местных органов власти, обязательства по которым еще не исполнены, в 2015 и 2016 годах оценивается в диапазоне 3,5-4,0% от ВВП (или 8-9% от кредитного портфеля банков¹⁵⁰). Таким образом, общий объем гарантий центральных и местных органов государственного управления, обязательства по которым еще не исполнены¹⁵¹, достиг примерно 14% от ВВП.

В целом, КФО, связанные с финансовой системой (в лице целевого кредитования и государственных гарантий), стали инструментами укрывания широкого спектра бенефициаров в условиях мягких бюджетных ограничений. Таким образом, это составило наиболее значительную часть "квазифискального навеса" для экономики.¹⁵²

Операции, связанные с сектором коммерческих предприятий, представлены в основном "взиманием платы по ценам ниже коммерческих".¹⁵³ Цель и практика использования этого инструмента зависят от сектора, где он применяется. Существует два основных сектора, в которых такие квазифискальные импульсы индуцируются, а позже распространяются по всей экономике – это энергетика и сельское хозяйство (см. Блок 4.1).

¹⁴⁹ "Разделение труда" между центральными и местными органами государственного управления устанавливается в зависимости от состояния и размера предприятия-получателя гарантии.

¹⁵⁰ Сведения о гарантиях, предоставляемых местными органами государственного управления, доступны только за период с 2015 года.

¹⁵¹ Внутренние и внешние гарантии центральных органов государственного управления (Диаграмма 4.1) и внутренние гарантии местных органов государственного управления.

¹⁵² Индивидуальные оценки непогашенных целевых кредитов и государственных гарантий, обязательства по которым еще не исполнены, не могут быть суммированы, поскольку эти два вида деятельности пересекаются.

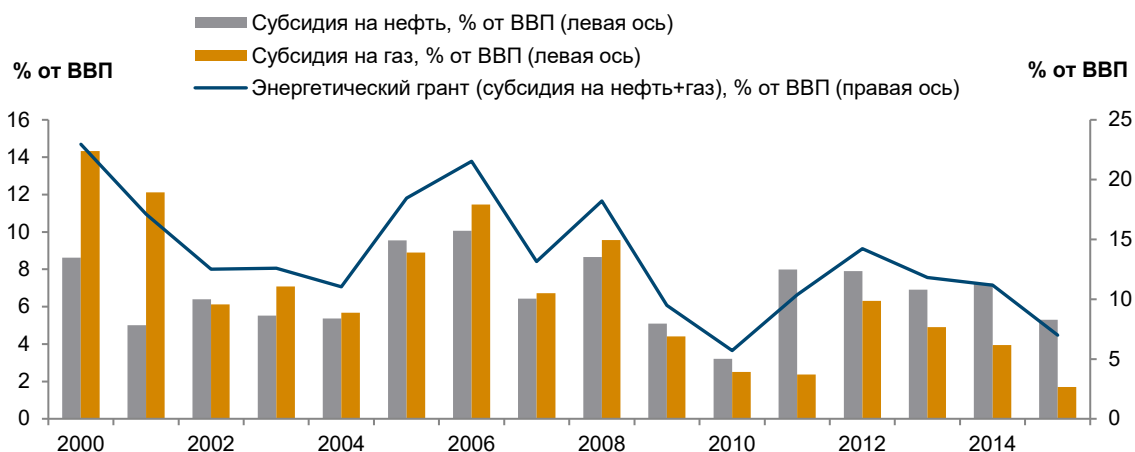
¹⁵³ По данным МВФ (2007).

БЛОК 4.1 / СУБСИДИИ И КВАЗИФИСКАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ В СЕКТОРАХ ЭНЕРГЕТИКИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Энергетика. Производство и распределение энергии традиционно является сектором, через который государство предоставляет субсидии для бенефициаров в масштабах всей экономики. В 1990-е годы эта практика была характерна для многих постсоветских стран¹⁵⁴, учитывая доступ к относительно дешевой энергии благодаря либо политическим соглашениям с Россией, либо наличию собственных энергетических ресурсов. В большинстве небогатых энергоресурсами стран СНГ объем квазифискальных операций сокращался на протяжении 2000-х годов, поскольку источники для таких субсидий истощались. Беларусь, напротив, придерживалась политики субсидирования энергетики, как фактора своей конкурентоспособности. Таким образом, органы власти, осуществляющие интенсивное политическое и экономическое маневрирование в целях сохранения "энергетического гранта" от России (либо прямого снижения рыночной цены и/или получения некоторых дополнительных преференций и условий касательно покупки газа и нефти). Так, белорусские двусторонние соглашения с Россией, членство в Союзах (Таможенном и впоследствии Евразийском экономическом), соглашение о продаже газопровода российскому "Газпрому", и т. д. – все это в значительной степени было оправдано стремлением обеспечить сохранение "энергетических грантов".

Что касается квазифискальной деятельности, то "энергетический грант" от России (Диаграмма 4.2) следует разделить на газовый и нефтяной. "Газовый грант" может рассматриваться как прямой источник последующих квазифискальных операций в отечественном секторе энергетики. Что касается "нефтяного гранта", то ситуация с годами становилась все более сложной и нестабильной. Часть его была также использована напрямую в качестве источника квазифискальных операций в масштабах всей экономики, но определенная часть была поглощена либо отдельными компаниями, либо бюджетом, без последующей передачи в экономику.

Диаграмма 4.2 / "Энергетический грант" от России, % от ВВП

Источник: Белстат; база данных "Международная финансовая статистика" (International Financial Statistics, IFS); расчеты автора.

Программная цель проведения квазифискальных операций в секторе энергетики заключалась в том, чтобы сделать компании более конкурентоспособными и, тем самым, вызывать положительные

¹⁵⁴ Петри, Таубе и Цывинский (2002).

внешние эффекты в экономике. Кроме того, правительство может варьировать субсидии для отдельных секторов, исходя из либо долгосрочных, либо краткосрочных приоритетов. Кроме того, КФО в энергетике стали мощным инструментом прямого перераспределения благ между компаниями и домашними хозяйствами за счет перекрестного субсидирования тарифов на коммунальные услуги: в Беларуси тарифы на электроэнергию для населения традиционно были ниже, чем для компаний.¹⁵⁵

Существует три основных инструмента КФО в энергетике: тарифы ниже уровня возмещения издержек; неплатежи и просроченные платежи энергетическим компаниям; и сверхнормативные потери и хищения (последние имеют меньшее значение).¹⁵⁶ Интенсивность этих КФО зависит главным образом от величины входного "энергетического гранта" от России, текущих приоритетов политики в секторе и на макроэкономическом уровне в целом. За последние два десятилетия общий объем КФО сектора энергетики был довольно близок к уровню газового "энергетического гранта" от России. Например, объем этих КФО в середине 2000-х оценивается в диапазоне от 3,7% до 4,7% от ВВП.¹⁵⁷

Комбинация различных инструментов КФО менялась главным образом в зависимости от общей макроэкономической ситуации. Снижение тарифов традиционно было наиболее влиятельным инструментом, предоставляющим скрытые субсидии до 3,6% от ВВП.¹⁵⁸ Накопленная компаниями просроченная задолженность по энергии к середине 2000-х годов составила около 3,5% от ВВП.¹⁵⁹ Однако после 2006 года эта задолженность снизилась и в 2013-2014 годах достигла исторического минимума на уровне 0,13-0,14% от ВВП. С экономическим спадом и некоторым ростом тарифов, просроченная задолженность по энергии снова выросла, достигнув 1,1% от ВВП к концу первого полугодия 2016 года.¹⁶⁰

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство иногда называют "черной дырой" белорусской экономики. По разным оценкам, Беларусь является явным лидером в прямой и косвенной бюджетной поддержке сельского хозяйства в сравнении как с соседними развивающимися новыми рынками, так и с развитыми странами ЕС.¹⁶¹ Уровень прямой бюджетной поддержки колеблется между 3,5% и 4,5% от ВВП.¹⁶² С учетом некоторых вторичных инструментов налоговой политики (налоговый зачет, налоговые льготы, недоимки по налогам), уровень бюджетной поддержки поднимается до порядка 5-5,5% от ВВП.¹⁶³ Кроме того, сельское хозяйство является одним из основных получателей субсидий за счет КФО в области целевого кредитования.¹⁶⁴

¹⁵⁵ Некоторое сближение тарифов было достигнуто в 2016 году из-за существенного увеличения коммунальных тарифов для населения. Тем не менее, тарифы для населения и юридических лиц по-прежнему отличаются друг от друга. В то же время тарифная система предполагает ряд льгот для компаний в зависимости от вида их деятельности.

¹⁵⁶ Точицкая (2007).

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Собственные оценки на основе данных Белстата по просроченным платежам.

¹⁶¹ Всемирный банк (2009).

¹⁶² Всемирный банк (2011, 2009).

¹⁶³ Всемирный банк (2011) предоставляет соответствующие оценки за 2005-2009 годы. Поскольку инструменты прямой бюджетной поддержки сельского хозяйства не претерпели значительных изменений, можно ожидать, что нынешний уровень прямой бюджетной поддержки осталась примерно таким же.

¹⁶⁴ В соответствии с подходом, который предложили Крук и Гайдук (2013), доля сельского хозяйства в объеме непогашенных целевых кредитов составляет примерно 50%. Но в данном исследовании целевые кредиты на производство игнорируются, что означает, что фактическая доля сельскохозяйственных заемщиков в совокупном объеме целевых кредитов ниже 50%. В последние годы (когда статистика по вновь

Огромные субсидии для сельского хозяйства не полностью поглощаются самой этой отраслью, и большая часть этих субсидий далее передается в экономику через регулирование цен. Регулирование цен, как правило, обеспечивает контроль над закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию, которые ниже, чем в соседних странах.¹⁶⁵ Этот ценовой разрыв является важным преимуществом для производителей продуктов питания, которые могут рассчитывать на действительное снижение цен на промежуточные факторы производства. Кроме того, правительство устанавливает минимальные экспортные цены на сельскохозяйственные и продовольственные товары во избежание получения выгоды от сокращения средств сельскохозяйственного производства за пределами страны. Вместе с тем, оно сохраняет за собой право регулировать внутренние потребительские цены на продукты питания.¹⁶⁶

Искаженные цены на самом деле урезают маржу прибыли сельскохозяйственных компаний, которые фактически функционируют на грани точки безубыточности. В конечном счете, аналогично тарифам в секторе энергетики, этот механизм работает как инструмент передачи богатства домашним хозяйствам.

Одна из важнейших особенностей белорусской практики КФО заключается в том, что инструменты в разных сферах не существуют независимо друг от друга. Наоборот, инструменты разрабатываются и управляются таким образом, чтобы обеспечить системное взаимодействие и вызвать ожидаемые положительные внешние эффекты на экономику. Таким образом власти намерены (намеревались) обеспечить укрепление экономического роста и формирование его в соответствии с желаемой траекторией и политическими/социальными приоритетами.

Однако в реальности все получилось иначе, и успех в вызове позитивных внешних эффектов был сомнительным. Нет никаких свидетельств того, что механизмам КФО в Беларуси удалось получить социальную отдачу, превышающую соответствующие инъекции. Но есть множество свидетельств неблагоприятных структурных эффектов, связанных с многочисленными искажениями: нерациональное использование капитала и рабочей силы, искаженные стимулы, вводящие в заблуждение ценовые сигналы, недостаток инвестиций, сокращение сбережений, а также дополнительные потери в области финансового посредничества.¹⁶⁷

В целом, система КФО (см. Таблицу 4.1 со сжатой информацией) стала весьма сложной и неоднозначной с точки зрения долгосрочных экономических последствий. Несмотря на это, в течение долгого времени она рассматривалась как незаменимый краеугольный камень белорусской экономики. Скорее всего, как убеждение в том, что эта система все же может обеспечить долгосрочный экономический рост, так и ее политическая приемлемость обосновывали ее существование.

предоставленным целевым кредитам стала более прозрачной), доля сельского хозяйства в потоке новых целевых кредитов составляла примерно 40%.

¹⁶⁵ Точицкая и Крук (2010). Однако в последние годы российские производители (особенно молочных продуктов) пытаются лоббировать обязательное согласование закупочных цен на сырьевые сельскохозяйственные товары в рамках Евразийского союза.

¹⁶⁶ Действующее законодательство предусматривает ограничение в 90 дней для регулирования цен в течение года.

¹⁶⁷ Крук и Гайдук (2013); Точицкая (2007); Петри, Таубе и Цывинский (2002).

Таблица 4.1 / Особые субсидии и связанные с ними квазифискальные операции в Беларуси: сводная информация

	Общие (через целевое кредитование)	Секторальные (КФО)	
		Энергетика	Сельское хозяйство
Целевое назначение	Вызвать положительные внешние эффекты и/или обеспечить ликвидность для последующей передачи позитивных импульсов в экономику		
Источники финансирования	Бюджет (компенсация процентных ставок, предоставление средств для новых кредитов, рекапитализация банков) Домашние хозяйства и компании через передачу богатства за счет инфляционного налога	Российский "энергетический грант"	Бюджет Целевое кредитование
Бенефициары	Сельское хозяйство Производство Домашние хозяйства	Все экономические агенты (с дифференцированным эффектом)	Производство продуктов питания Домашние хозяйства
Долгосрочные экономические эффекты	Потери в эффективности из-за нерационального распределения ресурсов Недостаток инвестиций и искаженные стимулы для компаний Потери в сфере финансового посредничества и сокращение сбережений ¹⁶⁸	Рост затрат на энергию Вводящие в заблуждение ценовые сигналы Отсутствие стимулов для повышения энергоэффективности	Поощрение экспорта продовольствия Финансово неустойчивое сельское хозяйство Вводящие в заблуждение ценовые сигналы
Краткосрочные экономические эффекты	Навес валютного курса Дефицит текущего счета Ценовой навес	Чувствительность объема производства к изменениям размера "энергетического гранта"	Чувствительность рынка продовольствия к внезапным потрясениям (снижение валютного курса, изменение мировых цен и т. д.)

Источник: Краткий обзор автора.

Система КФО-МБО де-факто приобрело доминирующее положение в иерархии белорусской экономической политики. Комплекс мер макроэкономической политики (т. е. "обычных" монетарных и фискальных инструментов) был фактически подчинен замыслу КФО-МБО. В случае наличия противоречащих друг другу целей¹⁶⁹, власти (по крайней мере, до 2015 года) приносили в жертву макроэкономическую стабильность вместо пересмотра самой системы КФО-МБО. Это имело серьезные последствия для макроэкономической и ценовой стабильности в стране.

В 2015-2016 годах появились некоторые признаки предполагаемого сокращения системы КФО-МБО. Тем не менее, остается неясным, будет ли эта новая политика продолжена; кроме того, большинство элементов системы КФО-МБО по-прежнему функционирует.

¹⁶⁸ Крук и Гайдук (2013); Фрай (1995).

¹⁶⁹ Миксюк, Пранович и Улиарис (2015).

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ИНСТРУМЕНТОВ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Недавняя эволюция макроэкономической политики в Беларуси отражает глубокие изменения в экономических основах за последние примерно десять лет.

Период 2003-2008 годов, со средним темпом экономического роста на уровне 9,5%, часто характеризуется как "золотой век" или "тучные годы" Беларуси. В стимулирующей среде, которая преобладала в течение достаточно долгого времени, власти были озабочены не столько политикой поддержания экономического роста, сколько точной регулировкой его желаемой траектории. Активно вводились в действие инструменты КФО-МБО в целях обеспечения этой траектории. В свою очередь, монетарная и фискальная политика, а также некоторые другие специфические инструменты экономической политики рассматривались в качестве дополнительной поддержки желаемых характеристик траектории роста. Например, власти уделяли большое внимание структуре внутреннего спроса, т. е. отношениям между потребительским и инвестиционным спросом, а также между внутренним и внешним спросом.

Учитывая тот факт, что Беларусь пережила несколько волн гиперинфляции в 1990-х годах, в качестве других важных атрибутов желаемой траектории роста рассматривались стабильность валютного курса и дефляция. Это было одной из причин, почему Беларусь выбрала режим фиксированного валютного курса в качестве эффективного инструмента повышения номинальной стабильности. Кроме того, некоторые положительные внешние шоки – рост цен на сырьевые товары (например, нефть и калий), сильный возобновившийся рост спроса на импорт в России, улучшение условий торговли – способствовали введению такого режима.

Эти предпосылки определили в 2003-2007 годах комплекс мер политики, объединяющий в себе: (i) фиксированный валютный курс; (ii) монетарное стимулирование; (iii) прямое стимулирование заработной платы (см. Главу 2); и (iv) фискальные стимулы (направленные на стимулирование потребительского и инвестиционного спроса). Комбинация этих инструментов и их интенсивность на протяжении этого периода менялась.

Иногда можно услышать мнение, что именно этот комплекс мер политики вызвал высокий экономический рост. Однако, причинно-следственная связь, скорее всего, обратная: благоприятные условия для экономического роста создали благоприятные условия для реализации такой политики.

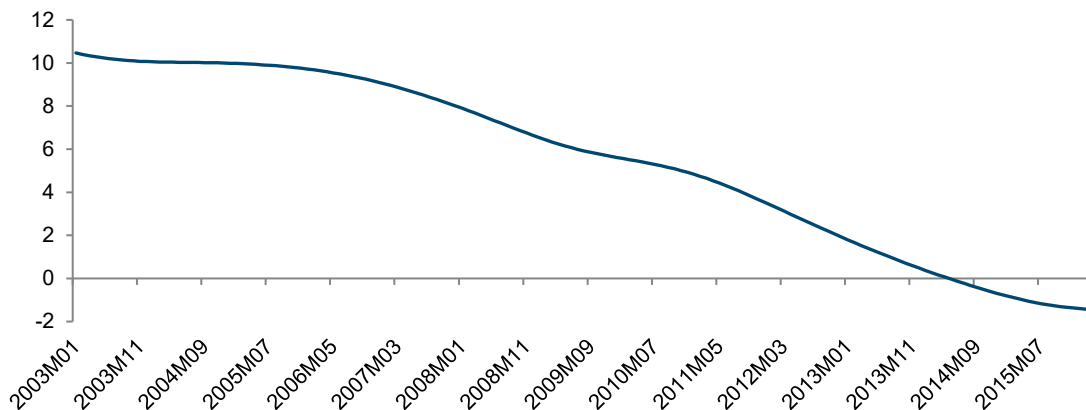
Важно отметить, что этот комплекс мер не был лишен проблем, даже в период высоких темпов роста. Хотя рост ВВП был энергичным, он не был обусловлен ростом производительности, в то время как накопление капитала играло заметную роль.¹⁷⁰ Низкая производительность повлекла за собой ухудшение международной конкурентоспособности после 2005-2006 годов, о чем свидетельствуют различные показатели, такие как доля на зарубежных рынках, индекс выявленных сравнительных преимуществ, индекс экспортной специализации или

¹⁷⁰ Крук и Борнукова (2014).

диверсификации экспортной корзины.¹⁷¹ Поэтому сальдо платежного баланса по текущим операциям значительно ухудшилось после 2006 года (Таблица 1 Приложения).

Дальнейшие негативные изменения макроэкономической среды начали появляться после 2007 года. Ряд эмпирических исследований¹⁷² указывает на устойчивую тенденцию к снижению темпов трендового роста производства в Беларуси (Диаграмма 4.3).¹⁷³ Наряду с этим, значительно ухудшились условия торговли в период мирового финансового кризиса.

Диаграмма 4.3 / Трендовые темпы роста ВВП, % в год

Источник: Белстат; расчеты автора.

Примечание: Оценка произведена с использованием фильтра Ходрика-Прескотта.

Тем не менее, режим фиксированного валютного курса по-прежнему считался незаменимой гарантией ценовой стабильности. Кроме того, правительство начало активно проводить политику стимулирования спроса с целью достижения своих целевых показателей по росту производства. По сути, в 2007 году власти перешли на другой режим экономической политики и назначили комплексу мер макроэкономической политики более активную роль, стремясь стимулировать экономический рост за счет инструментов политики. Однако, ввиду врожденных несоответствий в этом комплексе мер, эта активная политика оказалась источником нестабильности. Быстрое накопление макроэкономических дисбалансов привело к серии валютных кризисов: в 2009, 2011 и 2014-2015 годах.

¹⁷¹ Крук (2009); Крук, Тоцицкая и Шиманович (2009).

¹⁷² Крук и Борнукова (2014); Мирончик, Судник и Качерская (2016).

¹⁷³ Большинство статистических фильтров предполагает, что к 2015 году потенциальный рост постепенно снизился, достигнув нулевого уровня. Наряду с ослаблением экономического роста, можно поспорить об увеличении амплитуды и частоты колебаний цикла деловой активности.

Диаграмма 4.4 / Базовая тарифная ставка и реальная заработная плата в белорусской экономике, % изменения и индекс, 2006-2015 годы

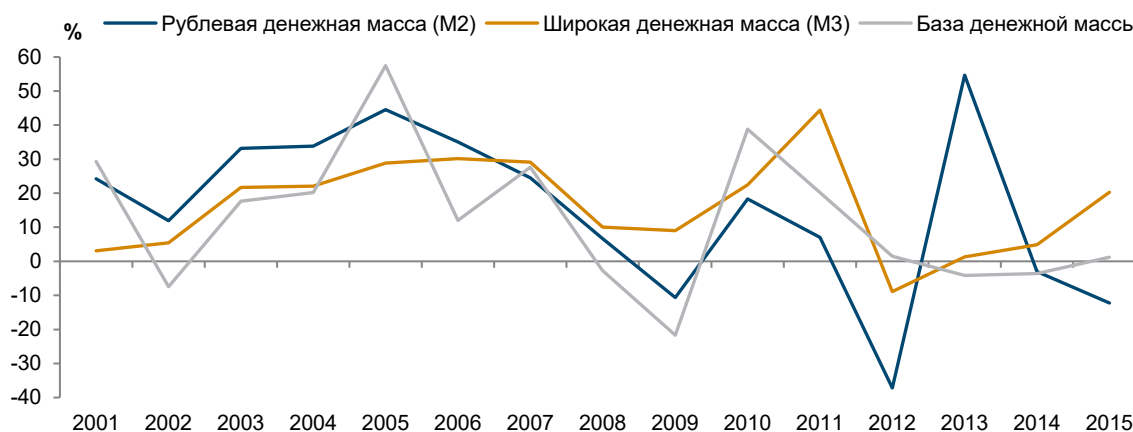

Источник: Белстат; расчеты автора.

Примечание: "Базовая тарифная ставка" - это "тарифная ставка первого разряда", устанавливаемая правительством (см. Главу 2).

2010 год подчеркивает растущую несогласованность данного комплекса мер: резкий рост заработной платы (Диаграмма 4.4) в сочетании с радикальными монетарными послаблениями (Диаграмма 4.5) действительно произвели циклический рост производства: ВВП возобновил рост, увеличившись на 7.7% в данном году.

Диаграмма 4.5 / Динамика денежных агрегатов в реальном выражении (дефлирование по индексу потребительских цен), процентное изменение за год (на конец года), %, 2001-2015 годы

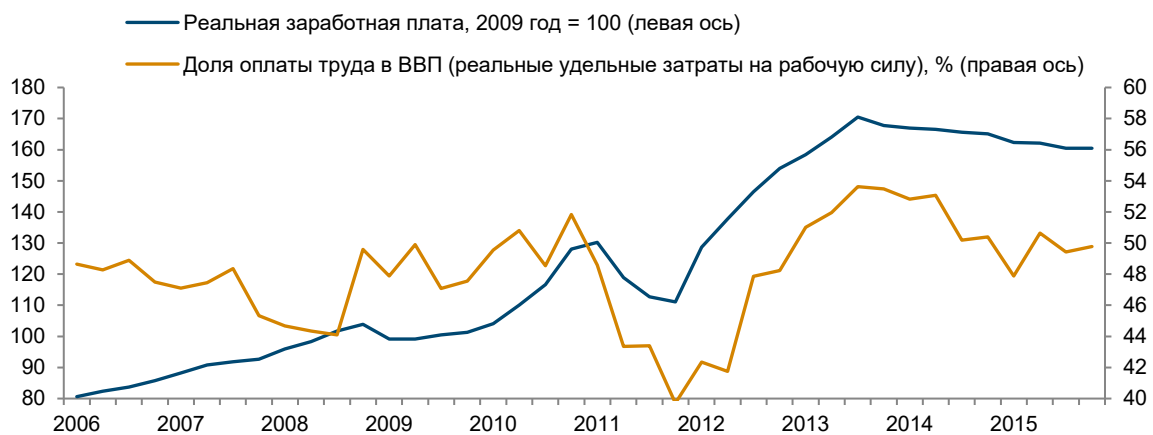
Источник: НБРБ; Белстат; расчеты автора.

Однако возобновление роста было достигнуто за счет роста макроэкономических дисбалансов. Во-первых, увеличился разрыв между заработной платой и производительностью (Диаграмма 4.6), что привело к снижению конкурентоспособности во внешней торговле. Во-вторых, периоды активных монетарных интервенций привели к ценовому навету¹⁷⁴ и,

¹⁷⁴ Безбородова (2015).

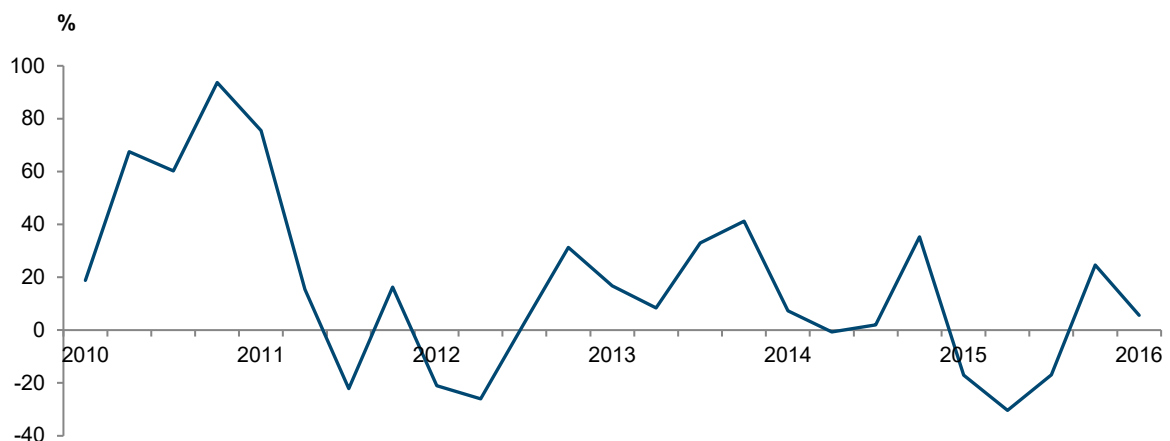
соответственно, высокому уровню инфляции. В сочетании с режимом фиксированного валютного курса это вызывало устойчивое повышение реального эффективного валютного курса и увеличение внешнего дисбаланса (Таблица 1 Приложения). Возник существенный разрыв между фактическим и равновесным реальным эффективным валютным курсом (Диаграмма 4.7).

Диаграмма 4.6 / Реальная заработная плата и реальные удельные затраты на рабочую силу, индекс и % от ВВП, 2006-2015 годы

Источник: Белстат; расчеты автора.

Диаграмма 4.7 / Разрыв между фактическим и равновесным реальным эффективным валютным курсом, % от фактического уровня, 2010-2015 годы

Источник: НБРБ; Белстат; расчеты автора.

Примечание: Оценки основаны на работе Зарецкого, Крук и Кирхнера (2011).

Пытаясь смягчить хроническое давление на валютном рынке, власти прибегли к активным внешним заимствованиям; это произошло на фоне значительного разрыва между равновесным и фактическим валютным курсом. Более того, по возможности, правительство пыталось избегать государственных заимствований, а, скорее, поощряло заимствования субъектами хозяйствования. Это было сделано посредством "рекомендаций" банкам и государственным предприятиям. Таким образом, после 2008 года произошел резкий рост внешних заимствований

(Диаграмма 4.8). В то же время власти эпизодически вводили некоторые временные ограничения на валютные операции и ужесточали контроль над капиталом.

Диаграмма 4.8 / Валовой внешний и государственный долг Беларуси, 2001-2016 годы (по состоянию на 1 января), % от ВВП

Источник: Министерство финансов; Белстат, расчеты автора.

Учитывая изначально низкое соотношение долга к ВВП, внешние заимствования рассматривались властями как эффективный инструмент достижения своих целей экономической политики, включая защиту фиксированного валютного курса. Кроме того, привлечение иностранных займов было даже использовано в качестве целевого показателя политики для различных государственных органов и государственных банков. Термин "дефицит финансирования" (то есть разница между запланированной суммой заемных средств, связанных с прогнозируемым дефицитом текущего счета, с одной стороны, и фактическим объемом средств, имеющих для заимствования, с другой стороны) был широко распространен в повестке дня экономической политики.

Благодаря интенсивным внешним заимствованиям¹⁷⁵, властям удалось замаскировать основные макроэкономические дисбалансы в 2009-2011 годах. Однако истощение внешних источников финансирования стало "спусковым крючком" для валютного кризиса 2011 года. По степени корректировки номинального валютного курса, данный валютный кризис был жесточайшим: белорусский рубль обесценился примерно в три раза; за период 2011-2012 годов индекс потребительских цен вырос более чем в два раза (Таблица 1 Приложения).

В то же время, быстрое кризисное макроэкономическое регулирование способствовало восстановлению равновесия в экономике: произошло значительное сокращение реальной заработной платы (Диаграмма 4.6), что способствовало заметному сокращению дефицита текущего счета. С этой точки зрения, в принципе, кризис дал важные уроки для возможного

¹⁷⁵ Помимо заимствований, отражаемых в статистике по долгам, большое количество валютных средств в 2010 году (около 3,7 млрд долларов США, или около 7,5% от ВВП) было перенаправлено в международные резервы из активов коммерческих банков (в основном филиалов российских банков) через валютные свопы. Хотя эти средства не были указаны в качестве задолженности в соответствии со статистической методологией, де-факто они могут рассматриваться как задолженность.

пересмотра макроэкономической политики. В конце 2011-2012 годов правительством были рассмотрены варианты отхода от практики стимулирования спроса и привязки валютного курса. В этот момент, наверное, впервые правительство признало, что ослабление роста не может быть компенсировано за счет политики стимулирования чрезмерного спроса.

Но, несмотря на такие обсуждения, установки макроэкономической политики существенно не изменились. Несмотря на споры о необходимости большей гибкости валютного курса, в действительности же произошел возврат к привязке к одной валюте (доллару США). Сохранилась политика стимулирования спроса, хотя ее интенсивность несколько ослабла: некоторые монетарные стимулы были отменены (Диаграмма 4.5) наряду с сокращением притока новых целевых кредитов (Глава 1, Диаграмма 1.7). Но, де-факто, установки старой политики были полностью восстановлены к концу 2012 года.

Было, вероятно, две основных причины для игнорирования уроков валютного кризиса 2011 года и его непосредственных последствий. Во-первых, власти были обеспокоены социальными и политическими последствиями и изыскивали варианты быстрого восстановления реальных располагаемых доходов. Практика политики в области заработной платы с начала 2000-х предполагала установку (неявных) целевых показателей по заработной плате в долларах США. С одной стороны, правительство обосновало эту практику долларизацией макроэкономической среды. С другой стороны, эта практика способствовала дальнейшей реальной долларизации как таковой. Наконец, это способствовало "реинкарнации" как активной политики в области заработной платы, так и режима фиксированного валютного курса по отношению к доллару США.

Во-вторых, власти, вероятно, полагали, что они открыли новый инструмент, который может одновременно быть драйвером роста и оказывать поддержку ликвидности. В 2012 году, благодаря новой фазе в рамках Евразийской интеграционной структуры, Беларусь заключила новый контракт с Россией на поставку природного газа со скидкой примерно 40%. Некоторые улучшения произошли также в условиях торговли нефтью. Кроме того, в конце 2011 года и в течение всего 2012 года Беларусь пользовалась определенной схемой торговли "разбавителями и растворителями" (см. Главу 2), которая обеспечила дополнительную валютную выручку на нетто-основе, тем самым обеспечивая положительный импульс производству. В ретроспективе, такое понимание ситуации было необоснованным: более дешевая энергия не помогла укреплению экономического роста, в то время как дополнительных валютных поступлений было недостаточно для покрытия потребностей в финансировании.

Валютный кризис 2011 года породил новые угрозы макроэкономической нестабильности, такие как высокие и нестабильные инфляционные ожидания¹⁷⁶ и резкий рост долларизации.¹⁷⁷ Подстегивая макроэкономическую нестабильность, кризис, вероятно, способствовал дальнейшему снижению трендовых темпов роста производства. Однако власти были не готовы противостоять этим угрозам путем проведения структурных реформ, предпочитая рассматривать фиксированный валютный курс в качестве буфера против них.

¹⁷⁶ Крук (2016).

¹⁷⁷ Крук (2015).

Так, за период 2013-2014 годов установки политики снова не изменились, но ее внутренние противоречия стали еще более очевидными.¹⁷⁸ Например, больший упор на стимулирование спроса теперь привел не только к ценовому навесу и запоздалому воздействию на реальный валютный курс, но также и к прямому давлению на цены и валютный курс за счет уменьшения спроса на национальную валюту и увеличения спроса на твердую валюту.

Эти несоответствия способствовали дальнейшему снижению эффективности усилий экономической политики, направленных на стимулирование производства. Вклад внутреннего спроса и чистого экспорта в рост производства стал примерно равным с противоположными знаками. Повышение реального эффективного валютного курса в течение 2013 и 2014 годов привело к увеличению дефицита текущего счета, в то время как попытки стимулировать экономический рост за счет роста внутреннего спроса были компенсированы дальнейшим ухудшением показателей чистого экспорта. В конечном счете, произошел лишь скудный рост ВВП в 2013 и 2014 годах – в пределах 1-2 процентов ежегодно.

В течение последних двух лет использования "традиционных" установок политики становится все труднее их оправдать. Было проблематичным выдвинуть разумное объяснение накапливающимся диспропорциям и дисбалансам. Кроме того, продолжающаяся долларизация и возрождающаяся инфляция подорвали доверие к валютной привязке, которая де-факто уже не воспринималась как номинальный якорь, заслуживающий доверия. Валютный кризис 2014-2015 годов сделал отказ от традиционных установок экономической политики неизбежным.

2015 ГОД: ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ?

Институциональные изменения и сокращение квазифискальных операций: иллюзия или реальность?

Многочисленные макроэкономические проблемы стали очевидными на рубеже 2014-2015 годов (даже еще до валютного кризиса), когда последствия продолжительного ослабления экономического роста были дополнены внешними шоками и истощением источников внешнего финансирования.

Слабый прогресс в институциональных и структурных реформах был в значительной степени "виновником" ослабления роста. В годы, предшествовавшие кризису (2012-2014), правительство фактически признало необходимость проведения хотя бы некоторых выборочных реформ. В ряде программ и планов действий, принятых в этот период, было заявлено о намерении провести институциональные реформы в таких областях, как управление государственной собственностью, управление государственными предприятиями посредством независимых советов, совершенствование механизмов государственной поддержки и кредитования в рамках государственных программ, мотивация и стимулирование руководителей государственных предприятий, а также содействие развитию инвестиционных фондов. В 2014 году правительство открыло диалог с Всемирным банком по разработке дорожной карты структурных реформ в Беларуси. Это создало атмосферу ожидания таких реформ в ближайшем будущем. В некоторых

¹⁷⁸ Миксюк, Пранович и Улиарис (2015).

случаях власти явно провозгласили 2015 год в качестве подготовительного этапа для проведения глубоких реформ, объявив о начале самих реформ в 2016 году (что связано с новым избирательным циклом). Но в действительности даже то, что было названо "подготовительными мероприятиями", на практике носило ограниченный характер.

К концу 2015 года стало ясно, что отсутствует какая-либо политическая воля для проведения ожидаемых реформ. После президентских выборов, г-н Лукашенко распространил личное обращение к народу, в котором заявил, что никаких кардинальных изменений в функционировании национальной экономики не будет. В то же время ряд мер, которые, вероятно, были неизбежны, такие как повышение транспортных и жилищно-коммунальных тарифов, увеличение пенсионного возраста, был представлен властями в качестве структурных реформ. Кроме того, были приняты некоторые перспективные правовые акты (например, стратегия реформ в системе государственных финансов¹⁷⁹); однако они до сих пор остаются в основном декларативными. К 2016 году эта неопределенность позволила властям утверждать, что глубокие реформы в Беларуси были начаты и продолжаются, но без использования термина "структурные реформы" в отношении этого процесса.

Некоторым доказательством в поддержку этого утверждения является прогресс в сокращении масштабов и размеров системы КФО-МБО, в частности, целевого кредитования, на протяжении 2014-2015 годов, что стало, наверно, самым большим изменением в экономической политике за последние несколько лет.

Однако результаты этого намерения были неоднозначными: в то время как объем целевых кредитов, предоставляемых коммерческими банками, был снижен (как в номинальном, так и реальном выражении, в основном за счет жилищных кредитов, объем которых снизился почти вдвое даже в номинальном выражении), кредитная деятельность Банка развития частично компенсировала последнее. В 2015 году суммарный (коммерческие банки плюс Банк развития) объем выданных целевых кредитов практически не изменился в номинальном выражении с 2014 года, хотя и снизился в реальном выражении. Но, пожалуй, более важно то, что совокупный объем непогашенных целевых кредитов оставался практически неизменным на протяжении 2014-2015 годов. Порядок предоставления и получения таких кредитов изменился довольно незначительно (хотя были объявлены некоторые нововведения, в том числе распределение средств на конкурсной основе): на данный момент средства по-прежнему просто предоставляются заемщикам из списка, утвержденного правительством.

Таким образом, с одной стороны, есть признаки готовности уменьшить, если не ликвидировать вообще систему КФО-МБО. С другой стороны, эти признаки являются слишком слабыми и оставляют сомнения в отношении будущих результатов. На самом деле, этот компромисс отражает более системную проблему, стоящую перед правительством: хотя объем диспропорций, накопленных благодаря системе КФО-МБО, слишком высок, быстрый отход от нее будет болезненным. Таким образом, даже в случае сильной политической воли к переменам, их скорость может быть сдержана сопутствующими проблемами. И если воля для демонтажа системы КФО-МБО не достаточно сильна, то период "реформ" длиться целую вечность.

¹⁷⁹ В конце 2015 года правительство приняло соответствующее постановление. Однако документ не содержит мер прямого действия, и в основном постулирует цели будущей деятельности без упоминания каких-либо мер, которые могли бы способствовать достижению заявленных целей.

Результаты попыток ограничить целевое кредитование ряда деревообрабатывающих и машиностроительных госпредприятий представляют доказательства этой проблемы. Относительно умеренные ограничения в области целевого кредитования совпали с сокращением внешнего спроса на продукцию этих отраслей, и это привело к заметному ухудшению финансового состояния пострадавших госпредприятий в 2015 году. Многие из них с трудом могли обслуживать свои долги, даже те, что были предоставлены по льготным ставкам. Правительство ответило другой нетрадиционной интервенцией: Министерство финансов де-факто приобрело у соответствующих банков долги некоторых машиностроительных и деревообрабатывающих предприятий в обмен на государственные облигации, и оригинальные долги государственных предприятий были реструктурированы и продлены. Министерство использовало данную схему для приобретения и реструктуризации задолженности предприятий на сумму более чем 1,5 млрд долларов США.¹⁸⁰

Посредством этого шага министерство решило две проблемы: (а) оно поддержало крупных производителей и помогло сохранить количество рабочих мест (что практически идентично целям целевого кредитования) и (б) вывело из кризиса пострадавшие банки, помогая им избавиться от некачественных активов. Таким образом, при формальном ограничении целевого кредитования правительство ввело новый инструмент предоставления мягких бюджетных ограничений. Поэтому меры, которые изначально считались эффективными, не достигали настоящей цели, сохраняя среду мягких бюджетных ограничений, в которой функционирует государственный сектор.

В случае более мелких государственных предприятий, ограничения в области целевого кредитования стали еще более болезненными, поскольку власти не смогли обеспечить достаточную поддержку для всех госпредприятий. Поэтому многие компании начали процедуру банкротства сами или это сделали их кредиторы. В 2015 году количество дел о банкротстве, поданных в хозяйственные суды, возросло на 25% в годовом исчислении. На конец года список компаний, вовлеченных в процедуру банкротства, включал несколько крупных производственных госпредприятий, на банкротство которых в предыдущие годы было наложено "табу". Этот факт усилил позиции (особенно в сфере управления госпредприятиями) противников реформирования системы КФО-МБО.

Попытка перенастройки КФО также влияет на будущее макроэкономическое развитие. Если правительство ограничивает свои квазифискальные инъекции, это напрямую ставит под сомнение жизнеспособность госпредприятий. К ожидаемым конечным результатам относятся потери производства госпредприятий и ухудшение финансовой позиции банков в связи с увеличением проблемных кредитов. Если власти переложат ответственность за соответствующие КФО с государственных банков к само правительство, это может дать выиграть некоторое время, но всего лишь отложит проблему на будущее. По сути, правительство подвергнет риску свою собственную будущую платежеспособность. Эффективность этой политики будет зависеть от того, смогут ли бенефициары восстановить свою платежеспособность в будущем и, следовательно, погасить свои долги перед государством. Если нет, то правительству придется взять на себя всю ответственность (в финансовом и моральном плане),

¹⁸⁰ Реструктуризованная задолженность в основном была номинирована в иностранной валюте.

поскольку квазифискальные обязательства будут трансформированы в открытый государственный долг.

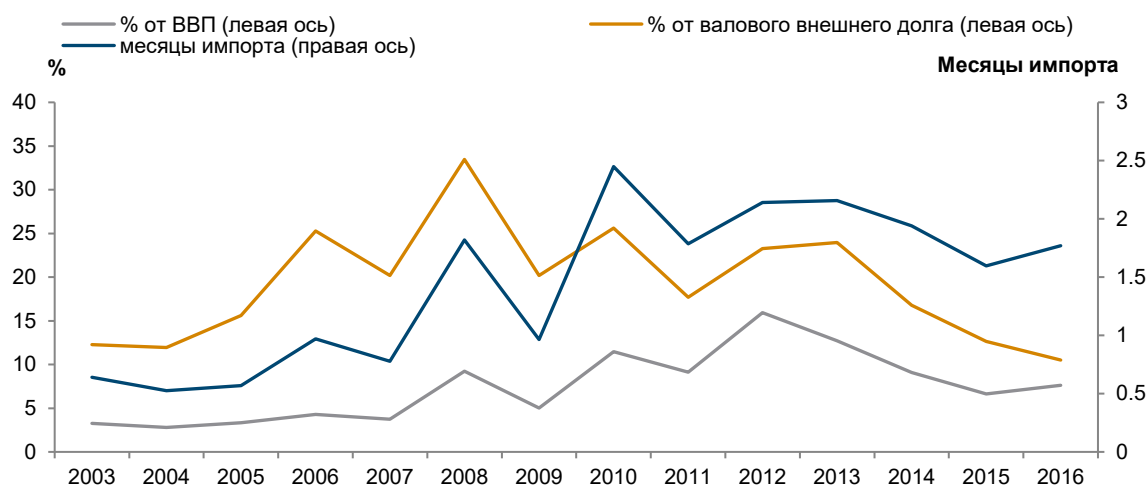
Таким образом, огромное наследство избыточного количества КФО не оставляет никаких шансов для простых решений. Правительству приходится балансировать между потерями производства, накоплением проблемных кредитов и государственным долгом. Таким образом, будущая перспектива стала заложником прошлых ошибок.

Наконец, компромиссы в преобразовании системы КФО-МБО создают аналогичные проблемы для разработки макроэкономической политики. С одной стороны, есть широкий общественный запрос на макроэкономическую и финансовую стабильность, учитывая еще свежие воспоминания о чрезвычайно высокой инфляции, обесценивании национальной валюты и других финансовых потрясениях. С другой стороны, фискальные и монетарные ограничения могут стать причиной потерь производства, связанных с корректировкой системы КФО-МБО.

Таким образом, то же диагностирование текущего состояния экономики может привести к различным рекомендациям в отношении комплекса мер макроэкономической политики. Можно утверждать, что хотя отход от системы КФО-МБО является неизбежно болезненным, за это стоит заплатить такую цену, чтобы избавиться от связанных с этой системой диспропорций. Однако существует и другая точка зрения: изменения в системе КФО-МБО и комплексе мер макроэкономической политики должны быть осторожными и вводиться небольшими этапами, чтобы минимизировать потери производства. В 2015-2016 годах Беларусь, по-видимому, все еще стоит на перепутье, увязнув в этом компромиссе.

К новой модели макроэкономической политики

На рубеже 2014 года стало очевидно, что валютная привязка больше не могла поддерживаться. Власти приняли ряд административных мер по выходу из нового валютного кризиса, включая валютные ограничения, прямое регулирование цен, новые налоги и сборы на операции с иностранной валютой. Однако, опираясь на опыт финансового кризиса 2011 года, они понимали, что если такие меры будут носить затяжной характер, финансовая "инфекция" распространится еще больше. Так, через несколько дней после введения административного контроля, НБРБ объявил о полной перестройке монетарной политики страны. В первую очередь, была отменена валютная привязка и введен режим плавающего валютного курса. Наравне с изменением режима валютного курса, было объявлено о денежном таргетировании в качестве рамок политики НБРБ с довольно жесткими целевыми показателями на 2015 год. В свою очередь, правительство заявило о своем намерении упразднить некоторые инструменты стимуляции спроса или ограничить их использование. Эти радикальные изменения политики были подкреплены беспокойностью о том, что валютный кризис может перерасти в полномасштабный финансовый кризис, особенно учитывая недостаточный объем международных резервов (Диаграмма 4.9).

Диаграмма 4.9 / Эволюция международных резервов, 2008-2016 годы (на начало года)

Источник: НБРБ; Белстат; расчеты автора.

С тех пор, установки макроэкономической политики в Беларуси можно обобщить следующим образом: (i) механизм плавающего валютного курса; (ii) денежное таргетирование с жесткими промежуточными целями; (iii) ужесточение фискальной политики; и (iv) менее интенсивное использование нетрадиционных инструментов стимулирования спроса (механизмы КФО-МБО, стимулирование заработной платы и др.). Потребность в таких крупных изменениях в политике возрастала на протяжении довольно долгого периода, предшествующего последнему кризису, который стал просто "спусковым крючком" ("переключателем режима") для полной перестройки политики.

Механизм плавающего валютного курса помог очень быстро восстановить внешнее равновесие. В 2015 году, даже на фоне значительных негативных внешних реальных шоков,¹⁸¹ это помогло довести дефицит текущего счета до приемлемого уровня (-3,8% от ВВП¹⁸²), главным образом за счет большого сокращения импорта.

Плавающий валютный курс пока также подтверждает свою эффективность в качестве амортизатора. В рамках модели экономической политики 2003-2014 годов реальная заработная плата была более неустойчивой, и шоки реального валютного курса запускали в действие совместно управляемые корректировки реальной заработной платы (Диаграмма 4.10)¹⁸³, что согласуется с теоретическими выводами.¹⁸⁴ В случае с Беларусью, это усугублялось

¹⁸¹ Резкое падение спроса на импорт из России (из-за резкого снижения цен на нефть) и других стран СНГ.

¹⁸² Согласно методологии платежного баланса, отток первичных доходов отражает отток и прибыль иностранных инвесторов, даже если не было фактического оттока этих средств. В последнем случае они отражаются как приток в финансовый счет в качестве реинвестированных доходов. Этот эффект является актуальным для Беларуси, так как большая часть доходов иностранных инвесторов реинвестируется и на самом деле не покидает страну. С точки зрения макроэкономической политики, этот эффект может быть интерпретирован как переоценка дефицита текущего счета (и, соответственно, финансовых вливаний). Если произвести взаимную компенсацию требований и обязательств, дефицит текущего счета в 2015 году был равен примерно нулю.

¹⁸³ Кроме того, грубый анализ причинно-следственных связей предполагает одностороннюю причинность по Грейнджеру от реального эффективного валютного курса к реальной заработной плате.

¹⁸⁴ Обстфельд (Obstfeld) и Рогофф (Rogoff) (1995); Эдвардс (Edwards) и Леви Йейати (Levy Yeyati) (2005).

долларизацией и значительным переносом обменного курса в цены импортируемой продукции, что усиливалось режимом фиксированного валютного курса.¹⁸⁵ Во время валютного кризиса 2014-2015 годов эта связь, по-видимому, ослабла, что может быть частично связано с отказом от валютной привязки.

Диаграмма 4.10 / Динамика реального эффективного валютного курса и реальной заработной платы, % изменения за год, 2006-2016 годы

Источник: НБРБ; Белстат; расчеты автора.

Примечание: Использованы распространяемые НБРБ серии реального эффективного обменного курса, дефлированного по ИПЦ.

С другой стороны, существует ряд рисков, связанных с механизмом плавающего валютного курса. Однако большинство из них не является недостатком самого режима, а последствием его введения в хрупкой и слабой макроэкономической среде (см. Блок 4.2).

БЛОК 4.2 / РЕЖИМ ПЛАВАЮЩЕГО ВАЛЮТНОГО КУРСА: КАКОВЫ РИСКИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ?

Среди минусов режима плавающего валютного курса – в теоретическом и/или эмпирическом отношении, – наиболее актуальными для Беларуси, вероятно, являются следующие: (i) эффект, эквивалентный внезапной остановке финансовых потоков¹⁸⁶; и (ii) кредитный риск, вызванный валютой¹⁸⁷.

Введение плавающего валютного курса после отмены фиксированного, когда последний был связан с навесом завышенности валютного курса, имеет много общего с внезапной остановкой механизма кризиса. Они оба вызывают быстрое улучшение состояния счета текущих операций, в основном за счет сдерживания импорта. Хотя это может быть благоприятным с точки зрения восстановления внешнего баланса, это может быть слишком дорогостоящим с точки зрения внутреннего баланса. Сдерживание импорта промежуточных товаров негативно скажется на отечественных производителях и, в конечном итоге, сдержит совокупный объем производства. Эмпирически, согласно некоторым

¹⁸⁵ Крук (2011).

¹⁸⁶ Беккер (Becker) и Мауро (Mauro) (2006).

¹⁸⁷ Каяццо (Cayazzo) и соавт. (2006).

аргументам, внезапные остановки являются одним из самых болезненных видов потрясений с точки зрения потерь производства и продолжительности, особенно для развивающихся рынков.¹⁸⁸ Такая линия аргументации применительна к Беларуси, поскольку корректировки 2015 года имеют много общего с эффектом внезапной остановки. Таким образом, можно ожидать потери производства длительной продолжительности, связанной с этим эффектом. С другой стороны, часть эффекта внезапной остановки может быть обусловлена завышенностью валютного курса, а не переходом к режиму плавающего валютного курса. С этой точки зрения, несмотря на свою болезненность, такой эффект, скорее всего, должен интерпретироваться как корректировка "возвращения к основам".

Что касается кредитного риска, вызванного валютой, необходимо учитывать, что из-за высоких реальных процентных ставок после 2011 года¹⁸⁹ многие белорусские компании прибегали к более активным заимствованиям в иностранной валюте (Диаграмма 4.11), даже те, которые не могут обеспечить погашение долга посредством стабильной валютной выручки. В этом случае введение плавающего валютного курса (с учетом навеса валютного курса, усиленного валютной привязкой) становится "спусковым крючком" для неплатежей такими заемщиками. Опять же, эта проблема приобрела жизненно важное значение для Беларуси. Однако такие аспекты напрямую не связаны с монетарной/валютной политикой, а скорее должны решаться посредством банковского регулирования и надзора, а также надлежащего предварительного кредитного отбора коммерческими банками.¹⁹⁰

Диаграмма 4.11 / Валютная структура кредитов и депозитов, % от ВВП, 2000-2016 годы

Источник: НБРБ; Белстат; расчеты автора.

В целом, введение режима плавающего валютного курса пока приводит к положительным макроэкономическим результатам, помогая восстановить равновесие и служа в качестве более эффективного амортизатора. В то же время, это порождает новые риски, которые должны быть учтены в политике.

Режим денежного таргетирования с жесткими промежуточными целями является еще одним ключевым компонентом нового монетарного механизма. Переориентация с низких и стабильных

¹⁸⁸ Беккер (Becker) и Мауро (Mauro) (2006).

¹⁸⁹ Крук (2012).

¹⁹⁰ Каяццо (Cayazzo) и соавт. (2006).

темпы инфляции в качестве основной цели (вместо валютного курса) монетарной политики стала наиболее заметным шагом вперед.

Размышляя о новом режиме монетарной политики, логика "несовершенной среды" и "ограниченных вариантов выбора" все еще преобладает в Беларуси. В начале 2015 года власти поставили перед собой цель получить ответ на вопрос: "Какие рамки монетарной политики смогут сразу же заменить собой регулирование валютного курса (с учетом его неэффективности), обеспечивая приемлемые результаты с точки зрения ценовой и финансовой стабильности на фоне хрупкой институциональной структуры?". В кризисных условиях начала 2015 года такой выбор мог рассматриваться в качестве разумного. Однако, говоря о долгосрочной перспективе, можно было задать еще один вопрос: "Будет ли это правильный выбор?" (см. Блок 4.3).

Линия аргументации для принятия НБРБ денежного таргетирования в качестве рамок своей политики в среднесрочной перспективе выглядит следующим образом:¹⁹¹ (а) НБРБ имеет прямой контроль над базой денежной массы (операционный целевой показатель); (б) база денежной массы движет и определяет широкую денежную массу (промежуточный целевой показатель); и (с) широкая денежная масса является коренной причиной инфляции (главная цель). Обоснование денежного таргетирования было поддержано эконометрическим анализом различных аспектов ожидаемого воздействия, проведенным как НБРБ, так и независимыми аналитиками¹⁹². Другими словами, это был тип обоснования, утверждающий, что "этот режим используется, потому что он экономически целесообразен", но не что "этот режим - лучший выбор из имеющихся вариантов".

БЛОК 4.3 / ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕНЕЖНЫМ ТАРГЕТИРОВАНИЕМ В БЕЛАРУСИ

Существует ряд аргументов в поддержку (с некоторой осторожностью) введения денежного таргетирования в Беларуси. В то же время есть основания подозревать его низкую эффективность в качестве монетарного механизма.

Во-первых, этот режим по определению практически полностью игнорирует влияние ожиданий на монетарную среду. Тем не менее, для Беларуси проблема инфляционных ожиданий возникла после кризиса 2011 года и до сих пор инфляционные ожидания высоки и неустойчивы, внося большой вклад в динамику фактической инфляции.¹⁹³

Во-вторых, этот режим в основном носит запаздывающий характер. Его операционные и промежуточные целевые показатели сформулированы главным образом на основе исторических данных, и вряд ли могут учитывать на регулярной основе оперативные данные, которые могут содержать влияние неожиданных потрясений. Таким образом, данный режим экономической политики страдает от недостатка гибкости.

¹⁹¹ Официально НБРБ предполагает постепенный переход к механизму инфляционного таргетирования в долгосрочной перспективе. Однако нет никакого графика (даже примерного) и дорожной карты такого преобразования, что означает, что в обозримой перспективе (23 года) этого не произойдет, если только не произойдет каких-либо чрезвычайных ситуаций.-

¹⁹² Мирончик и Безбородова (2015); Пелипась и Кирхнер (2015).

¹⁹³ Крук (2016).

В-третьих (что частично связано с предыдущим пунктом), денежное таргетирование придает чрезмерно большое значение долгосрочному контексту монетарной политики, в то же время ограничивая возможности для создания краткосрочного экономического стимула. Последнее означает, что этот механизм вряд ли может реализовать две задачи монетарной политики – ценовая стабильность и сглаживание производства – и, вероятно, сосредоточится только на ценовой стабильности. Для Беларуси, учитывая совпадение неблагоприятных внешних потрясений и спад в цикле деловой активности, обе цели выглядят важными.

В-четвертых, есть традиционное возражение на денежное таргетирование: внутренняя нестабильность функции денежного спроса и, соответственно, трудности в его прогнозировании. Имеющиеся результаты исследований неоднозначны в отношении того, действительно ли это возражение будет иметь значение в случае Беларуси.¹⁹⁴

В-пятых, некоторые особенности отношений между НБРБ и коммерческими банками порождают сомнения насчет полного контроля НБРБ над базой денежной массы. Начиная с 2010 года, когда НБРБ проводил широкомасштабные своп-сделки, большая часть его обязательств была учтена во внешней базе денежной массы. Кроме того, в течение последних нескольких лет коммерческие банки держали большие объемы (по сравнению с базой денежной массы) ликвидности на депозитах в НБРБ и облигациях НБРБ.¹⁹⁵ Таким образом, на базу денежной массы влияет не только интервенции НБРБ, но также и операции коммерческих банков.

В-шестых, денежное таргетирование, как правило, порождает некоторые конфликты между установкой базы денежной массы в качестве целевого ориентира роста денежной массы и процентной ставки в качестве инструмента экономической политики. Слишком высокие реальные процентные ставки и искаженная кривая доходности приводят монетарные власти в искушение использовать прямой контроль над процентными ставками. Такая практика широко использовалась в предыдущие годы в рамках режима фиксированного валютного курса, и сохранилась даже в рамках механизма денежного таргетирования.¹⁹⁶ Однако неуклонное соблюдение прямого контроля процентной ставки и обязательств по денежным агрегатам может вызывать противоречивые сигналы.

В-седьмых, широкая денежная масса вряд ли может рассматриваться в качестве надлежащего якоря во многих отношениях. Например, сомнительно, что общественность знает, понимает и воспринимает этот показатель в качестве номинального якоря. Кроме того, учитывая высокий уровень долларизации, в случае значительных колебаний валютного курса НБРБ может столкнуться с проблемами в достижении либо целевых показателей по широкой денежной массе, либо целевого ориентира по инфляции. Аналогичная ситуация сложилась в 2015 году, когда НБРБ сформулировал цель роста широкой денежной массы на 30%. Но некоторые неожиданно большие колебания произошли в течение года, что вызвало рост широкой денежной массы на 40,9% к концу года. Несмотря на это, (главный) целевой ориентир по инфляции, в отличие от промежуточного, был достигнут. Таким образом, этот якорь чувствителен к факторам, находящимся вне контроля НБРБ, что может быть проблемой в выполнении им своих обязательств.

¹⁹⁴ Пелипась и Кирхнер (2015), Мирончик и Безбородова (2015), Крук (2011).

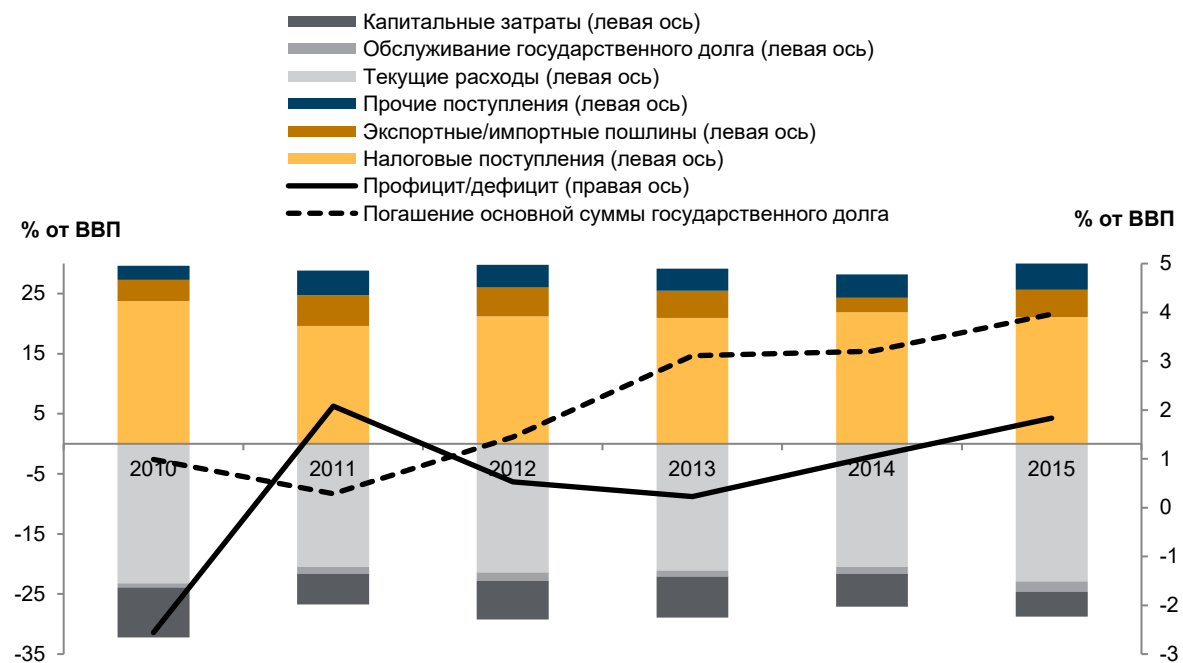
¹⁹⁵ В прошлом году большая часть средств от своп-сделок 2010 года была выпущена с новыми характеристиками на основе облигаций НБРБ.

¹⁹⁶ Мурин (2016).

Очевидно, что в случае белорусской макроэкономической среды существуют потенциальные "подводные камни" (Блок 4.3), связанные с механизмом денежного таргетирования. В какой-то момент времени власти, вероятно, будут стремиться к более эффективному режиму экономической политики наравне с необходимыми институциональными изменениями для его поддержки. В настоящее время существует ряд исследований, указывающих на преимущества инфляционного таргетирования в случае Беларуси.¹⁹⁷

Относительное ужесточение фискальной политики сопровождало драматические изменения в монетарной сфере. В отличие от монетарной политики, это не было сиюминутным решением. Фискальные органы испытывают давление, вызванное увеличением обязательств по погашению задолженности, начиная с 2012 года (Диаграмма 4.12). Это включало в себя как обслуживание долга (где рост был более или менее постепенный), так и платежи в погашение основного долга (в этом случае рост был достаточно резким). В целом, это не вызвало радикальных изменений в бюджетных расходах.

Диаграмма 4.12 / Исполнение бюджета (доходы "+", расходы "-") и погашение внешнего долга, 2010-2015 годы, % от ВВП

Источник: Министерство финансов; Белстат, расчеты автора.

В 2012-2014 годах правительство смягчало данную проблему в основном путем рефинансирования долга, тем самым откладывая ее решение на более поздний срок. Это решение было выбрано в связи с тем, что доля бюджетных доходов, выраженных в иностранной валюте, была существенно ниже его валютных обязательств. Кроме того, доходы от экспортных/импортных пошлин (основной компонент валютных доходов) продолжали снижаться из-за неблагоприятных условий на экспортных рынках. С учетом несоответствия между валютными обязательствами и расходами, обслуживание долга могло либо привести к

¹⁹⁷ Зарецкий (2012).

дополнительному спросу на иностранную валюту со стороны правительства на внутреннем рынке (что считалось крайне нежелательным), либо потребовать болезненных корректировок расходов. Таким образом, правительство сделало выбор в пользу рефинансирования долга, но, тем не менее, породило ряд ограничительных тенденций в расходах.

Действительно, некоторое снижение государственных расходов также имело место. В рамках текущих расходов наиболее глубокое сокращение произошло в сфере государственных закупок товаров и услуг, а также бюджетных трансфертов (которые включают в себя как социальные трансферты, так и субсидии компаниям). Сокращения в эти двух сферах вкуче привели к сокращению расходов примерно на 0,8 процентных пункта ВВП. Кроме того, произошли значительные сокращения в сфере государственных капиталовложений: на 0,9 процентных пункта ВВП за период 2012-2014 годов. Это может быть интерпретировано так, что средства, сэкономленные в результате этих сокращений, были направлены на погашение задолженности.¹⁹⁸

В 2015 году финансовое положение осталось примерно таким же, но с несколькими новыми элементами. Новая сделка с Россией (в отношении нефтяных пошлин) была наиболее влиятельным из этих элементов. Она обеспечила увеличение государственных доходов примерно на 2,5% от ВВП. Кроме того, эти средства были выражены в иностранной валюте, что позволило использовать их непосредственно для погашения задолженности.

Технически это выразилось в увеличении общего профицита бюджета, поскольку пошлины на нефть увеличили доходную часть, но не повлияли на расходную часть, так как погашение задолженности учитывается "под строкой".

Более того, дополнительная внутренняя структурная перестройка расходов и доходов смягчила до некоторой степени реальное сокращение наиболее чувствительных статей бюджетных расходов, таких как заработная плата в государственном секторе и социальные трансферты. Таким образом, произошло дальнейшее сокращение государственных капиталовложений: в относительном выражении они достигли исторического минимума в 2015 году (4,2% от ВВП против среднего значения 6,4% в 2010-2014 годах и около 10% от ВВП в предыдущем десятилетии). Кроме того, власти изыскивали источники дополнительных доходов и ориентировались на две группы налогоплательщиков: домашние хозяйства и прибыльные государственные предприятия. Ставка подоходного налога с физических лиц была увеличена в 2015 году с 12% до 13%. Таким образом, этот налог был единственным налогом, который обеспечил более высокие доходы. Что касается прибыльных госпредприятий, ряд новых положений способствовал увеличению доходов бюджета за счет более высоких, чем обычно отчислений с их прибыли. Кроме того, налоговое ведомство ужесточило сбор налогов и штрафов, что способствовало увеличению неналоговых доходов до 5,0% от ВВП (3,6% от ВВП в 2010-2014 годах, и около 2,5% в предыдущем десятилетии).

В целом, фискальная политика не использовалась в качестве контрциклического инструмента в период рецессии в 2015 году и даже обрела некоторые проциклические функции. Трудности в монетарной сфере оказали непосредственное воздействие на меры стимулирования спроса. Так,

¹⁹⁸ Выплаты по основному долгу учитываются в бюджете "под строкой".

власти воздержались от существенной корректировки номинальной "базовой ставки заработной платы", что привело к снижению примерно на 7,5% в реальном выражении (Диаграмма 4.4). Кроме того, правительство рекомендовало более тесно связать заработную плату и повышение зарплат к динамике производительности труда.¹⁹⁹

Отражая все эти политические изменения, макроэкономическая ситуация в Беларуси также изменилась. До 2015 года традиционная макроэкономическая картина представляла собой сочетание низкого уровня безработицы и роста ВВП (хоть и низкого и ослабленного в последние годы), с одной стороны, и существенного дефицита внешней торговли, избыточного обменного курса и высокого уровня инфляции, с другой стороны. Начиная с 2015 года, картина изменилась в обратную сторону: фактический обменный курс примерно соответствует равновесному курсу, дефицит текущего счета близок к своему оценочному среднесрочному равновесию в пределах около 3% от ВВП²⁰⁰ с признаками дефляции, однако, все это в сочетании с сокращением производства и ростом безработицы.

С точки зрения уровня производительности, 2015 год показал худшие результаты за последние два десятилетия. ВВП снизился на 3,9% в годовом исчислении. Валовое накопление основного капитала упало на 15,9% (и показало отрицательный вклад в рост ВВП в объеме -5.9 процентных пункта), реальные потребительские расходы домашних хозяйств и государственных организаций снизились на 2,4% (и показали отрицательный вклад в рост ВВП в объеме -1.6 процентных пункта). Единственным компонентом, который внёс положительный вклад в ВВП (+5,3 процентных пункта) стал чистый экспорт. Тем не менее, положительный эффект чистого экспорта может быть связан с тем, что реальный импорт сократился больше, чем реальный экспорт. Со стороны предложения, все основные отрасли промышленности находились в состоянии рецессии. Объемы строительства упали на 9,5% в годовом исчислении, а в секторе обрабатывающей промышленности отмечено сокращение производства в объеме 6,2%.

В 2015 году средняя реальная заработная плата снизилась на 3,1%, а уровень реальных располагаемых доходов сократился на 5,6%. Рост безработицы стал новой основной характерной чертой экономического состояния домохозяйств. Официальная статистика по безработице (1,1%) охватывает только зарегистрированных безработных лиц и не может пролить свет на реальный масштаб проблемы. Значительное снижение уровня занятости (численность лиц, занятых постоянным трудом сократилась на 80 500 человек в период с декабря 2014 года по декабрь 2015 года) служит более наглядным показателем ухудшения ситуации на рынке труда.

Во внешней торговле Беларуси отмечен профицит товаров и услуг впервые за много лет (174,3 млн долларов США²⁰¹). Это следствие может объясняться падением курса национальной валюты и продолжающимся спадом в экономике.

В монетарной сфере результаты 2015 года были неоднозначными. Властям удалось избежать полномасштабного финансового кризиса и НБРБ добился успеха в достижении дефляции. Среднегодовой уровень инфляции (ИПЦ) снизился до 13,5%, что явилось прогрессом в

¹⁹⁹ Эта практика была введена во второй половине 2014 года специальным постановлением правительства.

²⁰⁰ МВФ (2010) оценивает среднесрочный равновесный уровень дефицита текущего счета в размере около -2,7% от ВВП.

²⁰¹ Цены FOB-FOB.

сравнении с темпами прошлого периода. Дефляция явилась результатом не только ограничительной монетарной политики. Сокращение спроса (в частности, частного потребления) привело к снижению инфляционного давления и способствовало дефляции. Значительное снижение курса национальной валюты (на 37,6% по отношению к корзине и 56% по отношению к доллару США) было в основном вызвано внешними потрясениями и не вызвало немедленных финансовых потрясений благодаря изменению режима валютного курса.

В то же время, жесткая монетарная политика в рамках механизма монетарного таргетирования, вероятно, оказала проциклический эффект, усиливая циклический спад. Кроме того, растущее количество проблемных кредитов стало предметом растущего беспокойства для банковской системы, вызывая сомнения в устойчивости банков в условиях новой экономической реальности.

Наконец, проблема внешней задолженности встала более остро. В то время как валовой внешний долг в абсолютном выражении снизился на 1,8 млрд долларов США, из-за снижения обменного курса он повысился в относительном выражении - до 69,7% от ВВП в 2015 году и 52,8% - годом ранее. Внешний государственный долг вырос с 20,1% до 26,8% от ВВП (Диаграмма 4.6).

В целом, макроэкономические показатели в 2015 году были разочаровывающими. Страна столкнулась с первой рецессией за последние 20 лет, которая напомнила о проблеме безработицы. Несмотря на относительную стабилизацию цен, риски для финансовой системы и её общая неустойчивость по-прежнему стоит на повестке дня.

В 2015 году, как власти, так и широкая общественность были более или менее готовы к этим вызовам. В то же время, имело место ожидание предстоящего быстрого восстановления. Но этого не произошло в 2016 году, поскольку условия экономического спада сохранились. На повестку дня вернулись такие вопросы, как: "почему рецессия настолько устойчивая", и "каковы правильные приоритеты экономической политики". Консолидированная позиция властей на очевидные ограничения как в отношении системы КФО-МБО, так и макростимулов (как в первой половине 2015 года) начала ослабевать. Так, в 2016 году, неопределенность относительно будущего курса политики и направления макроэкономических результатов вновь нарастает.

Причины условий экономического спада

В текущей макроэкономической ситуации, Беларуси необходимо найти новые стимулы для активного роста. Вопрос заключается в том, могут ли политические меры внести вклад в развитие таких стимулов и каким образом это можно сделать.

"Общая картина" макроэкономической среды в Беларуси несколько похожа на интерпретацию текущего спада в развитых странах, как длительного застоя: естественная процентная ставка ниже фактического уровня процентной ставки, что вызывает спад/замедление цикла деловой активности.²⁰² Тем не менее, для стран с развитой рыночной экономикой эта ситуация рассматривается как следствие проблемы нулевой нижней границы, что не относится к Беларуси. Для Беларуси устойчивая чрезмерность реальных процентных ставок, как представляется,

²⁰² Саммерс (Summers) (2014).

связана с высокими и волатильными инфляционными ожиданиями после валютного кризиса 2011 года (Диаграмма 4.13).

Диаграмма 4.13 / Разбивка номинальной межбанковской процентной ставки, 2005-2015 годы, %

Источник: Собственные оценки, основанные на данных Крука (2016).

В 2011 году Беларусь пережила скачок очень высокого уровня инфляции, связанный с обвалом валюты. Хотя эта корректировка и помогла ослабить (хоть и временно) макроэкономический дисбаланс, она также свела к нулю доверие к монетарной политике и вызвала всплеск инфляционных ожиданий.

Диаграмма 4.14 / Фактическая инфляция (ИПЦ) и инфляционные ожидания, квартальная динамика (в годовом исчислении), %, 2005-2015 годы

Источник: Собственные оценки, основанные на данных Крука (2016).

Оценочный спектр инфляционных ожиданий²⁰³ позволяет предположить, что уровень ожидаемой инфляции имеет тенденцию быть устойчиво выше, нежели фактическая инфляция. Это

²⁰³ Крук (2016).

позволяет предположить, что субъекты экономической деятельности, вероятно, до сих пор недостаточно доверяют заявленным обязательствам НБРБ и склонны рассматривать угрозу инфляции как долговременный процесс (Диаграмма 4.14).

БЛОК 4.4 / ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКИХ ИНФЛЯЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ

Распространение инфляции через ожидания может рассматриваться как отдельный канал в рамках монетарного механизма воздействия на уровень плановых затрат (наряду с процентной ставкой, обменным курсом и каналами банковского кредитования). Другими словами, даже в отсутствие лежащих в основе фундаментальных предпосылок, инфляционные ожидания могут оказаться неизбежностью.²⁰⁴ Для того чтобы подавить распространение через такой канал, властям, возможно, потребуется более интенсивно усиливать политическую позицию, нежели она была бы в случае отсутствия этого канала, в частности, путем повышения процентных ставок. С одной стороны, такой уровень номинальной процентной ставки может быть уже учтен в инфляционных ожиданиях и реальной ожидаемой процентной ставке; т.е. текущий уровень номинальных процентных ставок уравнивает предыдущую реальную ставку с ожидаемой реальной ставкой, если фактический уровень инфляции будет таким же высоким, как и текущие инфляционные ожидания. С другой стороны, если фактическая инфляция намного ниже ожидавшейся инфляции, предыдущая реальная ставка будет намного выше, чем ожидаемая.

Это создает что-то вроде ловушки для органов монетарного регулирования. Если они сохраняют процентные ставки на высоком уровне с учетом ожидаемой инфляции, воздействие ожиданий по фактической инфляции будет смягчено, однако потери с точки зрения предыдущей продукции будут высокими, в том числе, в связи с высоким уровнем предыдущих реальных процентных ставок. Если они продолжат быстро снижать номинальные процентные ставки, текущие номинальные ставки не будут гарантировать ожидаемых реальных процентных ставок, принимая во внимание высокие инфляционные ожидания, которые будут представлять собой шок для денежного рынка. Такая совокупность факторов может заложить основу механизма неизбежно сбывающегося пророчества.

Кроме того, рост в абсолютном отношении и в волатильности ожидаемого реального курса (и высокая вероятность еще более высокого предыдущего реального курса в национальной валюте) также может служить предметом для беспокойства (Диаграмма 4.13). Учитывая высокие инфляционные ожидания, вкладчики могут требовать более высоких "гарантированных" процентов по национальной валюте, то есть более высокой ожидаемой реальной ставки по сбережениям в национальной валюте. Если такая премия не защищена, вкладчики имеют тенденцию к большему переводу депозитов в иностранную валюту (Диаграмма 4.11), тем самым снижая спрос на национальную валюту. Здесь НБРБ снова стоит перед дилеммой, которая не позволяет выбрать хорошее решение: игнорирование растущей долларизации депозитов означает признание меньшего контроля над индексами денежной массы и повышенной чувствительностью к шокам; иным образом, процентная ставка должна поддерживаться на высоком уровне, что приводит к ослаблению производства.

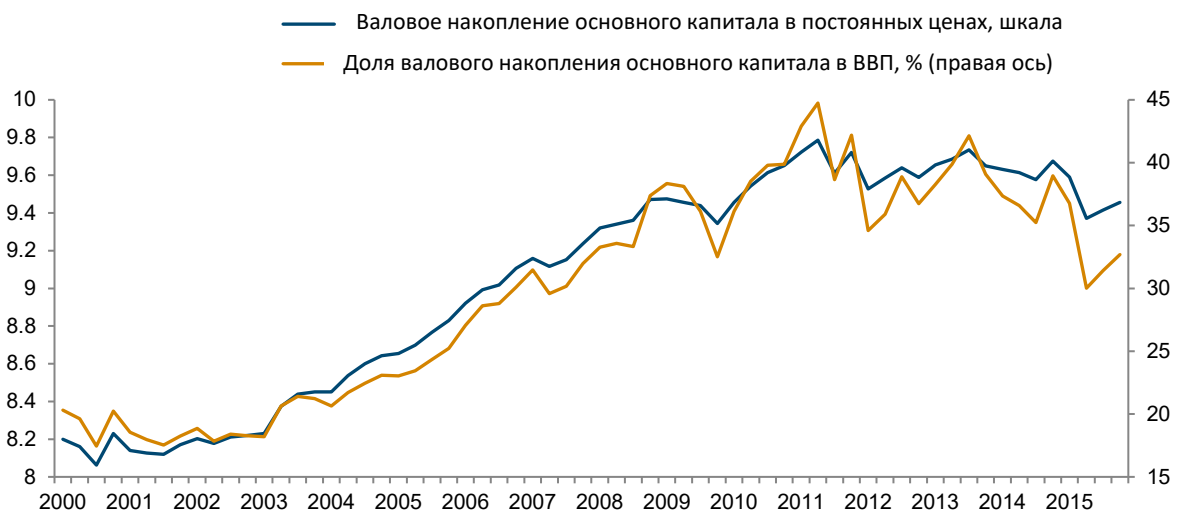
Инфляционные ожидания стали вызовом для монетарных властей во многих аспектах (блок 4.4). Устойчиво высокие инфляционные ожидания представляют, таким образом, вызов для монетарной политики, существенно уменьшая ей простор для маневра. Так, подавление инфляционных ожиданий, вероятно, следует рассматривать в качестве одной из приоритетных целей монетарной политики и макроэкономической политики в целом. В связи с этим, хотя режим

²⁰⁴ Кристиано, Трабандт и Валентин (Christiano, Trabandt and Walentin) (2011).

монетарного таргетирования, вероятно, и стоит выше привязки обменного курса с точки зрения снижения риска валютных кризисов, это не помогает в решении проблемы высоких и устойчивых инфляционных ожиданий.

С точки зрения макроэкономической среды, опасность высоких и волатильных инфляционных ожиданий связана в первую очередь с их ролью в продвижении реальных процентных ставок, что вызывает устойчивый разрыв между фактической и естественной процентной ставкой.

Диаграмма 4.15 / Динамика валового накопления основного капитала, 2000-2015 годы

Источник: Белстат; расчеты автора.

Компании могут не захотеть инвестировать, с учетом низкого потенциала роста и низких ожидаемых доходов от вложений даже в случае улучшения внешней среды.²⁰⁵ Это предопределяет условия для сокращения капиталовложений и снижения естественной процентной ставки. Но разрыв между естественной процентной ставкой и фактическим уровнем процентных ставок на белорусском финансовом рынке усиливает нежелание инвестировать. В конечном итоге, это приводит к падению деловой активности в инвестиционной среде. Хотя в прошлом, инвестиции в основной капитал являлись важным фактором роста, начиная с 2011 года они начали стагнировать и даже сокращаться как в абсолютном выражении, так и, особенно, по отношению к ВВП (Диаграмма 4.15).

С точки зрения долгосрочных условий, ослабленные инвестиции в основной капитал могут рассматриваться как отражение структурных недостатков и ослабление предыдущих двигателей роста. Иными словами, эта структурная тенденция облегчает корректировку фонда капитала до более обоснованного низкого уровня, учитывая чрезмерное и непродуктивное формирование капитала в предыдущие годы.

²⁰⁵ Данное мнение эмпирически поддерживается путем оценок естественной процентной ставки по Беларуси в соответствии с методологией Лаубаха-Уильямса (Laubach и Williams, 2003, 2015). Соответствующий анализ демонстрирует постепенное снижение естественной процентной ставки в Беларуси с примерно 7,5% в год в середине 2000-х годов, до примерно 2% в год к концу 2015 года.

Разрушение текущей совокупности факторов "ослабления капитальных вложений" требует многочисленных изменений, касающихся как структурных, так и краткосрочных проблем. Структурная консолидация может закрепить тенденцию к увеличению естественной процентной ставки. Тем не менее, стабильная монетарная среда не менее важна. Нестабильность ожиданий вызывает для НБРБ очевидный конфликт между стабильностью цен и целей стабилизации производства. С этой точки зрения, приоритезация цен и финансовой стабильности приводит к жесткой монетарной политике с точки зрения производства, что снижает деловую активность.

Обзор на ближайшую перспективу указывает, что эта позиция будет продолжена, где фактическая реальная процентная ставка превышает естественную процентную ставку.²⁰⁶ Таким образом, ситуация с ослабленными инвестициями в основной капитал, скорее всего, сохранится и в ближайшем будущем, откладывая восстановление после циклической рецессии. Кроме того, поскольку ослабление инвестиций в основной капитал является более структурным вопросом, нежели циклическим, предпосылки для возвращения прежней модели роста, движимого инвестициями, также представляется маловероятным в среднесрочной перспективе.

Риски для финансовой стабильности

Акцентированность властей на ценовую и финансовую стабильность с 2015 года, тем не менее, не устранило риски для финансовой стабильности. Многочисленные традиционные финансовые недостатки в силу высокого уровня долларизации и нестабильных инфляционных ожиданий, по-прежнему остаются на повестке дня. Однако, в настоящее время этот перечень угроз был дополнен проблемами, связанными с долговыми обязательствами. Уровень и качество государственного долга и обязательств делового сектора создают риски для будущей макроэкономической стабильности. Каждый вызов может быть дополнен квазифискальными обязательствами, в то время как до сих пор неясно, какая стратегия (если таковая имеется) будет использоваться для их решения.

Имел место ряд причин для ухудшения качества задолженности в деловом секторе. В течение десятилетия "кредитного бума", многие нефинансовые компании активно меняли структуру своего первичного капитала путем увеличения доли заемных средств. За последние десять лет, коэффициент автономии собственных средств в экономике снизился с 79,4% до 57,3%.²⁰⁷ Кроме того, политическое продвижение "модернизации", которое усилилось после 2012 года, усугубило проблему задолженности в государственных предприятиях.²⁰⁸

²⁰⁶ Всемирный банк (2016); IPM (2016).

²⁰⁷ Согласно оценкам НБРБ, к концу первого квартала 2016 года, негосударственный долг был примерно в 4 раза выше, чем среднемесячные доходы. В течение последних трех лет этот показатель примерно удвоился. Наиболее общий подход к оценке порога качества задолженности с использованием последнего указывает на значение 3.

²⁰⁸ Внедрив планы по модернизации, государственные предприятия должны были обеспечить финансовые источники для реализации этих планов. Чаще всего основная часть средств на приобретение нового оборудования была заимствована, с учетом отсутствия собственных источников для капиталовложений. Кроме того, модернизация кампания способствовала росту доли кредитов в иностранной валюте, так как импортное оборудование, в основном приобреталось за иностранную валюту и многие государственные предприятия предпочитали получать валютные кредиты по более низким процентным ставкам.

Стоимость заимствований является еще одним атрибутом проблемы долгового бремени, особенно с учетом того, что реальные процентные ставки в последние годы резко возросли. Кроме того, в 2013-2014 годах, многие компании брали валютные займы, стремясь облегчить бремя задолженности, одновременно принимая чрезмерный риск обменного курса. Во многих случаях кредиты в иностранной валюте брались предприятиями, которые не имели валютной выручки. В результате, качество долгов стало в значительной степени зависеть от колебаний валютного курса.

Две группы компаний, т.е. государственные предприятия (в первую очередь, бенефициары целевого кредитования) и заемщики в иностранной валюте, не имеющие достаточных доходов от экспорта, были затронуты в наибольшей степени в отношении устойчивости долга.

Рецессия 2015 года и существенное падение курса в течение всего года усилили проблемы обслуживания долга, особенно у имеющих задолженность, государственных предприятий. Деревообрабатывающая промышленность служит показательным примером таких проблем. В период 2008-2014 годов, крупные финансовые ресурсы были направлены в государственные предприятия в этом секторе путем целевого кредитования на модернизацию их производственных мощностей.²⁰⁹ Тем не менее, бизнес-планы по обоснованию этой кампании оказались излишне оптимистичными: реальный спрос на целевых рынках сократился, цены на готовую продукцию на внешнем рынке упали фактически вдвое, доходы на внутреннем рынке также упали ниже ожиданий. К 2015 году большинство из этих госпредприятий де факто были неплатежеспособными: их обязательства по обслуживанию долга превысили их доходы, что спровоцировало интервенцию долговых свопов со стороны государства.

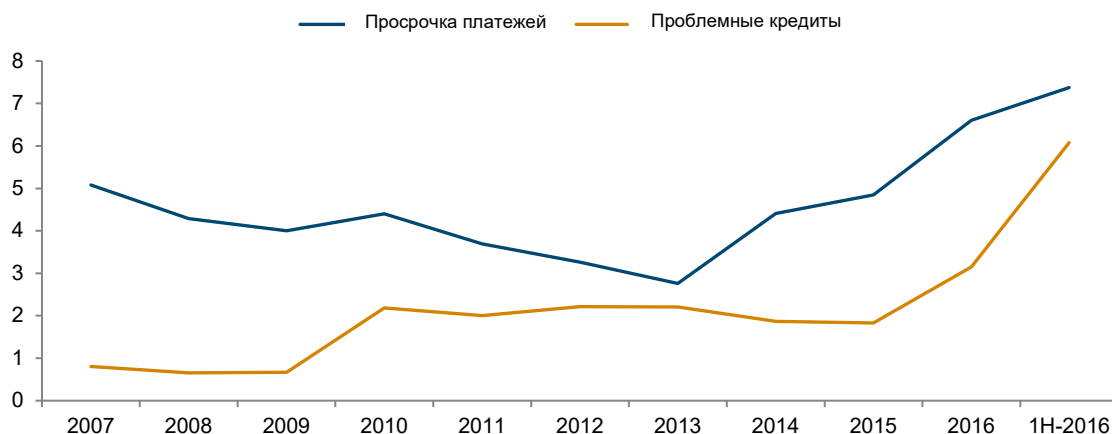
Изменившаяся среда создала также проблемы и предприятиям, заимствовавшим по рыночным ставкам, когда бизнес-модель оказалась неэффективной в новых условиях, например, для компаний, зависимых от импорта или проводящих сделки с недвижимостью. В первом случае, компании понесли потери в плане конкурентоспособности в связи с обесцениванием, которое значительно превзошло корректировку внутренних цен. В сфере недвижимости, изменения в относительных внутренних ценах привели к ужесточению условий кредитования (требование о дополнительном залоге, требования в отношении авансовых выплат, ограничения в рефинансировании и т.д.). Кроме того, все держатели долга, которые первоначально заимствовали в иностранной валюте и не имели (или имели очень мало) источников доходов в иностранной валюте также столкнулись с проблемой в обслуживании долга.

Так, Беларусь де факто уже сталкивается с проблемой задолженности; Однако ее масштабы до сих пор не ясны. Находящиеся в открытом доступе финансовые отчеты предприятий не содержат достаточной информации для оценки остроты проблемы на корпоративном уровне. Например, ряд методов бухгалтерского учета может замаскировать фактическое финансовое состояние компании и её способность обслуживать и погашать долги. Более того, в некоторых случаях финансовая отчетность (за исключением государственных предприятий, которые до сих пор не являются акционерными обществами) недоступна. Из имеющихся статистических данных,

²⁰⁹ Существует нехватка официальной статистики по целевому кредитованию, особенно в отношении данных в разрезе секторов или предприятий. Тем не менее, пару раз представители власти упоминали цифру в размере 3 миллиардов долларов США, которые были вложены в деревообрабатывающую промышленность во время кампании по модернизации.

быстрый рост просроченных платежей и проблемных кредитов может служить наглядным доказательством растущей проблемы (Диаграмма 4.16).

Диаграмма 4.16 / Динамика просроченных платежей и проблемных кредитов, % от ВВП, 2007-2016 годы

Источник: Белстат; расчеты автора.

Со стороны банков есть общедоступные данные о доле проблемных кредитов в их портфелях. Статистика банков указывает на постепенное увеличение доли проблемных кредитов на протяжении 2015 года и резкое увеличение с начала 2016 года до примерно 13% от общего объема портфеля к концу первого квартала 2016 года. Тем не менее, если бы не долговой своп 2015 года, уровень проблемных кредитов составил бы примерно 17% от общего портфеля.

Текущая доля проблемных кредитов, которая уже достигла тревожного уровня, по-прежнему может приводить к недооценке реальной ситуации. Во-первых, можно ожидать, что государственные банки, которые в основном занимаются целевым кредитованием, будут демонстрировать высокую долю проблемных кредитов. Тем не менее, данные об уровне проблемных кредитов, предоставляемые такими банками, регулярно ниже, чем в частных банках. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что есть государственные гарантии, которые позволяют классифицировать потенциально уязвимые займы как принадлежащие к категории "надёжных" активов. Тем не менее, способность правительства (на центральном и местном уровнях) выполнять свои гарантии, как минимум сомнительна, учитывая, что большая часть таких гарантий не имеет ясного источника финансирования. Таким образом, финансовые риски для государственных банков из-за проблемных кредитов могли быть недооценены.

Во-вторых, белорусское законодательство и банковская практика позволяет оценивать залог по его балансовой стоимости, а не справедливой рыночной стоимости. С учетом ряда последних существенных корректировок цен на многих рынках (сфера недвижимости является одним из них), разрыв между учетной стоимостью залога и его справедливой рыночной стоимостью, возможно, увеличился. Соответственно, фактическое качество таких кредитов может быть искажено, что не будет отражено в статистике.

В-третьих, в некоторых случаях банки могут неохотно раскрывать реальную ситуацию с проблемными кредитами, так как это может еще больше затруднить их собственное финансовое положение. Например, партнеры на межбанковском рынке могут не захотеть предоставлять ликвидность банкам с высокой долей проблемных кредитов; вкладчики могут изымать свои вклады.

Последствия долгового бремени могут быть разрушительными для национальной экономики во многих отношениях. Компании, сталкивающиеся с проблемами задолженности, вынуждены отказываться от своих инвестиционных планов или сокращать их. Если этого будет недостаточно для стабилизации своего финансового положения, им придется и дальше сокращать расходы и рассматривать вопросы о сокращении штатов или даже сворачивании своей деятельности. Банки, которые обременены проблемными кредитами, вынуждены ассигновать, что влияет на их кредитные возможности и снижает возможности заимствований, что в конечном итоге отрицательно сказывается на экономической деятельности. В свою очередь, не соответствующие стандартам банковские портфели негативно влияют на деятельность банков; дальнейшее существенное ухудшение может представлять угрозу для их платежеспособности, потенциально создавая риски для банковской системы в целом.

Власти, похоже, осведомлены о рисках, связанных с увеличением уровня задолженности в корпоративном и банковском секторе. Банкам, сталкивающимся с ухудшением качества активов, было рекомендовано обратиться за рекапитализацией. Тем не менее, эта рекомендация может оказаться трудной для реализации, особенно для государственных банков. Их рекапитализация будет в значительной степени генерировать новые требования к государственным ресурсам, которые могут представлять угрозу для устойчивости государственного долга. Принимая во внимание этот вызов, власти, похоже, не определились по поводу возможных вариантов в отношении крупных государственных банков. Что касается меньшего государственного банка - Белинвестбанк, они выбрали традиционную схему прямой рекапитализации (наряду с передачей некоторых его активов Банку развития), поскольку это не столь обременительно для экономики в целом. Кроме того, имеется не так много альтернативных вариантов. В прошлом, власти возвращались к другим вариантам спасения банков, таким как вливание ликвидности в банки со стороны НБРБ, что равноценно прямой печати денег. В настоящее время НБРБ сопротивляется повторению подобных интервенций, по крайней мере, на некоторое время. Тем не менее, при возникновении реальной угрозы полноценного банковского кризиса, его отношение может измениться.

Другие обсуждаемые возможные варианты решения задолженности в корпоративном и банковском секторах включают в себя: предоставление дополнительного залога по непогашенной задолженности и ускоренное погашение задолженности. Однако опять же, реализация этих решений может оказаться проблематичной. Во многих случаях это может потребовать инициирования процедуры банкротства заемщиков, что может быть крайне нежелательным, учитывая влияние этой меры на занятость, социальную стабильность, управляемость и т.д.

Этот компромисс отражает лежащий в основе конфликт между диспропорциями, вызываемыми системой КФО-МБО и стремлением обеспечить макроэкономическую стабильность. Система КФО-МБО (а не сами банки) стала основным источником, порождающим проблемные кредиты. Следовательно, ключевой путь к успешному решению этой проблемы должен включать ответные

меры не только в отношении банков, но и в отношении основных принципов системы КФО-МБО и накопленного избытка квазифискальных обязательств. Последнее означает, что политика должна предусматривать ответы на два вопроса: (i) какие механизмы финансового посредничества могут обеспечить эффективное размещение капитала в будущем, и (ii) как покрыть прошлые убытки.

В данном контексте, правительство рассматривает вариант с созданием специального органа для урегулирования проблемных кредитов, как своего рода посредника для нахождения индивидуальных решений между банками и заемщиками в каждом конкретном случае.

Во второй половине 2016 года правительством создано "Агентство по управлению активами", с наделением его функциями по реструктуризации и управлению кредитами, предоставленными сельскохозяйственным предприятиям. Этот новый орган призван ускорить процесс реструктуризации Белагропромбанка, нежели обеспечить системные меры реагирования на проблемные кредиты во всей банковской системе. Но даже в отношении сельского хозяйства, по-прежнему неясно, удастся ли Агентству осуществить коренной пересмотр непогашенных кредитов, системы выдачи кредитов и, в более широком смысле, системы МБО в сельском хозяйстве в целом. В принципе, формальные полномочия, делегированные Агентству, могли бы позволить ему сделать это.²¹⁰ Тем не менее, соответствующие правила не предусматривают четких путей относительно того, "кто должен покрыть убытки". Они предусматривают многочисленные источники средств для приобретения проблемных активов, однако выпуск облигаций со стороны местных властей, скорее всего, станет преобладающим решением. Фактическое функционирование Агентства должно предоставить больше информации для понимания его роли и назначения в отношении проблемных кредитов сельхозпредприятий.

В настоящее время правительство, по всей видимости, не имеет четкой стратегии борьбы с накопленным навесом КФО. Международный опыт и здравый смысл позволяют предположить, что в широком смысле могут существовать три основных пути решения проблемы: (i) инициирование банкротства неплатежеспособных заемщиков (или согласительных процедур с наделением банков дополнительными обеспечительными полномочиями); (ii) поддержка заемщиков с одновременной реструктуризацией/рекапитализацией банков; и (iii) "перезагрузка" системы после покрытия убытков правительством (т.е. за счет увеличения государственного долга). Первый вариант видится неприемлемым для правительства по социальным и политическим соображениям. Второй и третий варианты будут на самом деле означать, что навес КФО предполагается преобразовать в открытый государственный долг. Это также нежелательно, так как это будет представлять угрозу для устойчивости государственного долга, который уже материализовался как долг со среднесрочным риском.

На сегодняшний день, риски для устойчивости государственного долга в основном связаны с валютной структурой долга, где обязательства в твердой валюте являются доминирующими. Даже в случае относительно стабильного абсолютного объема государственного долга, долг по отношению к ВВП уже приближается к угрожающему уровню²¹¹ и может дополнительно увеличиться по паритету с возможным дальнейшим снижением курса рубля. Кроме того, в то время как уровень будущего обслуживания долга в иностранной валюте будет расти, сумма

²¹⁰ Указ Президента № 268 от 14 июля 2016 года.

²¹¹ Из-за значительного обесценивания в течение последних лет и сокращения реального ВВП, что в совокупности привело к быстрому снижению ВВП, измеряемому в долларах США.

будущих доходов правительства в иностранной валюте представляет неопределенность; уровень международных резервов также весьма низок. Таким образом, правительству необходимо будет запрашивать новые заимствования в иностранной валюте для того, чтобы обслуживать свои обязательства в иностранной валюте или пролонгировать старый долг. Следовательно, устойчивость государственного долга (более конкретно, его компонента в иностранной валюте) может оказаться сомнительной, если новые заимствования станут недоступными или, если бремя задолженности продолжит расти. Возникновение проблемы с суверенным долгом может быть весьма разрушительным для экономики, вероятно, даже в большей степени, чем частный долговой кризис, поскольку это влечет за собой серьезные риски как для макроэкономической, так и финансовой стабильности.

По всей видимости, власти в полной мере осведомлены об этих рисках. Недавно был создан Совет по финансовой стабильности с основной миссией по мониторингу и противодействию системным рискам для финансовой стабильности.²¹² Его мандат в основном предусматривает координацию деятельности и разработку совместных планов действий трех хозяйственных органов - НБРБ, Министерства экономики и Министерства финансов. Хотя Совет и не имеет инструментов прямого вмешательства, он может стать важным с точки зрения макропруденциального регулирования, в связи с тем, что он направлен на обеспечение координации и синхронизации деятельности вышеупомянутых государственных органов. Высокий представительный уровень Совета в лице председателя и заместителей председателя НБРБ, заместителя Премьер-министра, министров и заместителей министров финансов и экономики, призван обеспечить высокий приоритет вопросов финансовой стабильности. Тем не менее, еще предстоит выяснить, насколько эффективно Совет будет функционировать в реальности.

БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

История взаимоотношений Беларуси с двумя основными международными финансовыми институтами (МВФ и Всемирный банк) не такая уж и богатая. Два соглашения с МВФ о резервных средствах были согласованы в 1990-х годах (1993 и 1995), но затем были сокращены по инициативе белорусской стороны по причине противоречий между условиями получения кредитов от МВФ и приоритетами страны в области политики. Позже, вплоть до 2009 года, сотрудничество между Беларусью и МВФ имело место только на уровне программ технического содействия. С Всемирным банком же сотрудничество было более насыщенным. Был реализован ряд проектов (например, в области здравоохранения, окружающей среды и инфраструктуры), но они были не такими уж значительными с точки зрения масштаба и охвата. Аналогичную форму приняли и взаимоотношения с ЕБРР, но при этом банк принял большее финансовое участие в предпринимательском секторе страны. В целом, период до финансового кризиса стал периодом самоизоляции Беларуси по отношению к международным финансовым институтам. Белорусские власти стали даже подозрительно относиться к этим учреждениям по причине их чрезмерного акцента на продвижении нежелательных стандартов и практик. В свою очередь, МВФ, Всемирный банк и ЕБРР относились к Беларуси как к исключению из общепринятых схем, присутствующих в других странах, и не были готовы скорректировать свои программы с учетом страновой специфики.

²¹² Постановление Совета Министров и НБРБ г. № 454/16 от 13 июня 2016 года.

Мировой финансовый кризис 2008-2009 годов и срочная потребность Беларуси во внешнем финансировании для обеспечения валютной привязки привели к новому этапу в двусторонних отношениях. В 2008 году Беларусь подала заявку на оказание финансового содействия со стороны МВФ через соглашение о резервных средствах. Стабилизация платежного баланса на фоне неожиданного и сильного ухудшения текущего счета стало основной официальной целью программы. Учитывая очень короткий период проведения переговоров - Беларусь подала заявку на финансирование в середине октября 2008 года, а программа была утверждена к концу декабря этого же года - обеим сторонам потребовалась достаточная гибкость с учетом их традиционных позиций по отношению друг к другу.

Белорусской стороне было известно об отсутствии альтернативных источников экстренного финансирования. Россия, которая рассматривалась в качестве источника финансирования по умолчанию, сама находилась в этот момент в состоянии глубокого кризиса и вероятность получить от нее требуемую сумму на приемлемых условиях была низкой. Более того, непосредственно перед мировым кризисом (на стыке 2007-2008 годов) Беларусь робко начала "повторно открываться" (как в политическом, так и в экономическом плане) миру за пределами России. Белорусские банки начали брать кредиты за рубежом, а международные банки стали более активно функционировать на белорусском рынке. Более того, власти приняли и внедрили (в отсутствие внешнего давления) ряд программ по структурным реформам, которые предусматривали (хоть и в весьма неоднозначной манере) приватизацию, развитие инфраструктуры финансовой системы (включая создание фондового рынка), привлечение иностранных инвесторов и банковский сектор и т.д.

В этих условиях белорусские власти были более гибкими в ведении переговоров с МВФ. Они приняли на себя ряд обязательств, относящихся не только к краткосрочным макроэкономическим показателям, но также и к ряду проблем структурного характера, которые ранее считались запретной зоной при ведении переговоров с международными финансовыми институтами. В свою очередь, МВФ занял более гибкую позицию в переговорах в отношении проблем структурного характера, которые в прошлом рассматривались в качестве отправной точки для переговоров с Беларусью.

В целом программа была сфокусирована на ближайших стабилизационных политиках, наряду с элементами структурных реформ (см. Блок 4.5). Ожидалось, что успешная реализация стабилизационных политик станет основой для дальнейших более глубоких и систематических структурных реформ. Программа предусматривала предоставление пяти траншей финансирования в общей сумме на 1,6 млрд специальных прав заимствования (СПЗ),²¹³ что составляло около 420% от квоты Беларуси в Фонде. Первый транш был запланирован на январь 2009 года, а последний - на февраль 2010 года.

Основные стабилизационные меры в рамках утвержденной программы предусматривали: (i) однократную девальвацию примерно на 20% и смещение привязки курса валют с доллара США на корзину валют; (ii) ужесточение монетарной политики, измеряемой ростом базы денежной массы; (iii) отмену предельных уровней процентных ставок по займам; (iv) отмену нерыночного и льготного рефинансирования государственных банков; (v) рекапитализацию банков и внедрение

²¹³ Около 2,3 млрд долларов США на тот момент.

новой системы страхования вкладов и депозитов; (vi) внедрение основанных на передовой международной практике стандартов по специальным положениям; (vii) обеспечение сбалансированности республиканского бюджета; (ix) временную заморозку ставки номинальной заработной платы, устанавливаемой правительством; (x) ограничение уровня капитальных затрат в консолидированном бюджете; (xi) увеличение тарифов на коммунальные услуги; а также (xii) резервирование большего объема средств на социальную защиту и улучшение механизмов социального страхования.²¹⁴

На протяжении 2009 года Беларусь неукоснительно выполняла условия МВФ. Большая часть стабилизационных мер была реализована без серьезных возражений. Казалось, что стороны довольны процессом реализации программы. Однако, в 2010 году ситуация изменилась. Белорусские власти были заинтересованы в достижении быстрого восстановления экономики и возврата к привычным темпам роста производства и доходов до президентских выборов. Возврат к практике стимулирования внутреннего спроса рассматривался ими в качестве безопасного инструмента для достижения указанных целей. Так, сразу после получения последнего транша в рамках программы, они вернулись к варианту политики, доминировавшей до кризиса.

Реализация же оговоренных мер по структурному преобразованию (Блок 4.5) проводилась частично и раздроблено.

БЛОК 4.5 / МЕРЫ ПО СТРУКТУРНОМУ ПРЕОБРАЗОВАНИЮ, ОГОВОРЕННЫЕ В МЕМОРАНДУМЕ К СОГЛАШЕНИЮ О РЕЗЕРВНЫХ СРЕДСТВАХ ОТ 2008 ГОДА МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И МВФ²¹⁵, И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

- › *Отмена целевых займов, финансируемых посредством государственных депозитов в государственные банки; отмена прямого финансирования государственных программ со стороны НБРБ через нефинансовые организации.*

До 2009 года основная масса целевых займов финансировалась с применением данного механизма. Данное условие было чрезвычайно болезненным для властей, так как помимо структурной специфики, оно влияло также на инвестиционные потребности. Учитывая такой расклад, власти нашли весьма простое решение. На протяжении 2009 года и большей части 2010 года государственные депозиты в коммерческие банки действительно были заморожены. Государство начало аккумулировать свои депозиты почти исключительно в НБРБ. Однако, в то же самое время НБРБ увеличило вливания ликвидных средств в банки, компенсируя таким образом (и даже превышая²¹⁶) средства, обычно имеющиеся для целевого кредитования. Так, формально обязательство было выполнено, но де факто губительная практика, на отмену которой была нацелена программа, не была устранена, а наоборот даже расширена.

- › *Ограничение практики прямого регулирования цен.*

Правительство взяло на себя обязательства воздерживаться от практики установления "предельного уровня роста индекса цен" на ежемесячной основе для каждой отрасли. Данные обязательства были

²¹⁴ МВФ (2008).

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ На протяжении 2009-2010 годов доля государственных депозитов в обязательствах банков снизилась на 6,8 процентных пункта, до 12,1%. Доля средств НБРБ выросла с 5,1% до 19,2%.

выполнены как формально, так и неформально. Однако, временный возврат к практике всестороннего прямого регулирования цен имел место в течение валютных кризисов в 2011 и 2014-2015 годах.

› *Приватизация государственных банков.*

Власти обязались: (i) найти стратегических инвесторов для государственных ОАО "Белинвестбанк" и ОАО "БПС-Банк"; а также (ii) пустить в продажу неконтрольные пакеты акций в двух крупнейших государственных банках - ОАО "АСБ БЕЛАРУСБАНК" и ОАО "Белагропромбанк". Позже, программа была дополнена идеей создания специализированного органа по проблемным займам, который приобрел бы большую часть целевых займов с баланса банков. Единственным обязательством, выполненным в данной области, стала продажа ОАО "БПС-Банк" в конце 2009 года российскому Сбербанку. Тем не менее, идея приватизации как ОАО "БПС-Банк", так и ОАО "Белинвестбанк" была в принципе оценена по достоинству властями. Правительство приложило все усилия для заключения сделки также и в отношении ОАО "Белинвестбанк" и было близко к успеху в переговорах с крупным банком из Германии. Однако, ситуация с мировым кризисом отпугнула партнера из Германии, который в итоге решил воздержаться от сделки.

Продажа неконтрольных пакетов акций в двух крупнейших банках противоречила планам властей по их активному участию в целевом кредитовании. Поэтому, с самого начала они не были расположены к действиям в данном направлении. Так, после ряда раундов заявлений, подготовительных мер и обсуждений, от этой инициативы отказались.

Идея создания специального органа по проблемным кредитам задумывалась с целью предотвращения дальнейшего расширения целевого кредитования, что противоречило общей логике программы. Опять же, после ряда раундов дискуссий власти отвергли первоначальную идею МВФ. В качестве компромисса, они предложили создать Банк развития с более широкими полномочиями, от которого, тем не менее, ожидалось принятие на себя целевых займов с баланса коммерческих банков. Итоговое решение было принято в 2011 году и Банк развития начал свою деятельность в 2012 году. Однако, на данный момент изначальный замысел создания этого банка был реализован лишь частично: государственные банки до сих пор обременены проблемными займами и осуществляют целевое кредитование в определенных размерах.

› *Приватизация государственных предприятий.*

Правительство взяло на себя обязательства по продвижению приватизации 147 крупных и средних предприятий. Позже, это обязательство было уменьшено до проведения открытых конкурсов на приватизацию пяти государственных предприятий из числа наиболее крупных. Этот процесс рассматривался как пилотный в целях получения опыта по осуществлению таких сделок для дальнейшего содействия процессу приватизации. В 2009 году и в начале 2010 года был осуществлен ряд подготовительных этапов. Однако отбор предприятий для приватизации породил сомнения о действительном желании правительства выполнить данное обязательство. Отобранные предприятия не были из числа "крупнейших государственных предприятий" и не были привлекательными для инвесторов. Более того, требования к потенциальным инвесторам были сформулированы таким образом, чтобы максимально их обескуражить. Тем не менее, конкурсы были объявлены, но поданных заявок не оказалось. Так, правительство опять формально выполнило свои обязательства, но неформально оно их провалило.

К 2015 году Беларусь погасила заем МВФ и программа официально была закрыта. Полученный по итогам данной программы опыт оказался неоднозначным. С одной стороны, он показал (речь идет в основном об опыте 2009 года), что стабилизационные политики при поддержке в форме выделения средств могут оказывать положительное влияние на улучшение макроэкономической стабильности. С другой стороны, обе стороны остались неудовлетворенными. В подавляющем большинстве белорусские власти восприняли займы МВФ как чрезмерно перегруженные различными условиями. На самом же деле, власти искали пути обхода некоторых аспектов программы, которые противоречили их собственным приоритетам в области политики, и при этом лишь пытались отчитаться об определенном уровне формального соблюдения требований. Последнее вызвало разочарование и снизило уровень доверия со стороны МВФ. Соответственно, последующие программы при поддержке МВФ потребуют восстановления доверия и принятия заслуживающих доверия обязательств на самом высоком уровне.

Более того, исходя из опыта предыдущей программы, МВФ усиливает акцент на проблемах структурного характера в Беларуси. В своих оценках МВФ подчеркивает, что незначительные преобразования продемонстрировали возможность их отмены, если только они не были закреплены посредством "глубоких и основательных структурных реформ". МВФ намекнул, что для Беларуси могла бы быть рассмотрена новая программа, которая должна была бы устранить недостатки структурного характера и продвигать долгосрочный рост. В 2012-2013 годах МВФ сформулировал свое видение приоритетов структурных реформ в Беларуси:²¹⁷ (i) реформирование финансового сектора, с акцентом на снижение целевого кредитования; (ii) устранение чрезмерного прямого регулирования на товарном рынке и рынке труда; (iii) либерализация торговли, с акцентом на вступление в ВТО; (iv) приватизация и основательное реформирование государственных предприятий; а также (v) консолидация системы социальной защиты.

В то же время, МВФ продолжает оказывать техническое содействие Беларуси. Так, он оказывает поддержку НБРБ в запуске кампании по оценке качества активов в белорусской банковской системе в 2015 году. Большинство банков должны завершить данную процедуру к концу первой половины 2016 года. Более того, в апреле 2016 года миссия по ПОФС²¹⁸ МВФ и Всемирного банка провела ряд оценок и опросов. Результаты этих оценок (если будут находиться в открытом доступе, хотя бы частично) отчасти прольют свет на фактическое положение с качеством задолженности в банковской системе и уровнем риска в отношении финансовой устойчивости.

Неприятие программы действий МВФ и доступность других источников финансирования (в первую очередь, Евразийского фонда стабилизации и развития - ЕФСР) уменьшают предрасположенность белорусской стороны к соисканию новой программы при поддержке МВФ в 2011-2015 годах. Учрежденный в 2009 году ЕФСР предоставляет правительствам стран-членов Евразийского банка развития финансовые займы на поддержку стабилизационных программ, направленных на увеличение устойчивости их экономик к внешним и внутренним потрясениям. Вскоре после этого, в 2011 году в разгар валютного кризиса, Беларусь подала заявку на стабилизационный заем. Предположительно, белорусские власти обратились в ЕФСР с внутренним ожиданием того, что, с одной стороны, условия такого займа будут меньше

²¹⁷ МВФ (2013).

²¹⁸ Программа оценки финансового сектора.

противоречить их целям в области политики и, с другой стороны, мониторинг со стороны ЕФСР может подвергаться политическому давлению.

Стабилизационная программа 2011 года носила краткосрочный характер и почти целиком была сфокусирована на макроэкономической политике. Стабилизационные меры в основном были направлены на ужесточение монетарной и фискальной политики, от которого ожидалось снижение переизбытка внутреннего спроса. Данные обязательства были представлены в виде целей по выбранным макроэкономическим показателям (чистые иностранные активы органов монетарного регулирования, финансовый баланс, тарифы на коммунальные услуги и транспорт).

В сфере структурных реформ приватизация и некоторые ограничения целевого кредитования были единственными вопросами, затронутыми программой. Обязательства по приватизации предусматривали, что в 2011-2013 годах правительство получит порядка 2,5 млрд долларов США в качестве дохода от приватизации. В части целевого кредитования были установлены пороговые значения для требований НБРБ в отношении банков, чистого освоения по целевому кредитованию, а также государственных депозитов в коммерческих банках.²¹⁹ Программа предусматривала выделение займа в размере 3,0 млрд долларов США шестью траншами.

При реализации этой программы белорусские власти не были настолько неукоснительными, как в случае программы при поддержке МВФ в 2008 году, даже в отношении формальных критериев. В течение каждой фазы между двумя последующими траншами по крайней мере часть целевых параметров не выдерживалась. Обязательства по приватизации власти игнорировали в течение всего периода реализации программы. Несмотря на это, выделение последующих траншей обычно продолжалось, что резонно ожидалось властями в качестве политически мотивированного решения. Нарушение обязательств по программе стало причиной приостановки лишь последнего транша в конце 2013 года.²²⁰ К тому времени Беларусь получила около 2,6 млрд долларов США и потребность в получении последнего транша была не такой уж высокой.

Очевидно, опыт реализации программы при поддержке ЕФСР совпал с ожиданиями властей в части того, что сотрудничество с ЕФСР не станет принудительным ограничением для продолжения желательного для них курса экономической политики. Более того, в последующие годы Беларусь явно пыталась вести стратегическую игру с МВФ и ЕФСР, вероятно, в надежде спровоцировать между ними "конкуренцию" с целью получения доступа к более дешевым и обремененным меньшим количеством условий займам. В соответствии с этой логикой, наилучшим решением для Беларуси был бы заем средств у обоих данных учреждений.

В начале 2015 года ситуация изменилась. Во-первых, потребность в новых займах заметно возросла, но при этом они не были доступны ни в России, ни в ЕФСР. Во-вторых, в начале 2015 года ожидалось, что Президент Лукашенко утвердит начало более глубоких структурных реформ. Глубокий спад иногда рассматривался в качестве возможного катализатора таких реформ.

²¹⁹ После окончания программы МВФ 2008 года, правительство возобновило практику резервирования средств для целевого кредитования.

²²⁰ В конечном итоге последний транш не был выделен, в результате двух случаев приостановки решений по нему.

Фактически, белорусское правительство разработало проект "дорожной карты" структурных реформ в партнерстве с Всемирным банком.²²¹ Она охватывает следующие приоритетные области реформирования: (i) обеспечение справедливых условий для доступа к финансированию в отношении государственных и частных компаний; (ii) устранение различных форм финансовой поддержки государственным предприятиям; (iii) укрепление механизмов управления государственной собственностью; (iv) уменьшение чрезмерного административного регулирования на рынке труда; а также (v) точная регулировка социальной защиты безработных. Власти рассматривают данный документ в качестве структуры для ведения переговоров по новой программе при поддержке МВФ. Основываясь на нем, они оформили официальную заявку в МВФ на финансирование. Однако, МВФ выдвинул дополнительные требования, которые были нацелены на обеспечение необратимости реформ, что завело переговоры в тупик. Более того, утверждение программы финансирования в ЕФСР в начале 2016 года уменьшило острую потребность белорусской стороны в финансировании МВФ и это, возможно, повлияло на их позицию в переговорах. Таким образом, начавшиеся в 2015 году переговоры до сих пор ведутся и их итоговый результат пока неясен.

В свою очередь, утверждение программы ЕФСР в марте 2016 года стало, по сути, приятным сюрпризом для властей, учитывая отказ от предоставления шестого транша в рамках предыдущей программы финансирования и финансовых трудностей в России, являющейся основным донором ЕФСР. Белорусская сторона подала заявку в ЕФСР на новую программу финансирования в марте 2015 года, скорее всего, полагаясь на политически мотивированный заем, аналогичный предыдущему.

В течение 2015 года команда ЕФСР настаивала на многочисленных дополнениях и улучшениях проекта программы. Согласно их официальной позиции, они хотели "разработать дополнительные механизмы, которые снизили бы риски провала программы". Так, решение ЕФСР об утверждении новой программы было отчасти неожиданным, особенно учитывая то, что белорусская сторона не приняла на себя новых серьезных обязательств в пользу России и/или проекта евразийской интеграции.

Были выдвинуты два объяснения действиям ЕФСР. Первое акцентируется на политическом подтексте, в частности, стремлении российской стороны воспрепятствовать новой программе финансирования совместно с МВФ посредством запуска программы ЕФСР. Второе рассматривает новую сделку как инструмент рефинансирования со стороны ЕФСР и России предыдущей задолженности. Более того, новая программа способствует большей экономической стабильности в рамках Евразийского Союза, что важно для России как в экономическом, так и в политическом аспекте.

Наконец, разработка программы ЕФСР была достаточно "легкой". Несмотря на упоминание важности структурных изменений, она чрезмерно не сфокусирована на конкретных мерах. В основном, в нее входят шаги, которые уже были реализованы (или реализуются в настоящее время) белорусскими властями, такие как повышение тарифов на коммунальные услуги, отмена директивных "количественных" показателей для государственных предприятий, ограничение новых притоков целевого кредитования²²², либерализация цен, реализация новых процедур по

²²¹ <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2015/11/03/policies-for-higher-productivity-and-sustainable-growth>.

²²² Примененные параметры идентичны тем, что правительство применило ранее.

процессу заключения валютных сделок и т.д. Большинство этих шагов рассматриваются как структурные изменения.²²³ Более того, программа охватывает ряд ориентировочных параметров, таких как финансовый баланс для центрального правительства, ограничения по росту заработных плат в бюджетном секторе, предельные уровни роста денежной массы, которые опять же в основном дублируют те, что уже приняты белорусскими властями.

Учитывая такую "легкую" разработку программы и высокую степень ее политической нацеленности, программа не стала крепкой опорой экономической среды. Власти рассматривают ее в основном как источник для "выкачивания" денег: она позволяет обеспечить большую гибкость и не проявлять чрезмерную торопливость при решении большого количества проблем.

Список использованных источников

Becker, T. and P. Mauro (2006), 'Output Drops and the Shock That Matter', *IMF Working Paper WP/06/172*. / Т. Бекер и П. Мауро (2006), "Сокращение объема производства и потрясения, имеющие значение", *Рабочий документ МВФ WP/06/172*.

Berkmen, P. and E. Cavallo (2007), 'Exchange Rate Policy and Liability Dollarization; An Empirical Study', *IMF Working Paper WP/07/33*. / П. Беркмен и Э. Кавальо (2007), "Валютная политика и долларизация обязательств; эмпирическое исследование", *Рабочий документ МВФ WP/07/33*.

Bezborodova, A. (2015), 'P*-model of inflation in Belarus: alternative approaches', *Bankovskiy vestnik*, №12, pp. 30-40. / А. Безбородова (2015), "P*-модель для инфляции в Беларуси: альтернативные подходы", *Банковский вестник*, №12, стр. 30-40.

Brown, M. and H. Stix (2015), 'The euroization of bank deposits in Eastern Europe', *Economic Policy*, Vol. 30, No. 81, pp. 95-139. / М. Браун и Х. Стикс (2015), "Евроизация банковских вкладов в Восточной Европе", *Экономическая политика*, том 30, №81, стр. 95-139.

Cayazzo, J., A. Garcia Pascual, E. Gutierrez and S. Heysen (2006), 'Toward and Effective Supervision of Partially Dollarized Banking Systems', *IMF Working Paper WP/06/32*. / Х. Кайаццо, А. Гарсиа Паскуаль, Э. Гутьеррес и С. Хайсен (2006), "По направлению к и эффективный надзор за частично долларизованными банковскими системами", *Рабочий документ МВФ WP/06/32*.

Christiano, L., M. Trabandt and K. Walentin (2011), 'DSGE Models for Monetary Policy Analysis', in: B. Friedman and M. Woodford (eds), *Handbook of monetary economics*, North-Holland, San Diego, CA, pp. 285-367. / Л. Кристиано, М. Трабандт и К. Валентин (2011), "Динамические стохастические модели общего равновесия для анализа монетарной политики" в Б. Фридман и М. Вудфорд (ред.), *Руководство по монетарной экономической теории*, North-Holland, Сан Диего, Калифорния, стр. 285-367.

Edwards, S. and E. Levy Yeyati (2005), 'Flexible Exchange Rates as Shock Absorbers', *European Economic Review*, Vol. 49, No. 8, pp. 2079-2105. / С. Эдвардс и Э. Леви-Йеяти (2005), "Плавающий обменный курс в качестве гасителя колебаний", *Европейский экономический обзор*, том 49, №8, стр. 2079-2105.

Fry, M.J. (1995), *Money, interest, and banking in economic development*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD & London. / М. Ж. Фрай (1995), *Деньги, проценты и банковские операции в экономическом развитии*, Johns Hopkins University Press, Балтимор, Мэриленд и Лондон.

²²³ Также, программа охватывает в качестве структурных мер разработку новой стратегии по управлению государственной собственностью, создание нового антимонопольного органа (это было осуществлено посредством переименования Министерства Торговли в Министерство антимонопольного регулирования и торговли), уменьшение роли государства в экономике. Однако, эти меры либо не предусматривают каких-либо конкретных обязательств, либо их с трудом можно измерить.

Honohan, P. (2007), 'Dollarization and Exchange Rate Fluctuations', *CEPR Discussion Paper* No. 6205. / П. Хоноган (2007), "Долларизация и колебания плавающего обменного курса", документы для обсуждения Центра исследований экономической политики №6205.

IMF (2015), 'Republic of Belarus: 2015 Article IV Consultation', *IMF Country Report* No. 15/136. / МВФ (2015), "Республика Беларусь: Консультация 2015 года в соответствии со статьей IV" *Доклад МВФ по стране* № 15/136.

IMF (2013), 'Republic of Belarus: Article IV Consultation and Fourth Post-Program Monitoring Discussions', *IMF Country Report* No. 13/159. / МВФ (2013), "Республика Беларусь: Консультации 2013 года в соответствии со статьей IV и обсуждение четвертого постпрограммного мониторинга", *Доклад МВФ по стране* № 13/159.

IMF (2010), 'Republic of Belarus: Selected Issues', *IMF Country Report* No. 10/16. / МВФ (2005), "Республика Беларусь: документ по отдельным вопросам", *Доклад МВФ по стране* № 10/16.

IMF (2008), 'Republic of Belarus; Letter of Intent, Memorandum of Economic and Financial Policies, and Technical Memorandum of Understanding', *IMF Country's Policy Intentions Document*. / МВФ (2008), "Республика Беларусь; Письмо о намерениях, Меморандум об экономической и финансовой политике, а также Технический меморандум о взаимопонимании", документ о намерениях по страновой политике МВФ.

IMF (2007), 'Manual on Fiscal Transparency', International Monetary Fund, Fiscal Affairs Dept., Washington DC. / МВФ (2007), "Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере", Международный Валютный Фонд, Налогово-бюджетный департамент, Вашингтон, округ Колумбия.

IPM (2016), 'Belarusian Macroeconomic Forecast', IPM Research Center, No. 1(12), available at <http://eng.research.by/webroot/delivery/files/english/BMF/BMF2016e01.pdf>. / ИПМ (2016), "Беларусь: Макроэкономический прогноз", Исследовательский центр ИПМ, № 1(12), доступно по ссылке <http://eng.research.by/webroot/delivery/files/english/BMF/BMF2016e01.pdf>

Ize, A. (2005), 'Financial Dollarization Equilibria: A Framework for Policy Analysis', *IMF Working Paper* WP/05/186. / А. Изе (2005), "Равновесие финансовой долларизации: основа для анализа политики», *Рабочий документ МВФ* WP/05/186.

Ize, A. and E. Levy Yeyati (2003), 'Financial Dollarization', *Journal of International Economics*, Vol. 59, No. 2, pp. 323-347. / А. Изе и Э. Леви-Йеяти (2005), "Финансовая долларизация", *Журнал международной экономики*, том 59, №2, стр. 323-347.

Kruk, D. (2009), 'Competitive positions of Belarus in the Russian market during the crisis and challenges for economic policy', in: M. Kovalev (ed.), *New properties of post-crisis economy. The place of Belarus in post-crisis world*, BSU, Minsk, pp. 56-57. / Д. Крук (2009), "Конкурентные позиции Беларуси на российском рынке в период кризиса и вызовы для экономической политики" в М. Ковалев (ред.), *Новые свойства посткризисной экономики. Место Беларуси в посткризисном мире*, БГУ, Минск, стр. 56-57.

Kruk, D. (2011), 'The Mechanism of Adjustment to Changes in Exchange Rate in Belarus and Its Implications for Monetary Policy', *BEROC Policy Paper* No.4. / Д. Крук (2011), "Механизм корректировки изменений в обменном курсе в Беларуси и его последствия для монетарной политики", *аналитическая записка BEROC* №4.

Kruk, D. (2012), 'Inflation Expectations and Probable Trap for Macrostabilization', *Stockholm Institute of Transition Economies Free Policy Brief*, available at http://freepolicybriefs.files.wordpress.com/2012/02/free_policy_brief_kruk27feb1.pdf. / Д. Крук (2012), "Инфляционные ожидания и возможная ловушка для макростабилизации", бесплатная аналитическая записка Стокгольмского института переходной экономики, доступна по ссылке http://freepolicybriefs.files.wordpress.com/2012/02/free_policy_brief_kruk27feb1.pdf.

Kruk, D. (2015), 'Dollarisation and de-dollarisation in Belarus: formulating the policy agenda', *BEROC Policy Paper* No. 23. / Д. Крук (2015), "Долларизация и дедолларизация в Беларуси: формулирование повестки дня", *аналитическая записка BEROС №23*.

Kruk, D. (2016), 'Using SVAR Approach for Extracting Inflation Expectations Given Severe Monetary Shocks: Evidence from Belarus', *BEROC Working Paper* (forthcoming). / Д. Крук (2016), "Использование подхода структурной векторной авторегрессии (SVAR) для извлечения инфляционных ожиданий в условиях серьезных нарушений денежного обращения: данные Беларуси", *Рабочий документ BEROС* (готовится).

Kruk, D. and K. Bornukova (2014), 'Belarusian Economic Growth Decomposition', *BEROC Working Paper* No. 24. / Д. Крук и К. Борнукова (2014), "Декомпозиция экономического роста в Беларуси", *аналитическая записка BEROС №24*.

Kruk, D. and K. Haiduk (2013), 'The Outcome of Directed Lending in Belarus: Mitigating Recession or Dampening Long-Run Growth?', *EERC Working Paper* No 13/05E. / Д. Крук и К. Гайдук (2013), "Итоговый результат целевого кредитования в Беларуси: уменьшение последствий экономического спада или сдерживание долгосрочного роста?", *Рабочий документ Центра исследований в области энергетики и окружающей среды №13/05E*.

Kruk, D., I. Tochitskaya and G. Shymanovich (2009), 'The impact of the global economic crisis on the Belarusian economy', *IPM Research Center Working Paper* WP/09/03. / Д. Крук, И. Тоцицкая и Г. Шиманович (2009), "Влияние глобального экономического кризиса на экономику Беларуси", *рабочий документ Исследовательского центра ИПМ WP/09/03*.

Kruk, D., A. Zaretski and R. Kirchner (2011), 'Estimating the Equilibrium Exchange Rate in Belarus', *IPM Research Center Policy Paper* PP/01/. / Д. Крук, А. Зарецкий и Р. Кирхнер (2011), "Оценка равновесного обменного курса в Беларуси", *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ PP/01/*.

Laubach, T. and J. Williams (2003), 'Measuring the Natural Rate of Interest', *Review of Economics and Statistics*, 85, 4, pp. 1063-1070. / Т. Лаубах и Д. Вильямс (2003), "Измерение естественной нормы процента", *Обзор экономики и статистики*, 85, 4, стр. 1063-1070.

Laubach, T. and J. Williams (2015), 'Measuring the Natural Rate of Interest Redux', *Federal Reserve Bank of San-Francisco Working Paper* 2015-16. / Т. Лаубах и Д. Вильямс (2003), "Измерение снижения естественной нормы процента", *Рабочий документ Федерального Резервного Банка Сан-Франциско 2015-16*.

Livshits, I. And K. Schoors (2015), 'Sovereign Default and Banking', *University of Western Ontario Working Paper*, available at http://economics.uwo.ca/people/livshits_docs/SovereignDefault.pdf. / И. Лившиц и К. Щурс (2015), "Государственный дефолт и банковские операции", *Рабочий документ Университета Западного Онтарио*, доступен по ссылке http://economics.uwo.ca/people/livshits_docs/SovereignDefault.pdf.

Miksjuk, A., M. Pranovich and S. Ouliaris (2015), 'The Game of Anchors: Studying the Causes of Currency Crises in Belarus', *IMF Working Paper* WP/15/281. / А. Миксюк, М. Пранович и С. Улиарис (2015), "Игра в якоря: изучение причин валютных кризисов в Беларуси", *Рабочий документ МВФ WP/15/281*.

Mironchik, N., S. Sudnik and E. Katcherskaya (2016), 'The analysis of economic growth factors in Belarus based on a production function approach', *Bankovskiy vestnik*, No. 9. / Н. Мирончик, С. Судник и Е. Качерская (2016), "Анализ факторов экономического роста в Республике Беларусь на основе производственной функции", *Банковский вестник*, № 9.

Mironchik, N. and A. Bezborodova (2015), 'The possibilities of employing the regime of monetary targeting in Belarus', *Bankovskiy vestnik*, No. 1, pp. 3-9. / Н. Мирончик и А. Безбородова (2015), "Возможности

применения режима монетарного таргетирования в Республике Беларусь", *Банковский вестник*, № 1, стр. 3-9.

Murin, D. (2016), 'The results of implementing the monetary policy guidelines in the Republic of Belarus in the 1st quarter of 2016', *Bankovskiy vestnik*, No. 5, pp. 3-12. / Д. Мурин, "Итоги выполнения основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь за I квартал 2016 г.", *Банковский вестник*, № 5, стр. 3-2.

Obstfeld, M. and K. Rogoff (1995), 'The Mirage of Fixed Exchange Rates', *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 9, No. 4, pp. 73-96. / М. Обстфельд и К. Рогофф (1995), "Мираж фиксированных валютных курсов", *Журнал экономических перспектив*, том 9, № 4, стр. 73-96.

Pelipas, I. and R. Kirchner (2015), 'Money as a leading indicator for inflation in Belarus and its role for monetary policy', *IPM Research Center Policy Paper* PP/05/15. / И. Пелипас и Р. Кирхнер (2015), "Деньги как опережающий показатель инфляции в Беларуси и их роль в монетарной политике", *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ* PP/05/15.

Pelipas, I. (2006), 'Money Demand and Inflation in Belarus: Evidence from Co-integrated VAR', *Research in International Business and Finance*, Vol. 20, No. 2, pp. 200-214. / И. Пелипас (2006), "Потребность в денежных средствах и инфляция в Беларуси: данные на основе коинтегрированной векторной авторегрессии (VAR)", *Исследования в области международного бизнеса и финансов*, том 20, № 2, стр. 200-214.

Pelipas, I. (2003), 'Money and prices in Belarus: informational content of different money aggregates', *ECOWEST*, Vol. 3, No. 2, pp. 2224-256. / И. Пелипас (2003), "Деньги и цены в Беларуси: информационное содержание различных денежных агрегатов", *ECOWEST*, том 3, № 2, стр. 2224-256.

Petri, M., G. Taubi and A. Tsyvinski (2002), 'Energy Sector Quasi-Fiscal Activities in the Countries of the Former Soviet Union', *IMF Working Paper* No.02/60. / М. Петри, Г. Тауби и А. Цывинский (2002), "Квазифискальная деятельность в энергетическом секторе в странах бывшего Советского Союза", *Рабочий документ МВФ* №02/60.

Rappoport, V. (2009), 'Persistence of Dollarization after Price Stabilization', *Journal of Monetary Economics*, Vol. 56, No. 7, pp. 979-989. / А. Раппопорт (2009), «Продолжение долларизации после ценовой стабилизации», *журнал монетарной экономики*, том 56, № 7, стр. 979-989.

Summers, L. (2014), 'U.S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound', *Business Economics*, Vol. 49, No. 2, pp. 65-73. / Л. Саммерс (2014), "Экономика Соединенных Штатов: Секулярная стагнация, гистерезис и нулевая нижняя граница", *Экономика предпринимательства*, том 49, № 2, стр. 65-73.

Tochitskaya, I. and D. Kruk (2010), 'Belarus: The Human Development Implications of Trade Policy', UN/UNDP Office in Belarus, Minsk. / И. Тоцицкая и Д. Крук (2010), "Беларусь: влияние торговой политики на человеческое развитие", Представительство ООН/ПРООН в Беларуси, Минск.

Tochitskaya, I. (2007), 'Quasi-Fiscal Activity in Energy Sector in Belarus', *IPM Research Center Policy Paper* PP/08/07. / И. Тоцицкая (2007), «Квазифискальная деятельность в энергетическом секторе Беларуси», *аналитическая записка Исследовательского центра ИПМ* PP/08/07.

Tochitskaya, I. (2006), 'The impact of the exchange rate on the trade balance in Belarus', *ECOWEST*, Vol. 5, No. 4, pp. 658-673. / И. Тоцицкая (2006), "Влияние обменного курса на торговый баланс Беларуси", *ECOWEST*, том 5, № 4, стр. 658-673.

World Bank (2009), 'Belarus Agricultural Productivity and Competitiveness: Impact of State Support and Market Intervention', *World Bank Report* No. 48335-BY. / Всемирный Банк (2009), "Беларусь. Производительность и конкурентоспособность сельского хозяйства: влияние государственной поддержки и регулирования рынков", *доклад Всемирного Банка* № 48335-BY.

World Bank (2010), 'Belarus – Industrial Performance Before and During the Global Crisis: Belarus Economic Policy Notes, Note No. 1', *World Bank Report* No. 54371-BY. / Всемирный Банк (2010), "Беларусь: показатели развития промышленности до и в период мирового кризиса: Аналитическая записка по вопросам экономической политики Беларуси, записка № 1", *доклад Всемирного Банка* № 54371-BY.

World Bank (2011), 'Belarus Public Expenditure Review: Fiscal Reforms for Sustainable Economic Recovery', Volume 1, *World Bank Report* No. 63566. / Всемирный Банк (2011), "Обзор государственных расходов в Республике Беларусь: Реформирование бюджетно-налоговой сферы в целях восстановления устойчивого экономического роста", Том 1, *доклад Всемирного Банка* № 63566.

World Bank (2016), 'Belarus: Economic Update', Document of the World Bank, available at <http://pubdocs.worldbank.org/en/402681461815772695/Belarus-economic-update-spring-2016-en.pdf> / Всемирный Банк (2016), "Республика Беларусь: экономический обзор", документ Всемирного Банка, доступен по ссылке <http://pubdocs.worldbank.org/en/402681461815772695/Belarus-economic-update-spring-2016-en.pdf>

Zaretski, A. (2012), 'Searching for optimal monetary policy design in Belarus: the results of simple DSGE model', *IPM Research Center Working Paper* WP/12/0. / А. Зарецкий (2012), "Поиск оптимального варианта монетарной политики в Беларуси: результаты простой DSGE-модели", *рабочий документ Исследовательского центра ИГМ* WP/12/0.

Приложение

Таблица 1 Приложения / Беларусь: Отдельные экономические показатели, 2000 - 2015 годы

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Население, тыс. чел. в среднем	9 980	9 929	9 866	9 797	9 730	9 664	9 605	9 561	9 528	9 507	9 491	9 473	9 465	9 475	9 475	9 463
Валовой внутренний продукт, млрд. белорус. руб., ном. ¹⁾	9 134	17 173	26 138	36 565	49 992	65 067	79 267	97 165	129 791	137 442	164 476	297 158	530 356	648 111	778 095	869 702
Годовое изменение в % (реал. ¹⁾)	5,8	4,7	5,0	7,0	11,4	9,4	10,0	8,6	10,2	0,2	7,7	5,5	1,7	1,0	1,7	-3,9
ВВП на душу населения (EUR по валютному курсу)	1 200	1 400	1 600	1 600	1 900	2 500	3 000	3 400	4 500	5 200	6 000	7 000	8 000	9 000	10 000	11 000
ВВП на душу населения (EUR по ППС)	5 000	5 400	5 700	6 200	7 200	8 100	9 000	10 000	10 900	10 600	11 700	12 500	13 100	13 300	13 700	13 500
Потребление домашними хозяйствами, млрд. белорус. руб., ном. ¹⁾	5 012	5 631	15 114	20 332	26 130	32 955	39 792	49 175	66 244	74 997	88 470	139 955	244 863	318 332	382 116	437 136
Годовое изменение в % (реал. ¹⁾)	8,0	17,9	11,4	7,4	9,6	15,0	13,0	13,7	17,2	0,1	9,5	2,3	10,8	10,9	4,3	-2,4
Вложные вложения в основной капитал, млрд. белорус. руб., ном. ¹⁾	2 302	3 893	5 747	8 683	12 656	17 254	23 511	30 487	43 225	49 346	64 698	113 230	178 465	244 296	263 693	248 350
Годовое изменение в % (реал. ¹⁾)	2,3	-2,3	6,6	20,6	19,9	19,5	31,6	16,4	23,8	5,0	17,5	13,9	-11,3	9,6	-5,3	-15,9
Валовое промышленное производство	7,5	5,9	4,0	6,7	15,3	10,0	11,2	8,6	11,3	-3,1	11,7	9,1	5,8	-4,9	2,0	-6,6
Годовое изменение в % (реал. ¹⁾)	9,5	1,7	0,4	6,8	12,6	1,7	5,9	4,1	8,9	1,0	2,5	6,6	6,6	-4,2	2,9	-2,8
Валовое сельскохозяйственное производство	-11,8	1,2	6,8	16,0	14,6	12,1	20,1	15,9	21,1	4,6	12,9	6,7	-8,6	4,6	-5,7	-10,0
Постоянная занятость, тыс., в среднем	4 444	4 422	4 387	4 347	4 326	4 414	4 470	4 518	4 611	4 644	4 703	4 691	4 612	4 578	4 551	4 470
Годовое изменение в %	0,0	-0,5	-0,8	-0,9	-0,5	2,0	1,3	1,1	2,0	0,7	1,3	-0,3	-1,7	-0,7	-0,6	-1,8
Постоянное количество безработных, тыс., конец периода	95,8	102,9	130,5	136,1	83,0	67,9	52,0	44,1	37,3	40,3	33,1	28,2	24,9	21,0	24,2	43,3
Процент постоянного безработицы, в % , конец периода	2,1	2,3	2,9	3,1	1,9	1,5	1,1	1,0	0,8	0,9	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5	1,0
Средняя месячная валовая зарплата тыс. белорус. руб.,	59	123	189	251	348	464	582	694	868	982	1 217	1 900	3 676	5 081	6 052	6 700
Годовое изменение в %	12,0	29,6	7,9	3,2	17,4	20,9	17,3	10,0	9,0	0,1	15,0	1,9	21,5	16,4	1,3	-2,5
Потребительские цены, % годовых	186,6	61,1	42,6	28,4	18,1	10,3	7,0	8,4	14,8	13,0	7,8	53,2	59,2	18,3	18,1	13,5
Цены производителей в промышленности, % годовых ²⁾	186,8	70,6	38,8	35,0	23,7	12,1	8,6	21,2	15,2	13,6	71,4	76,0	13,6	12,8	16,8	16,8
Общий правительственный бюджет, нац. оборона, % от ВВП	34,8	33,5	33,0	33,4	44,2	47,4	48,4	49,5	50,6	45,7	41,5	38,7	38,5	40,3	38,7	41,0
Расходы	35,4	35,1	33,2	35,0	44,1	48,0	47,0	49,0	49,2	46,4	43,3	35,9	37,7	40,1	37,3	39,0
Чистое кредитование (+) / чистое заимствование (-)	-0,6	-1,6	-0,2	-1,6	0,0	-0,7	1,4	0,4	1,4	-0,7	-1,8	2,8	0,8	0,2	1,3	2,0
Государственный долг, ЕС-деф., % от ВВП	80,0	48,0	38,0	28,0	17,0	11,0	10,0	10,0	12,0	13,5	10,5	45,0	30,0	23,5	20,0	25,0
Ставка рефинансирования Центрального Банка, % годовых, конец периода	497	590	345	402	956	368	1 097	2 188	3 499	-4 316	-6 197	-3 518	-1 446	-5 737	-4 034	-1 582
Текущий счет, млн евро ³⁾	-4,0	-4,4	-2,2	-2,6	-5,2	1,5	-3,8	-6,7	-8,2	-12,5	-15,1	-9,5	-2,9	-10,5	-6,9	-2,0
Текущий счет, % от ВВП ³⁾	6 535	7 461	7 674	8 094	10 436	12 199	14 938	16 928	22 319	14 494	18 311	28 499	35 391	27 701	27 492	23 396
Экспорт товаров, платежный баланс, млн евро ⁴⁾	14,2	2,9	5,5	28,9	16,9	22,5	13,3	31,8	35,1	26,3	55,6	24,2	-21,7	-0,8	-12,7	-12,7
Годовое изменение в %	7 647	8 558	8 705	9 439	12 406	12 889	16 879	20 033	26 902	19 494	25 251	30 913	34 952	31 183	29 537	25 305
Импорт товаров, платежный баланс, млн евро ⁴⁾	11,9	1,7	8,4	31,4	3,9	3,0	3,0	18,7	34,3	27,5	29,5	22,4	13,1	-10,8	-5,3	-10,3
Годовое изменение в %	1 096	1 285	1 433	1 503	1 574	1 880	2 114	2 572	3 239	2 614	3 583	3 906	4 901	5 690	6 113	5 939
Экспорт услуг, платежный баланс, млн евро ⁴⁾	17,2	11,5	4,9	4,7	19,5	12,4	21,7	25,9	19,3	37,1	9,0	25,5	16,1	7,4	-1,8	-1,8
Годовое изменение в %	598	895	903	769	802	916	1 353	1 514	1 939	1 561	2 247	2 334	3 140	3 983	4 424	3 873
Импорт услуг, платежный баланс, млн евро ⁴⁾	49,8	0,9	-14,9	4,3	14,2	47,7	11,9	28,1	-19,5	43,9	3,9	34,5	26,8	11,1	-9,6	-9,6
Годовое изменение в %	129	107	282	152	131	246	282	1 313	1 544	1 321	1 041	2 787	1 137	1 703	1 445	1 309
ПИИ обязательства (приток), млн евро ⁴⁾	0	0	-218	1	1	2	2	11	22	72	38	87	121	199	57	100
ПИИ активы (отток), млн евро ⁴⁾	402	369	507	935	812	2 663	1 921	3 369	2 591	4 648	4 390	3 589	2 820	2 510	2 510	2 510
Валовые резервы НБ, искл. золото, млн евро ⁴⁾	2 251	3 382	3 751	3 340	3 624	4 334	5 199	8 484	10 834	15 982	21 449	26 305	25 518	28 807	32 982	34 175
Валовый внешний долг, млн евро ⁴⁾	18,2	25,0	24,5	21,5	19,6	17,9	17,8	25,8	25,4	44,6	52,2	71,3	51,9	52,5	56,0	70,1
Средний валютный курс BYR/EUR	739	1 272	1 704	2 353	2 698	2 684	2 715	2 959	3 046	3 983	4 007	8 051	10 778	11 834	13 220	17 828
Паритет покупательной способности BYR/EUR	182	323	463	601	719	833	921	1 015	1 253	1 365	1 476	2 504	4 283	5 145	5 985	6 771

1) Согласно SNA (Система национальных счетов) 1993. - 2) Цены внутреннего производства. - 3) Ставка рефинансирования НБ. - 4) Переведено из долларов США. Источники: базы данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные. Прогнозы подготовлены Венским институтом международных экономических исследований (ВИМЭИ).

Таблица 2 Приложения / Крупнейшие компании в Беларуси, 2014 год

Критерий классификации	Наименование компании	Структура собственности
Крупнейшие производители по стоимостному объему продаж по ценам производителей	ОАО "Беларуськалий" (калийные удобрения)	Государственное
	ОАО "Белорусский металлургический завод"	Государственное
	ОАО "Минский автомобильный завод"	Государственное
	ОАО "Минский тракторный завод"	Государственное
	РУП "Минскэнерго"	Государственное
Крупнейшие налогоплательщики (доля в поступлениях в бюджет, %)	ОАО "Газпром трансгаз Беларусь" (4,9%)	Иностранное
	ОАО "Беларуськалий" (калийные удобрения) (3,5%)	Государственное
	ОАО "Нафтан" (нефтеперерабатывающий комплекс) (3,5%)	Государственное
	ОАО "Мозырский нефтеперерабатывающий завод" (3,5%)	Совместное предприятие (между Республикой Беларусь и иностранным собственником)
	ИООО "ЛУКОЙЛ Белоруссия" (2,5%)	Иностранное
	ОАО "Гродненская Табачная Фабрика "Неман" (2,3%)	Государственное
	ООО "Табак-Инвест" (1%)	Частное
Крупнейшие экспортеры	ЗАО "Белорусская нефтяная компания" (торговля нефтепродуктами)	Государственное
	ИООО "РН-Запад" (внешняя торговля и местное распределение поставок топлива)	Частное
	ПО "Белоруснефть" (добыча и переработка нефти и газа)	Государственное
	ОАО "Белорусский металлургический завод"	Государственное
	ООО "Интерсервис" Беларусь (торговля нефтью и нефтепродуктами)	Частное
Крупнейшие работодатели (количество работников)	ООО "Евроторг" (розничная торговля) (22,6 тыс.)	Частное
	РУП "Белпочта (почта Беларуси) (20,5 тыс.)	Государственное
	ОАО "АСБ Беларусбанк" (19,5 тыс.)	Государственное
	ОАО "Минский автомобильный завод" (18,8 тыс.)	Государственное
	ОАО "Минский тракторный завод" (18,8 тыс.)	Государственное
	РУП "Белтелеком" (17,8 тыс.)	Государственное
	ОАО "Беларуськалий" (калийные удобрения) (17,6 тыс.)	Государственное

Источник: Рудый (2016).

Таблица 3 Приложения / Структура экспорта и импорта Беларуси: 20 главных экспортируемых и импортируемых групп товаров (двухзначный код HS (товарная номенклатура), 2014 год

Экспорт

Двухзначный код HS	Группа товаров	Доля в общем объеме экспорта, %
27	Топливо минеральное, минеральная нефть и продукты их перегонки...	33,5
31	Удобрения	8,5
87	Транспортные средства, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	6,9
4	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения	6,6
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	4,6
39	Пластмассы и изделия из них	3,1
72	Черные металлы	2,9
73	Изделия из черных металлов	2,5
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая ...	2,5
2	Мясо и пищевые мясные субпродукты	2,4
44	Древесина и изделия из нее; древесный уголь	2,2
99	Прочее	1,7
94	Мебель; постельные принадлежности, матрацы, основы матрацные, диванные подушки ...	1,6
38	Прочие химические продукты	1,4
40	Резина и изделия из нее	1,2
16	Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	1,2
90	Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, ...	1,0
62	Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	0,9
7	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,8
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,8
	Прочее	13,9

Импорт

Двухзначный код HS	Группа товаров	Доля в общем объеме импорта, %
27	Топливо минеральное, минеральная нефть и продукты их перегонки...	33,5
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	4,6
87	Транспортные средства, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	6,9
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая ...	2,5
39	Пластмассы и изделия из них	3,1
72	Черные металлы	2,9
73	Изделия из черных металлов	2,5
8	Съедобные фрукты и орехи; кожура и корки цитрусовых или дынь	0,6
30	Фармацевтическая продукция	0,4
90	Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, ...	1,0
29	Органические химические соединения	0,7
23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	0,3
48	Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона	0,5
40	Резина и изделия из нее	1,2
3	Рыба и ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные	0,4
38	Прочие химические продукты	1,4
64	Обувь, гетры и аналогичные изделия; их части	0,6
7	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,8
76	Алюминий и изделия из него	0,6
21	Разные пищевые продукты	0,1
	Прочее	35,5

Источник: расчеты Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ) на основе данных Базы статистических данных ООН по торговле товарами.

Таблица 4 Приложения / Показатели входящих и исходящих ПИИ для Беларуси, 2005-2015 годы

Направление	Ед. изм.	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Приток ПИИ	Евро, млн.	245	280	1311	1544	1321	1041	2787	1110	1690	1418	1444
Приток ПИИ	Евро на душу населения	25	29	137	162	139	110	294	117	179	150	152
Приток ПИИ	В % от ВВП	1	1	4	4	4	3	8	2	3	2	3
Приток ПИИ	В % от ВВП	4	3	13	11	11	6	20	7	8	7	10
Отток ПИИ	Евро, млн.	2	2	11	22	72	38	87	94	186	30	108
Отток ПИИ	Евро на душу населения	0	0	1	2	8	4	9	10	20	3	11
Отток ПИИ	В % от ВВП	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Отток ПИИ	В % от ВВП	0	0	0	0	1	0	1	1	1	0	1
Объем входящих ПИИ	Евро, млн.	2014	2077	3044	4778	5952	7479	10048	11011	12120	14617	16440
Объем входящих ПИИ	Евро на душу населения	209	217	319	502	627	789	1062	1164	1280	1542	1731
Объем входящих ПИИ	В % от ВВП	8	7	9	11	17	18	27	22	22	25	34
Объем исходящих ПИИ	Евро, млн.	12	14	31	52	101	155	227	344	527	522	628
Объем исходящих ПИИ	Евро на душу населения	1	1	3	5	11	16	24	36	56	55	66
Объем исходящих ПИИ	В % от ВВП	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1

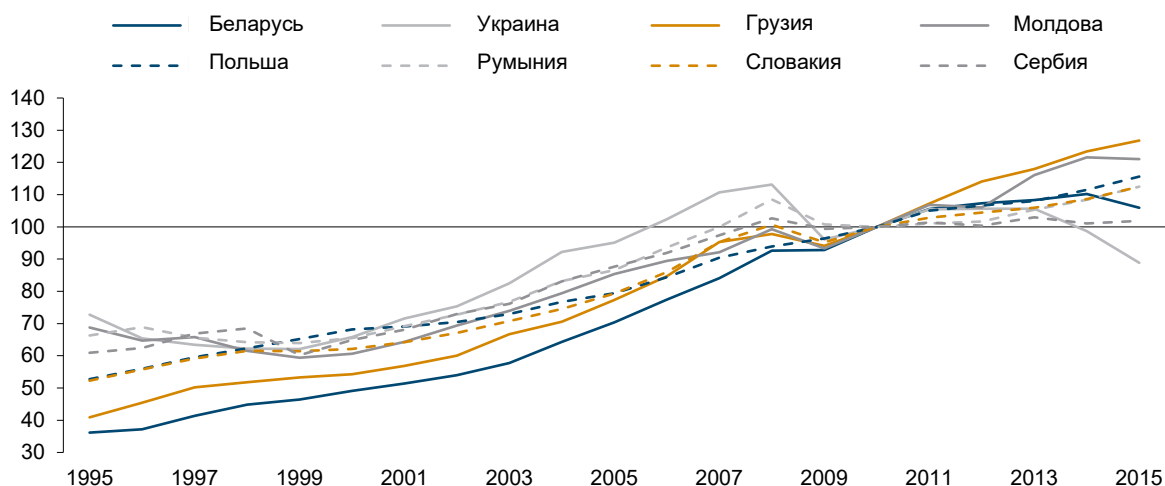
Источник: база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ) на основе национальных источников.

Таблица 5 Приложения / Последние крупные проекты ПИИ с нуля в Беларуси

Дата запуска	Проект ПИИ
Январь 2016 года	Датская компания цифровой рекламы Adform планирует расширить деятельность через свое представительство в Минске. Компания планирует создать от 30 до 60 новых рабочих мест в области разработки программного обеспечения в 2016 году, на основе инвестиций в размере 21,25 млн. долларов США со стороны Скандинавского пенсионного фонда Danica.
Ноябрь 2015 года	Дерево-перерабатывающее предприятие и производитель мебели Yakaqi Medienos Gijre (VMG), дочерняя компания литовской компании SBA Group, планирует расширить свои производственные мощности в Свободной экономической зоне "Могилев". Компания планирует расширить в два раза увеличить существующие объекты - с 60 000 м2 до 120 000 м2.
Сентябрь 2015 года	ООО "Тайфун", производитель строительной химии и дочерняя компания польской Группы "Атлас", открыл новый завод в Гродно. Производственные объекты площадью в 4000 м2 по производству рубероида стали третьим заводом компании в стране.
Август 2015 года	Телекоммуникационная компания "Велком", дочерняя компания австрийской группы Telekom Austria, планирует открытие нового центра данных в Минской области в октябре 2016 года. Центр стоимостью 30 млн. долларов США будет предоставлять "облачные" услуги клиентам как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Он включает 4 машинных зала с 200 серверными шкафами в каждом зале.
Май 2015 года	Компания "Пенетрон" в Республике Беларусь, дочерняя компания компании ICS Repetron International (США), планирует открыть новые производственные объекты в Гомеле. Ввод данных объектов ожидается к лету 2015 года. На заводе планируется производство всего ассортимента гидроизоляционных материалов компании. Производство первоначально нацелено на удовлетворение внутренней потребности на материалы в Республике Беларусь. На следующем этапе планируется расширение экспорта на Украину и в близлежащие Прибалтийские страны.
Май 2015 года	Компания Saratol, дочерняя компания немецкой Deutsche Amphibolin-Werke von Robert Mufjahn, открыла завод в свободной экономической зоне "Брест". На данном заводе будут производиться водоземельсионные краски, шпатлевка, пропитки и грунтовки. Продукция будет реализовываться потребителям в соседних странах.
Май 2015 года	Китайская компания ZTE, поставщик телекоммуникационного оборудования и сетевых решений, планирует построить новую фабрику в Китайско-Белорусском индустриальном парке. Компания планирует партнерство с немецкой VASL-Speditions- und Handelsesellschaft в рамках проекта. Начало строительство объекта запланировано на июнь 2015 года.
Май 2015 года	Гонконгская группа China Merchants Group планирует инвестировать 500 млн. долларов США в развитие логистического центра в Китайско-Белорусском индустриальном парке. Предполагается, что объект охватит 1 млн. м2, из которых 50 000 м2 планируется развивать в течение 2015 года.
Сентябрь 2014 года	Автомобильная компания General Motors (США) планирует построить новый завод в Минске. На данном заводе ожидается ежегодное производство от 20 000 до 25 000 новых моделей автомобилей для данного региона.
Октябрь 2013 года	Польская Группа "Атлас", производитель строительной химии, основала дочернюю компанию "Тайфун Изоляция" в Минске с целью открытия завода. Объект располагается в свободной экономической зоны "Минск" и является вторым заводом компании в стране.
Июль 2013 года	Дерево-перерабатывающее предприятие и производитель мебели Yakaqi Medienos Gijre (VMG), дочерняя компания литовской компании SBA Group, инвестировало 102,29 млн. долларов США для строительства индустриального комплекса в Свободной экономической зоне "Могилев". На первом этапе комплекс создаст 700 новых рабочих мест, при этом планируется увеличение штата до 1000 человек к концу 2013 года. На заводе планируется производство мебели для IKEA, которая будет экспортироваться в Россию.
Июнь 2013 года	Французская компания PSA Peugeot-Citroen открыла новые производственные мощности в Алчке недалеко от Минска. Данные мощности расположены на объектах совместного предприятия "Юнисон" и первоначально предназначены для производства от 2000 до 2500 автомобилей для внутреннего рынка.
Июнь 2013 года	Компания "Culligan-Bei", подразделение специализированной корпорации по фильтрации воды Culligan (Каллиган, США), запустит сборочное предприятие в Заславле к концу 2013 года. Компания надеется на то, что Республика Беларусь станет ее базой в Европе в области водоочистного оборудования. Первоначально будет создано 50 рабочих мест, а в будущем возможно создание более 150 рабочих мест.
Февраль 2013 года	Российская компания "Омск Карбон Групп", ведущий производитель технического углерода, построит завод в экономической зоне в Могилеве в 2015 году. ИООО "Омск Карбон Могилев" будет производить технический углерод для автомобильных шин, с первоначальной мощностью до 80 000 тонн. Стоимость проекта составляет 130 млн. долларов США, при этом будет создано 450 рабочих мест. Продукция предназначается для внутреннего и международного рынков.
Январь 2003 года	Компания "Атл" (Литва), занимающаяся производством удобрений и сахара, планирует построить производственный и перерабатывающий комплекс. Компания планирует инвестировать 23,5 млн. евро и начать производство в 2015 году.

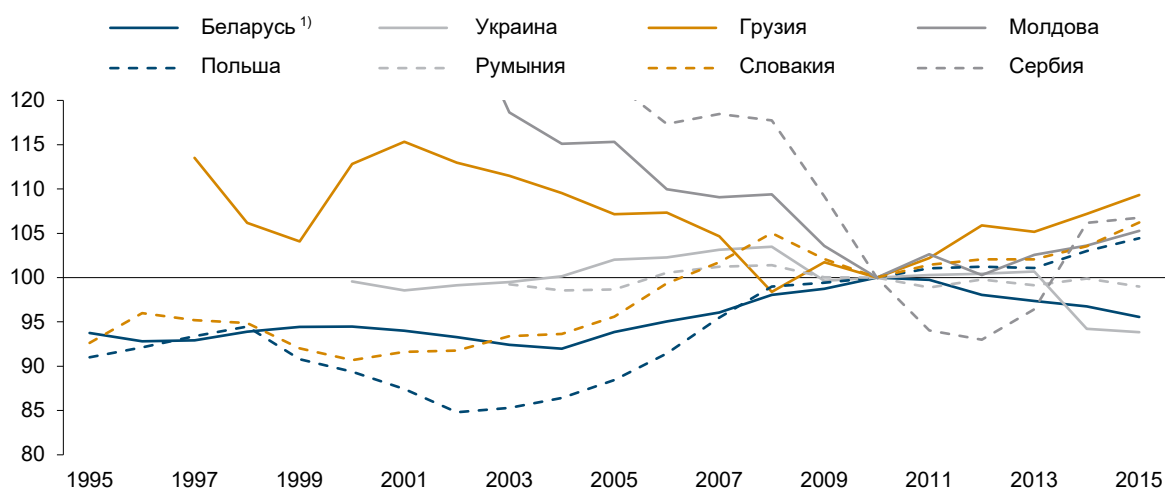
Источник: fDi Intelligence, the Financial Times Ltd, 2016.

Диаграмма 1 Приложения / Реальный ВВП в отдельных странах, индекс 2010 года = 100

Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные. База данных Статкомитета СНГ, Национальное статистическое бюро Грузии, Национальное Бюро Статистики Республики Молдова.

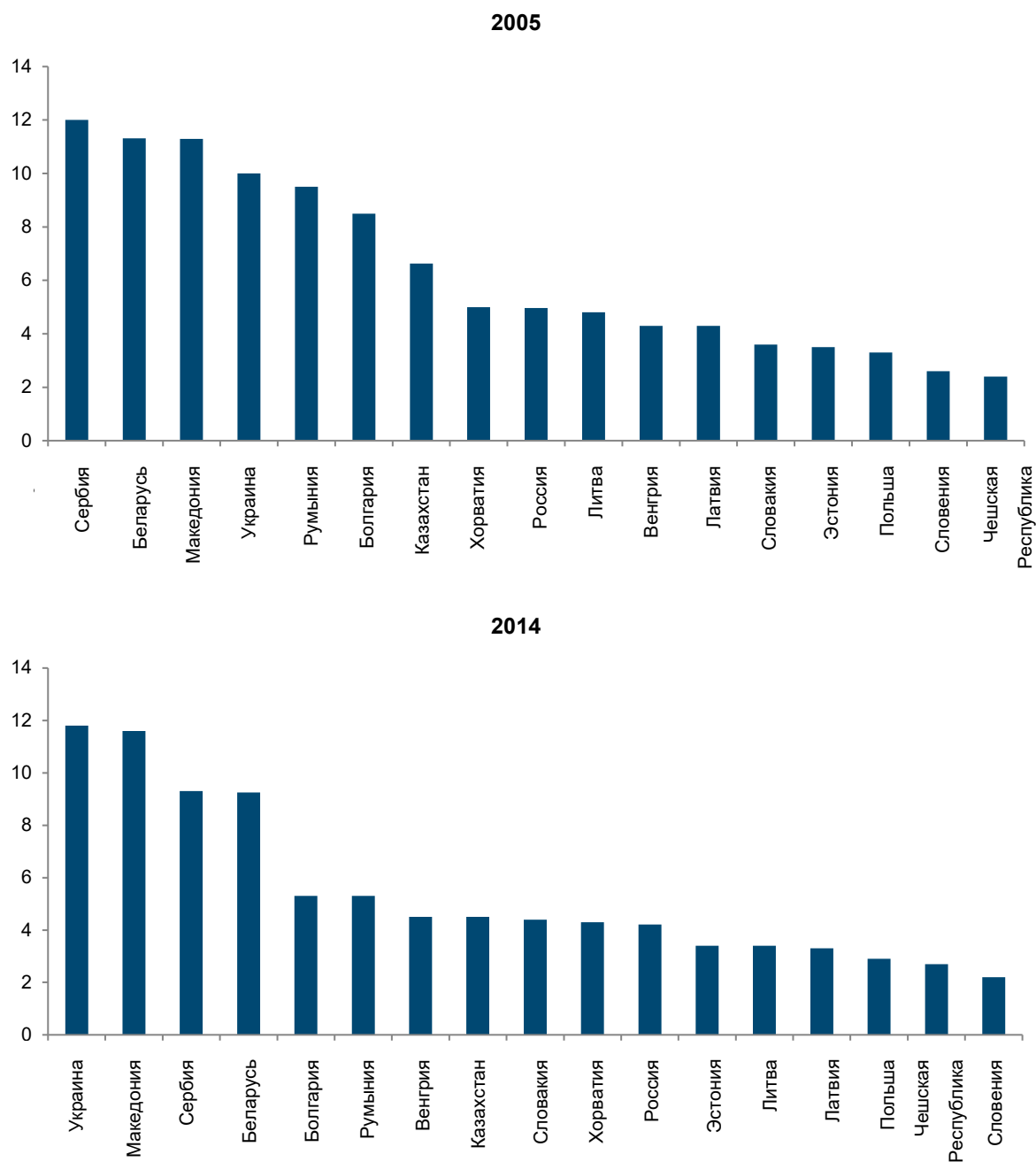
Диаграмма 2 Приложения / Трудоустройство в отдельных странах, определение LFS (исследования в области трудовых ресурсов), индекс 2010 года = 100, с поправкой на разрывы

1) Демографическая статистика.

Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные. База данных Статкомитета СНГ, Национальное статистическое бюро Грузии, Национальное Бюро Статистики Республики Молдова.

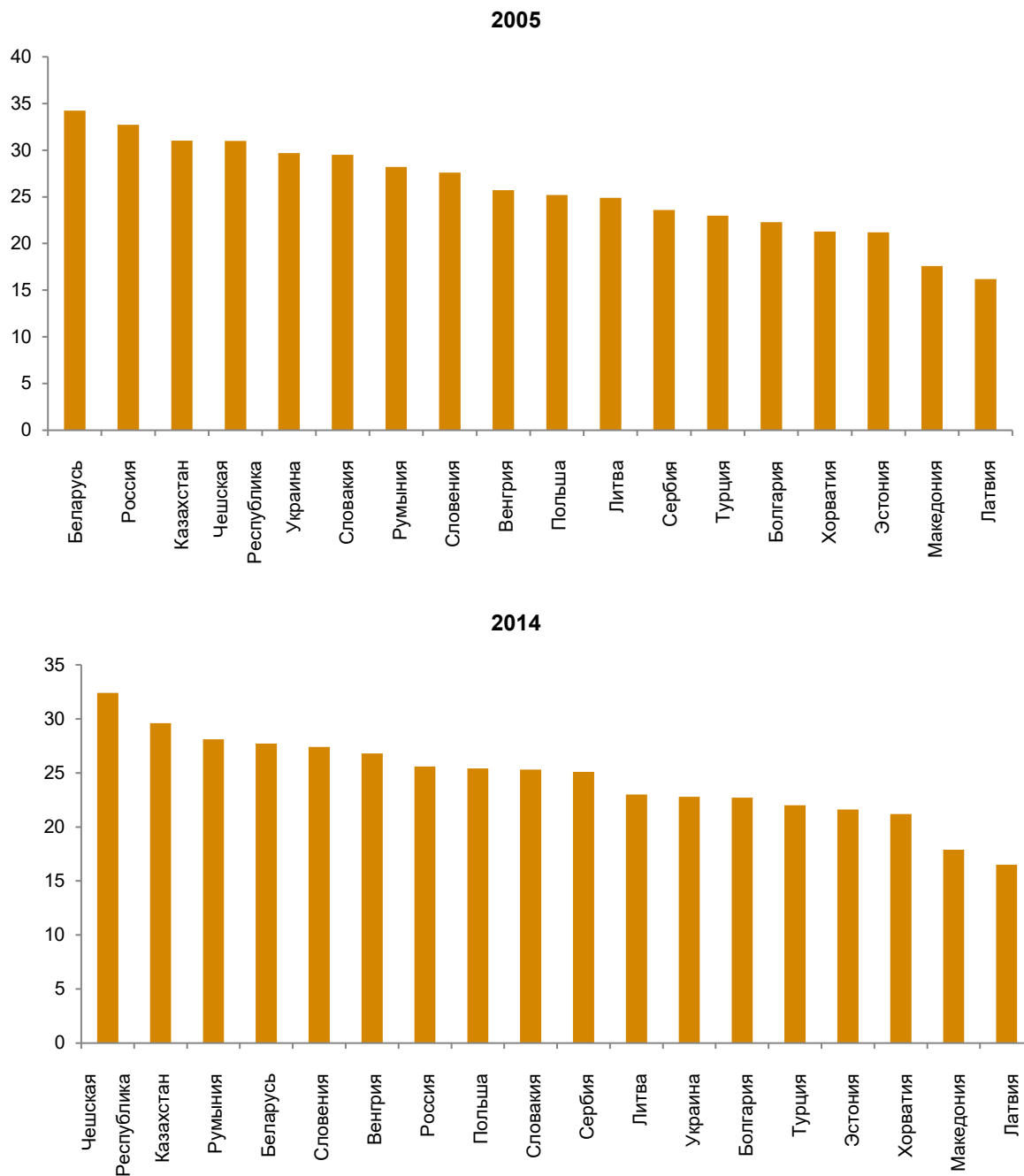
Диаграмма 3 Приложения / Доля сельского хозяйства¹⁾ в валовой добавленной стоимости, %, в отдельных странах, 2005 и 2014 годы

1) Включая рыбное хозяйство.

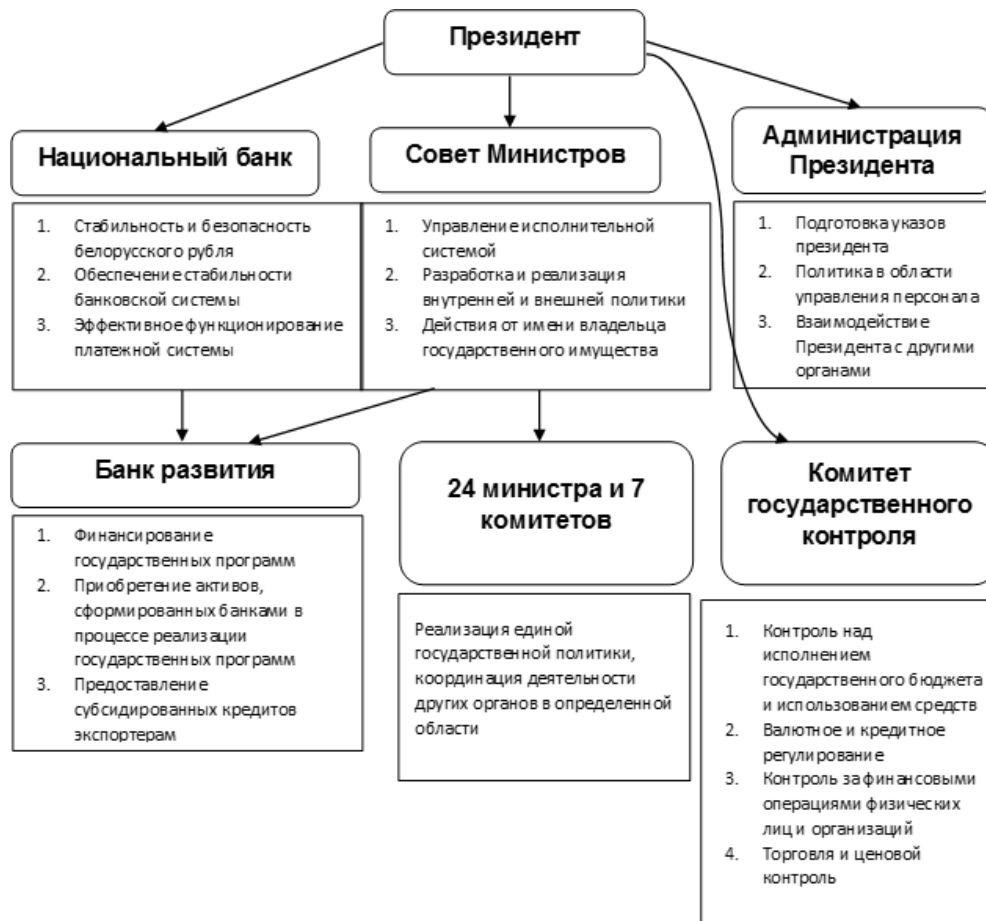
Источник: ЕЭК ООН; Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Диаграмма 4 Приложения / Доля промышленности¹⁾ в валовой добавленной стоимости, %, в отдельных странах, 2005 и 2014 годы

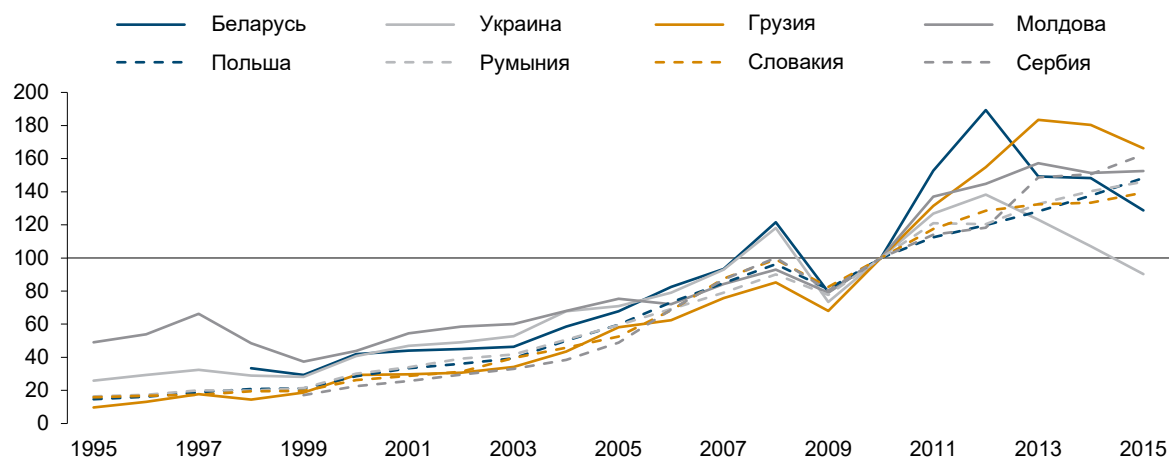
1) Горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность и коммунальный комплекс.
 Источник: ЕЭК ООН; Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

Диаграмма 5 Приложения / Экономическое управление в Беларуси

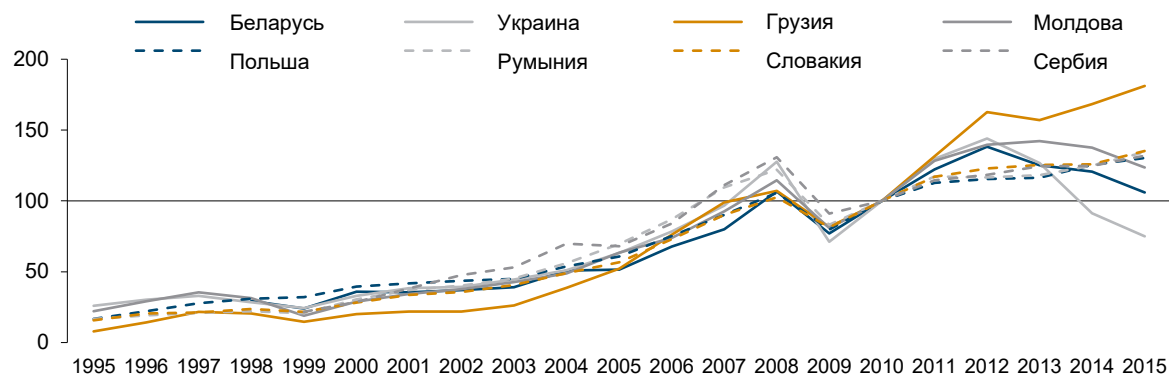
Источник: Грушевая и Шаппо (2015).

Диаграмма 6 Приложения / Динамика экспорта в отдельных странах, номинальный индекс 2010 года = 100

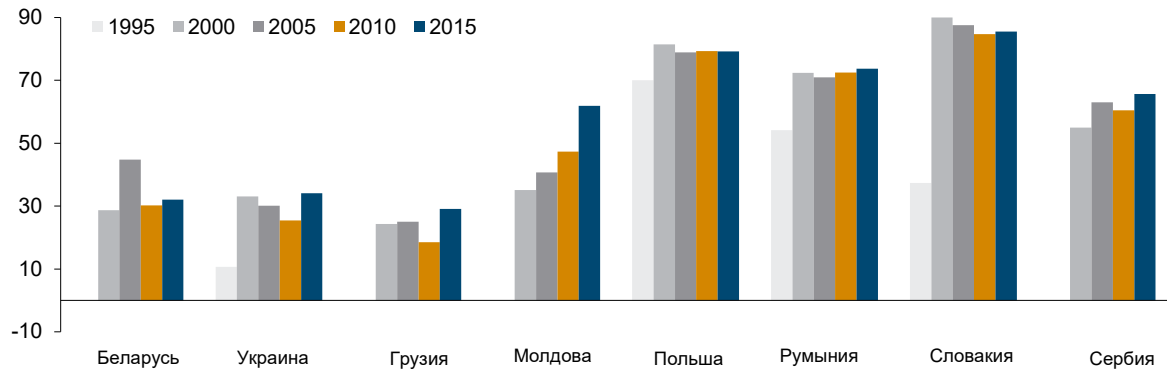
Примечания: Сербия, разрыв - с 2010 года общая торговля, до - специальная торговля.
 Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные, База данных Статкомитета СНГ, База статистических данных ООН по торговле товарами.

Диаграмма 7 Приложения / Динамика импорта в отдельных странах, номинальный индекс 2010 года = 100

Примечания: Сербия, разрыв - с 2010 года общая торговля, до - специальная торговля.
 Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные, База данных Статкомитета СНГ, База статистических данных ООН по торговле товарами.

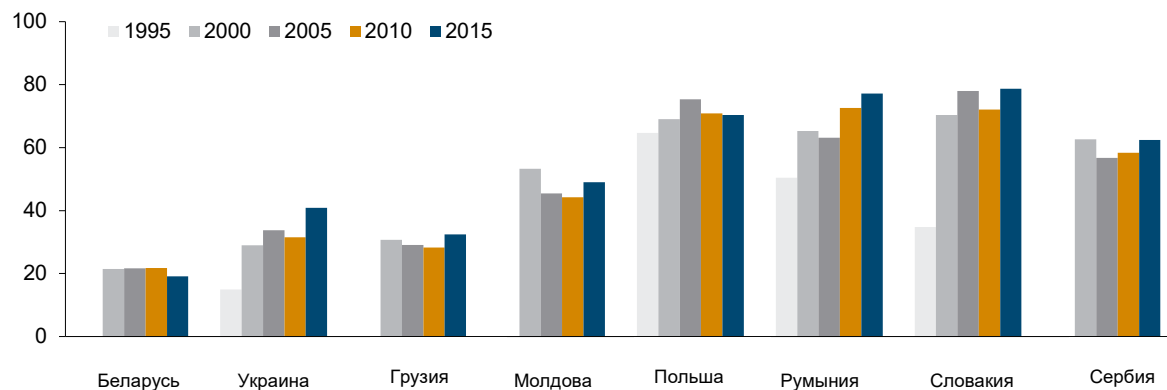
Диаграмма 8 Приложения / Доля экспорта в ЕС в общем объеме экспорта, %, с 1995 по 2015 годы

Примечания: с 1995 года экспорт в ЕС-15, с 2000 года экспорт в ЕС-28.

Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные, База данных Статкомитета СНГ, База статистических данных ООН по торговле товарами.

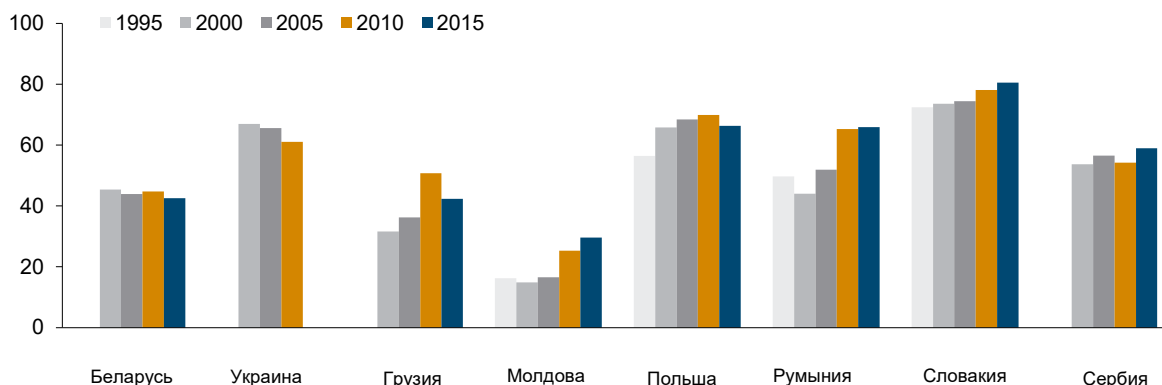
Диаграмма 9 Приложения / Доля импорта в ЕС в общем объеме импорта, %, с 1995 по 2015 годы

Примечания: с 1995 года импорт из ЕС-15, с 2000 года импорт из ЕС-28.

Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные, База данных Статкомитета СНГ, База статистических данных ООН по торговле товарами.

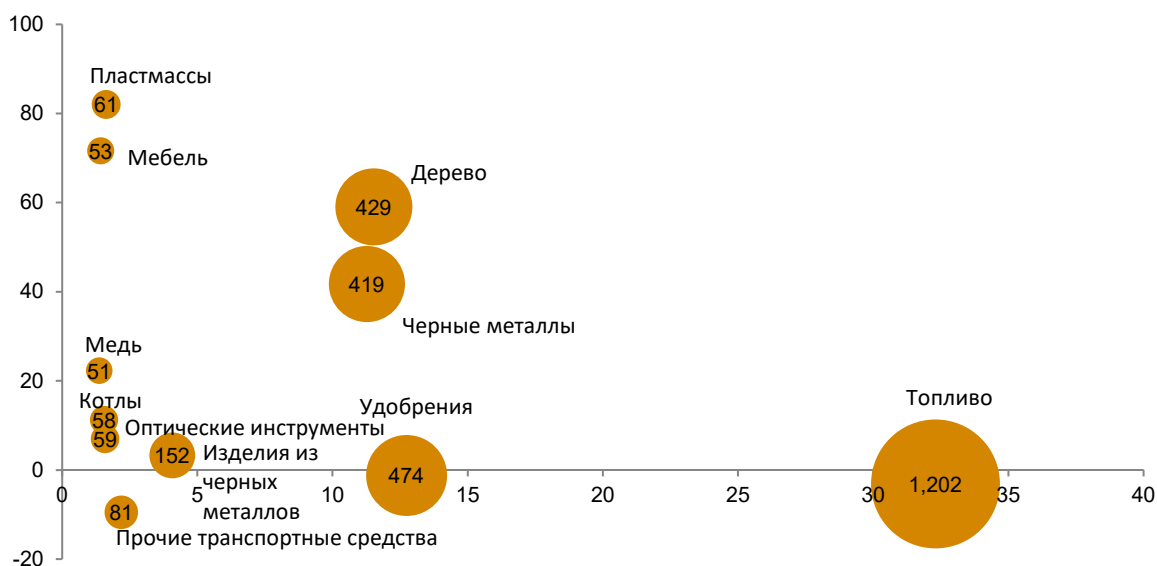
Диаграмма 10 Приложения / Доля производства (МСТК 5,6,7) в общем объеме экспорта в отдельных странах, %, с 1995 по 2015 годы

Примечания: с 1995 года экспорт в ЕС-15, с 2000 года экспорт в ЕС-28.

Источник: Ежегодная база данных Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ), включающая статистическую службу Евростат и национальные статистические данные. База статистических данных ООН по торговле товарами.

Диаграмма 11 Приложения / Основные 10 товаров, импортируемых ЕС из Беларуси, 2015 год (млн. евро, в окружностях), темп изменений в 2013-2015 годах, % (ось Y) и доля в общем объеме, % (ось X)

Источник: статистическая служба Евростат Комекст, расчеты Венского института международных экономических исследований (ВИМЭИ).

КРАТКИЙ СПИСОК САМЫХ ПОСЛЕДНИХ ПУБЛИКАЦИЙ ВИМЭИ

(ПО СОСТОЯНИЮ НА НОЯБРЬ 2016 ГОДА)

Последние обновления и сводная информация находятся также на сайте ВИМЭИ www.wiiw.ac.at

THE BELARUS ECONOMY: THE CHALLENGES OF STALLED REFORMS / БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫЗОВЫ ЗАСТОПОРИВШИХСЯ РЕФОРМ

by Rumen Dobrinsky (editor), Amat Adarov, Kateryna Bornukova, Peter Havlik, Gábor Hunya, Dzmitry Kruk and Olga Pindyuk / Румен Добрински (редактор), Аамат Адаров, Катерина Борнукова, Питер Хавлик, Габор Хуня, Дмитрий Крук и Ольга Пиндюк

wiiw Research Reports, No. 413, November 2016 / доклад об исследованиях ВИМЭИ, № 413, ноябрь 2016 года

145 страниц, включая 20 таблиц, 61 диаграмму и 6 блоков

Печатная версия: 24,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

LABOUR SHORTAGES DRIVING ECONOMIC GROWTH? / НЕХВАТКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ СПОСОБСТВУЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ?

by Vasily Astrov, Mario Holzner, Michael Landesmann, Isilda Mara, Oliver Reiter, Sándor Richter and Robert Stehrer, et al. / Василий Астров, Марио Хользнер, Майкл Ландесман, Изильда Мара, Оливер Рейтер, Сандор Рихтер и Роберт Стерер и др.

wiiw Forecast Report. / Прогнозный доклад ВИМЭИ. Economic Analysis and Outlook for Central, East and Southeast Europe, Autumn 2016 / Экономический анализ и обзор для Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, осень 2016 года.

wiiw, November 2016 / ВИМЭИ, ноябрь 2016 года.

157 страниц, включая 32 таблицы, 46 диаграмм и 3 блока.

Печатная версия: 80,00 евро (PDF: 65,00 Евро)

HAS TRADE BEEN DRIVING GLOBAL ECONOMIC GROWTH? / СПОСОБСТВОВАЛА ЛИ ТОРГОВЛЯ ГЛОБАЛЬНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ?

by Leon Podkaminer / Леон Подкаминер

wiiw Working Papers, No. 131, October 2016 / рабочий документ ВИМЭИ, № 131, октябрь 2016 года
29 страниц, включая 6 таблиц и 12 диаграмм.

Печатная версия: 8,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

**DID FISCAL CONSOLIDATION CAUSE THE DOUBLE-DIP RECESSION IN THE EURO AREA? /
ВЫЗВАНА ЛИ ДВОЙНАЯ РЕЦЕССИЯ В ЗОНЕ ЕВРО НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ
КОНСОЛИДАЦИЕЙ?**

by Philipp Heimberger / Филипп Хелмбергер

wiiw Working Papers, No. 130, October 2016 / рабочий документ ВИМЭИ, № 130, октябрь 2016 года
21 страница, включая 6 таблиц и 2 диаграммы.

Печатная версия: 8,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

WIIW MONTHLY REPORT 2016/10 / ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ ВИМЭИ 2016/10

ed. by Vasily Astrov and Sándor Richter / под ред. Василия Астрова и Сандора Рихтера

- › График месяца: Китайский новый Шелковый путь: Стратегия "Один пояс и один путь"
- › Рубрика "Мнение": Какова роль железнодорожного транспорта в Иране для усилий по запуску нового Шелкового пути?
- › Циклы Шелкового пути в течение порядка двух тысячелетий
- › Новый Шелковый путь: Китайская инициатива "Один пояс и один путь"
- › Россия, Евразия и Шелковый путь
- › Дополнительные материалы для чтения, рекомендуемые редакторами
- › Приложение по статистике: Месячные и квартальные статистические данные по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе
- › Предметный указатель - с октября 2015 года по октябрь 2016 года

wiiw Monthly Report, No. 10, October 2016 / Ежемесячный отчет ВИМЭИ №10, октябрь 2016 года
47 страниц, включая 1 таблицу, 24 диаграммы и 2 карты

Исключительно для членов ВИМЭИ

WIIW MONTHLY REPORT 2016/9 / ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ ВИМЭИ 2016/9

ed. by Vasily Astrov and Sándor Richter / под ред. Василия Астрова и Сандора Рихтера

- › График месяца: Украина: Тарифы на природный газ для населения, 2010-2016 годы
- › Рубрика "Мнение": Куда заводит Брексит ЕС и процесс европейской интеграции?
- › Позиция Австрии в стратегии ЕС для Придунайского региона
- › Последние достижений австрийских ПИИ в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе - банковские операции все еще важны
- › Отрасль автозапчастей в Австрии: выигрывает или проигрывает от интеграции?
- › Дополнительные материалы для чтения, рекомендуемые редакторами
- › Приложение по статистике: Месячные и квартальные статистические данные по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе
- › Предметный указатель - с сентября 2015 года по сентябрь 2016 года

wiiw Monthly Report, No. 9, October 2016 / Ежемесячный отчет ВИМЭИ №9, октябрь 2016 года
73 страницы, включая 31 диаграмму.

Исключительно для членов ВИМЭИ

**ESTIMATING IMPORTER-SPECIFIC AD VALOREM EQUIVALENTS OF NON-TARIFF MEASURES /
ОЦЕНКА АДВАЛОРНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ НЕТАРИФНЫХ МЕР ПО ИМПОРТЕРАМ**

by Julia Grübler, Mahdi Ghodsi and Robert Stehrer / Джулия Грюблер, Махди Годси и Роберт Стерер

wiiw Working Papers, No. 129, September 2016 / рабочий документ ВИМЭИ, № 129, сентябрь 2016 года

48 страниц, включая 13 таблиц и 10 диаграмм

Печатная версия: 8,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

DEVELOPMENT OF PUBLIC SPENDING STRUCTURES IN THE EU MEMBER STATES: SOCIAL INVESTMENT AND ITS IMPACT ON SOCIAL OUTCOMES / РАЗРАБОТКА СТРУКТУР ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ В СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ЕС: СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КОНЕЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

by Sebastian Leitner and Robert Stehrer / Себастьян Лейтнер и Роберт Стерер

wiiw Working Papers, No. 128, August 2016 / рабочий документ ВИМЭИ, № 128, август 2016 года
29 страниц, включая 11 таблиц и 8 диаграмм.

Печатная версия: 8,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

STRUCTURAL CHANGE AND GLOBAL VALUE CHAINS IN THE EU / СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ЕС

by Roman Stöllinger / Роман Столлингер

wiiw Working Papers, No. 127, July 2016 / рабочий документ ВИМЭИ, № 127, июль 2016 года
27 страниц, включая 3 таблицы и 5 диаграмм

Печатная версия: 8,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

**IDENTIFYING REVEALED COMPARATIVE ADVANTAGES IN AN EU REGIONAL CONTEXT /
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫЯВЛЕННЫХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В РЕГИОНАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ ЕС**

By Alexander Cordes (NIW), Birgit Gehrke (NIW), Roman Römisch (wiiw), Christian Rammer (ZEW), Paula Schliessler (ZEW), Pia Wassmann (NIW) / Александр Кордес (НИЭИ), Биргит Герке (НИЭИ), Роман Ромиш (ВИМЭИ), Кристиан Раммер (ЦЕЭИ), Паула Шлиссер (ЦЕЭИ), Пиа Вассманн (НИЭИ).

wiiw Research Reports, No. 412, July 2016 / доклад об исследованиях ВИМЭИ, № 412, июль 2016 года

173 страницы, включая 37 таблиц и 36 диаграмм

Печатная версия: 24,00 евро (PDF: возможность бесплатного скачивания с веб-сайта ВИМЭИ)

WIIW MONTHLY REPORT 2016/7-8 / ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ ВИМЭИ 2016/7-8

ed. by Vasily Astrov and Sándor Richter / под ред. Василия Астрова и Сандора Рихтера

- › Таблица: Обзор 2015 года и прогноз на 2016-2018 годы
- › Диаграмма: Рост ВВП в 2015-2016 годах и вклад отдельных компонентов спроса в процентах
- › Албания: Смешанные сигналы внутреннего и внешнего спроса
- › Беларусь: Уход от дна
- › Босния и Герцеговина: Время становится конструктивными
- › Болгария: Потребительские расходы поддерживают рост
- › Хорватия: Экономическое восстановление в условиях политического беспорядка
- › Чешская Республика: Экономические показатели превысили ожидания
- › Эстония: Стагнирующие инвестиции и внешний спрос сдерживают рост
- › Венгрия: Коллапс инвестиций; рост обеспечивается личным потреблением
- › Казахстан: Экономика продолжает терять силу
- › Косово: Соглашение о стабилизации и ассоциации в силе с апреля
- › Латвия: Ускорение роста откладывается
- › Литва: Возобновление роста при поддержке экспорта
- › Македония: Политическая нестабильность влияет на инвестиции
- › Черногория: Строительство дороги и демократии
- › Польша: Неожиданно слабое начало 2016 года
- › Румыния: Слабое реагирование производства на всплеск потребления
- › Российская Федерация: Вступление в фазу оживления после экономического кризиса и грядущее медленное восстановление
- › Сербия: Восстановление продолжается, но сталкивается с трудностями
- › Словакия: В этом году ожидается замедление роста
- › Словения: Выход из процедуры чрезмерного дефицита
- › Турция: Рост, основанный на потреблении
- › Украина: Продвижение через трудности

wiiw Monthly Report, No. 7-8, July-August 2016 / Ежемесячный отчет ВИМЭИ №7-8, июль-август 2016 года

25 страниц, включая 1 таблицу и 1 диаграмму

Исключительно для членов ВИМЭИ

IMPRESSUM

Herausgeber, Verleger, Eigentümer und Hersteller:

Verein „Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche“ (wiiw),
Wien 6, Rahlgasse 3

ZVR-Zahl: 329995655

Postanschrift: A 1060 Wien, Rahlgasse 3, Tel: [+431] 533 66 10, Telefax: [+431] 533 66 10 50
Internet Homepage: www.wiiw.ac.at

Nachdruck nur auszugsweise und mit genauer Quellenangabe gestattet.

Offenlegung nach § 25 Mediengesetz: Medieninhaber (Verleger): Verein "Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche", A 1060 Wien, Rahlgasse 3. Vereinszweck: Analyse der wirtschaftlichen Entwicklung der zentral- und osteuropäischen Länder sowie anderer Transformationswirtschaften sowohl mittels empirischer als auch theoretischer Studien und ihre Veröffentlichung; Erbringung von Beratungsleistungen für Regierungs- und Verwaltungsstellen, Firmen und Institutionen.

wiiw.ac.at